

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

Софья ЧАЙНАНИ

Школа Добра и Зла

Соман Чайнани

**Школа Добра и Зла.
В поисках славы**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Чайнани С.

Школа Добра и Зла. В поисках славы / С. Чайнани — «Эксмо»,
2017 — (Школа Добра и Зла)

ISBN 978-5-04-096129-0

Ученики школы Добра и Зла думали, что они обрели своё «долго и счастливо», когда победили Директора школы Зла. Однако теперь, выполняя выпускные задания-квесты, они сталкиваются с новыми, ещё более опасными и непредсказуемыми противниками. Ставки высоки как никогда: либо победа и вечная слава либо смерть и полное забвение. Агата и Тедрос пытаются вернуть Камелоту былое величие, Софи взяла на себя роль – ни много ни мало! – имиджмейкера школы Зла и её учащихся. Но вскоре все они понимают, что хаос, расползающийся по Лесам, может поглотить и их самих. Нужен тот, кто возглавит отряд, способный остановить новое Зло – Змея. Злодея, сеющего панику и наводящего ужас на все королевства Лесов. Чтобы выжить, нужно объединиться и действовать сообща. Иначе от привычных всем Лесов не останется и следа.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-096129-0

© Чайнани С., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть I	6
1	6
2	16
3	31
4	38
5	46
6	55
7	65
8	69
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Соман Чайнани

Школа Добра и Зла. В поисках славы

© Мольков К. И., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Элли и Брендану

*Две башни высоко уходят в небеса.
Вокруг – непроходимые леса,
Их покрывает платьем подвенечным
Тумана колдовского пелена.
Две башни, две сестры, что связаны навечно
Как день и ночь, как осень и весна.
Одна приют для тех, кто чист душой,
Для черных сердцем – место во второй.
Бессмысленно задумывать побег,
Из этой школы не уйти вовек,
Тропа отсюда есть всего одна —
Тебя сквозь сказку поведет она.*

Часть I

1

Агата. Почти королева

Если большую часть своей жизни ты планировала найти свое «долго и счастливо» со своей подругой, начинаешь очень странно чувствовать себя, если вместо этого тебе нужно готовиться к свадьбе.

Особенно если жених на протяжении нескольких месяцев старается избегать встреч с тобой.

Занятая этими мыслями, Агата никак не могла уснуть и беспокойно ворочалась в кровати с боку на бок. Думала о сотнях больших и мелких вещей, которые нужно было успеть сделать до великого дня свадьбы, но все они отступали на второй план, уступая место совершенно иным воспоминаниям – о юноше, за которого она собиралась выйти замуж. И какими же мучительными были эти воспоминания!

Агата живо представила себе Тедроса, с залитым слезами лицом, опирающегося на плечо другого мужчины. Тедроса, который кричит от боли...

Агата перевернулась на живот и зарылась головой под подушку.

С того времени прошло полгода. Ровно шесть месяцев со дня коронации.

И именно начиная с того дня Агата уже ни разу не смогла спокойно уснуть.

Агата почувствовала, как заворочался Потрошитель, – ее беспокойство передалось дремавшему у нее в ногах коту. Агата виновато вздохнула и начала дышать ровно и глубоко, пытаясь успокоиться и больше его не тревожить. Вскоре неприятные воспоминания отпустили ее, и Агата почувствовала себя намного лучше – впрочем, она *всегда* начинала чувствовать себя лучше, когда делала что-то в помощь другим, даже если речь идет всего лишь о том, чтобы не мешать спать своему лысому старому коту.

«Если бы я могла что-нибудь сделать и помочь моему принцу, – подумала Агата. – Ведь мы всегда справлялись с любыми трудностями, если брались за дело вдвоем, вместе...»

Щелк!

Мысль оборвалась на полуслове, сердце Агаты замерло.

Дверь.

К негромкому сопению спящего Потрошителя добавился тихий скрип дверных петель.

Агата притворилась спящей, но при этом осторожно протянула руку к лежащему на ночном столике ножу.

Держать при себе нож вошло у нее в привычку с той поры, когда они с Тедросом приехали в Камелот. Слишком уж много здесь оказалось врагов, мечтавших убить новоявленного, нежелательного ими короля и его будущую королеву...

И вот сейчас кто-то тихо открывал дверь ее спальни.

Появляться здесь в такой поздний час не позволялось никому. Не то что в покои будущей королевы, но и вообще в это крыло замка вход был закрыт для всех. И все же...

Сквозь проем в приоткрывшейся двери просочился бледный луч лунного света. Агата затаила дыхание, слушая мягкие шаги по мраморному полу спальни. На простыни упала чья-то тень.

Агата крепко сжала рукоять ножа.

Под весом присевшего на край ее кровати тела медленно прогнулся матрас.

«Рано», – мысленно скомандовала самой себе Агата.

Матрас прогнулся сильнее – кто-то наклонился ближе к ней.

«Рано».

Агата хорошо слышала дыхание непрошеного гостя.

«Рано».

Тень поползла вперед, легла на шею Агаты, на ее лицо...

«Пора!»

Агата шумно выдохнула и резко взмахнула рукой. Реакция у ночного гостя оказалась отменной, он успел в последний момент схватить запястье Агаты и припечатал ее руку к кровати – остро заточенное лезвие ножа прошло буквально в миллиметрах от его шеи.

Агата захлебнулась от ужаса и встретила своими широко раскрытыми глазами с глазами гостя.

Рассмотреть почти в полной темноте его лицо она не могла, но запах... Агата узнала этот запах разгоряченной кожи, и запах свежего, выступившего на ней пота тоже, и страх отпустил ее. Уже не сопротивляясь, она позволила ночному гостю забрать у нее нож, он положил его на столик, а сам рухнул головой на подушку рядом с ней. Заметим, что произошло все это настолько быстро и беззвучно, что спавший Потрошитель даже не шевельнулся.

Агата ждала, когда гость заговорит или просто прижмет ее к своей груди. Может быть, объяснит наконец, почему он сторонился ее все это время. Но вместо этого он просто клубочком свернулся рядом с ней, поскуливая, словно уставший пес.

Агата погладила его шелковистые волосы, промокнула кончиками пальцев выступившие у него на висках капельки пота и позволила ему зарыться носом в ее ночную рубашку.

Она никогда не видела его таким несчастным, таким напуганным и разбитым.

Но постепенно его дыхание становилось все более ровным, напряженное тело расслаблялось, и на лице даже появилась слабая улыбка...

Но тут же исчезла.

За ними кто-то наблюдал. Высокая женщина с тюрбаном на голове стояла в открытом дверном проеме, и ее недобро оскаленные зубы неестественно сверкали в лунном свете.

А в следующий момент Тедрос ушел, растворился в ночной темноте так же стремительно и беззвучно, как и появился.

Лучи августовского солнца отражались на люстре, отбрасывая в глаза Агате яркие солнечные зайчики.

Сонно жмурясь, она смотрела в потолок. На люстре недоставало хрустальных подвесок, вместо них свисали серые нити паутины.

Агата повернулась на бок, прижимая к груди подушку. Подобрался проснувшийся Потрошитель, нацелился было подрать подушку когтями, но Агата цыкнула на него, и кот неохотно ушел назад, в ноги своей хозяйке.

«*Понемногу исправляется*», – подумала про кота Агата.

Когда они только приехали в этот замок, Потрошитель первым делом надул в туфли Тедроса.

В коридоре слышались голоса. Они приближались, и Агата поняла, что дольше ей расслабляться не дадут и в покое не оставят.

Агата села в кровати, оставаясь по-прежнему в своей мешковатой черной ночной рубашке, и обвела взглядом свою спальню. Она была раза в три больше, чем ее бывшая комната в старом доме в Гавальдоне, с мутными зеркалами в пыльных, украшенных драгоценными камнями рамах, с продавленным древним диваном, с массивным письменным столом из черного дерева с инкрустацией из слоновой кости – этому столу было лет двести, наверное, если не все триста. Продолжая прижимать к себе подушку, Агата задумчиво посмотрела на пол, покрытый потрескавшейся мраморной плиткой. Когда-то ярко-синяя, она выцвела от времени и сделалась серо-голубой. Такими же грязноватыми выглядели и стены – некогда они были разрисованы золотыми цветками, превратившимися теперь в размытые светлые пятна. В принципе, спальня королевы как в зеркале отражала в себе всю суть нынешнего состояния Камелота. Посмотришь издали – роскошь и блеск, подойдешь поближе – гниль и труха. Собственно говоря, таким же раздвоенным было и нынешнее положение самой Агаты: с одной стороны, она жила в королевских покоях, но настоящей-то королевой она не была.

До свадьбы еще два месяца.

При этом с каждым днем ожидание становилось все тревожнее, непонятнее.

Было время, когда Агате представлялось, что она будет счастливо жить-поживать в Гавальдоне вместе со своей лучшей подругой Софи. У них будет свой маленький домик в городке, чай с горячими тостами по утрам на завтрак, а потом – вдвоем на любимую работу, в книжный магазин мистера Довиля. *Бывший* магазин мистера Довиля, потому что после смерти его владельца они с Софи купят этот магазин и он будет называться «*Сказочный книжный мир АиС*». А после работы Агата отправится собирать целебные цветки и травы, из которых Софи будет делать свои прекрасные косметические кремы, а затем они вдвоем пойдут навестить мать Агаты, и там, в ее доме на Кладбищенском холме, сядут обедать. На обед мать подаст Агате жаркое из бараньих мозгов и пирог с ящерицами, а вегетарианке Софи – пареные сливы и огурцы! Какой спокойной, размеренной была бы такая жизнь. Какой *счастливой*. Дружба – это все, что было бы нужно им с Софи, дружба – и больше ничего.

«*Как же сильно все изменилось*», – подумала Агата, судорожно сжимая подушку. – *Просто до неузнаваемости*».

Да, все в ее жизни сложилось совершенно не так, как мечталось. Мать Агаты умерла, Софи стала деканом волшебной школы Зла, а сама Агата собирается выйти замуж за сына короля Артура.

Между прочим, пожалуй, никто не волновался об этой предстоящей свадьбе так сильно, как Софи, даже сама Агата.

Софи слала подруге письмо за письмом, и чего только не было в этих письмах! Бесчисленные наброски свадебных платьев, и рецепты праздничных тортов, и советы насчет того, какую именно посуду и приборы следует поставить на столы в этот знаменательный день. А вместе с советами и пожеланиями – скрытые упреки. («*Дорогая Агги, я до сих пор не получила*

от тебя ответа по поводу образцов шифона для свадебной вуали, которые я тебе посылала. И насчет бутербродов канане тоже. Послушай, дорогая, если тебе не нужна моя помощь, то так прямо и скажи...»)

Вот они, эти письма от Софи – стопкой лежат на столе, покрытые легким налетом пыли. Каждый день Агата обещала себе, что обязательно найдет время и ответит на них, но дело до этого так никогда и не доходило. Хуже всего было то, что Агата сама не могла понять, почему это так.

Шаги в коридоре приближались, становясь все громче.

У Агаты скрутило желудок от предчувствия.

Она прекрасно знала, что ее сейчас ждет, ведь это происходило каждое утро на протяжении всех последних шести месяцев. Каждое утро – только представьте себе! А тут еще и Тедрос, который начинал тревожить Агату все сильнее. Он с каждым днем все больше замыкался в себе. Правда, вчера ночью произошел тот редкий случай, когда у Агаты появилась надежда, что Тедрос наконец-то объяснит, почему он так странно начал вести себя с ней сразу после дня своей коронации. Но ничего не вышло. Да, Агата понимала, что Тедрос смущен... опустошен... даже пристыжен, пожалуй, и она очень хотела помочь ему снять возникшую между ними напряженность. Но как это сделать, если Тедрос с ней не разговаривает и всячески избегает встреч, особенно наедине?

Голоса в коридоре все громче. Шаги все ближе.

Облизнув пересохшие губы, Агата потянулась к ночному столику за стаканом воды. Пусто. И в кувшине тоже.

Потрошитель соскользнул с кровати и крадучись направился к облезлой двери спальни.

Агата еще успела подумать, как ей необходимо хотя бы немного времени побыть вдвоем с Тедросом. Времени, чтобы пожить общей с ним жизнью, а не порознь. Времени, чтобы честно и спокойно, как встарь, объясниться друг с другом. Времени, чтобы снова побыть *самими собой*...

Все. Двойные двери спальни со скрипом распахнулись, и торжественно, словно солдаты на параде, в комнату вошли четыре горничные. На них были платья разных пастельных тонов – персиковое, фисташковое, желтое, розовое.

Издалека они были похожи на спиральки из коробки с цветными макаронами. А возглавляла это шествие высокая смуглая женщина в платье цвета лаванды, с темными, влажно блестящими глазами, накрашенными яркой кричащей алой помадой губами и иссиня-черными, прикрытыми тюрбаном густыми волосами. В одной руке женщина держала блокнот в кожаном переплете, в другой – ручку из пера какой-то птицы. Перо было такое длинное, что свисало вниз наподобие хлыста.

Женщина открыла свой блокнот и стала медленно монотонно зачитывать расписание Агаты на сегодня.

– Завтрак с оформляющим свадебную церемонию флористом в семь часов в столовой Синей башни замка. Затем встреча с белошвейками, претендующими на право сшить постельное и столовое белье для свадьбы. Они будут представлены вам поодиночке, с интервалом в двадцать минут. Вы должны осмотреть представленные ими образцы и выбрать, кому из белошвеек следует поручить свадебный заказ. После этого у вас интервью с корреспонденткой газеты «Камелотский курьер» для их специального Предсвадебного выпуска. Ровно в девять вы должны прибыть в Камелотский зоопарк, чтобы выбрать голубей, которых будут выпускать на вашей свадьбе. Вам покажут голубей нескольких разных пород, которые отличаются оттенками белого оперения...

Агата слушала вполуха, поскольку в это время Персиковая и Фисташковая горничные вытащили ее из постели и обтирали ошпаренными кипятком полотенцами, Желтая горничная щеткой чистила ей зубы, а Розовая втирала в лицо какие-то кремы, похожие на те, что так

ловко умела составлять Софи. Правда, на саму Софи Розовая горничная совершенно не была похожа – не было в ней ни капельки обаяния, и хотя бы намек на чувство юмора не было тоже.

– ...Затем вы должны будете подписывать в книжном магазине экземпляры «Сказки о Софи и Агате». Собранные средства пойдут на ремонт водопровода в замке, – четко и равнодушно, без всякого выражения продолжала читать Лавандовая женщина. – Оттуда вы проследуете в клуб «Спенсел», где будете читать сказку детям богатых меценатов, готовых пожертвовать деньги на ремонт подъемного моста...

– Э... леди Гримлейн, – перебила ее Агата. Голос у нее прозвучал приглушенно, потому что как раз в это время горничные натягивали на нее через голову красивое голубое платье. – А найдется ли в расписании хотя бы немного времени, когда я могла бы увидеть Тедроса? Мы с ним уже целую вечность не обедали и не ужинали вместе...

– ...После ланча, – невозмутимо продолжала леди Гримлейн, – вы отправитесь на урок вальса, чтобы подготовиться к вашему первому танцу с новобрачным во время свадебного торжества. Затем последует урок этикета, который поможет вам не опозориться за праздничным столом, и, наконец, урок истории, на котором вас познакомят с триумфами и трагедиями, случившимися во время королевских свадебных церемоний в прошлом. Это должно помочь вам в будущем вписать свое имя в число триумфаторов, а не...

Агата скрипнула зубами. Горничные продолжали хлопотать, укладывая ей волосы и нанося на лицо макияж. Глядя на них, Агата всегда вспоминала суетливых нимф из комнаты Красоты школы Добра.

– Танцы, этикет, история... – снова перебила она леди Гримлейн. – Я словно опять очутилась в школе Добра. Только в школе я при этом могла постоянно видеться с моим принцем.

Леди Гримлейн подняла глаза на Агату, а затем так громко и резко захлопнула свой блокнот, что из оправы зеркала вылетел расшатавшийся в своем гнезде драгоценный камень.

– Если у вас нет *других* вопросов, ваши горничные сами проследят за тем, чтобы вы не опоздали к завтраку, – сказала она, направляясь к двери. – Я в любой момент могу понадобиться королю, и...

– Я хочу сегодня увидеться с Тедросом, – требовательным тоном заявила Агата. – Прошу вас внести эту встречу в мой расписание дня.

Леди Гримлейн остановилась, обернулась и холодно посмотрела на Агату, сжав в тонкую ниточку свои ярко накрашенные губы. Горничные с опаской переглянулись и осторожно отступили на шаг от Агаты.

– Мне кажется, прошлой ночью у вас было более чем долгое свидание с королем, – сказала леди Гримлейн. – В нарушение всех правил, между прочим. Король не должен до свадьбы посещать вас в вашей спальне.

– Тедрос должен иметь право видеть меня в любое время, как только пожелает, – возразила Агата. – Ведь я его королева.

– *Еще нет*, принцесса, – холодно парировала леди Гримлейн.

– Ну, значит, буду после свадьбы, – не отступала от своего Агата. – А оставшееся до этого время я желаю не тратить на всякие пустяки, а быть рядом с Тедросом. Хочу помогать ему налаживать жизнь в стране, королем которой он стал. Вы управляете хозяйством замка, леди Гримлейн, и в ваши обязанности домоправительницы, насколько мне известно, входит выполнение распоряжений, которые вам дают король и его будущая королева. Так что побеспокойтесь о том, чтобы исполнить мое приказание.

– Мне кажется, вы не вполне отдадите себе отчет в том, какова на самом деле ситуация, в которой вы оказались, – ледяным тоном ответила леди Гримлейн. – Замок находится в плачевном состоянии, буквально разваливается на глазах. Право вашего короля носить корону, которая на нем надета, очень многими оспаривается. Не секрет, что замышляются заговоры с целью убить и короля, и вас. Бывшая королева и ее возлюбленный рыцарь с момента корона-

ции нынешнего короля находятся в бегах, и об их намерениях никому не известно. По городу распространяются листовки с призывами свергнуть монарха, и в них, если это вам интересно, вас называют «высочкой из второсортной сказки, которой суждено опозорить Тедроса еще сильнее, чем это сделала его собственная мать». Кстати, – усмехнулась леди Гримлейн, – каким образом вы собираетесь помогать своему королю? Ведь весь ваш жизненный опыт, насколько мне известно, ограничивается недолгим пребыванием в школе да несколькими свиданиями, на которых вы целовались со старостой.

– Неправда, – возразила Агата, с отвращением морща нос от запаха тяжелых духов леди Гримлейн. – Я знаю гораздо больше, чем вам кажется, а самое главное – я действительно *хочу* помогать Тедросу и *уверена*, что вместе с ним мы сумеем справиться с любыми трудностями, потому что мы одна команда, и...

– В таком случае, почему *он* никогда не выражает желания увидеть вас? – перебила ее леди Гримлейн.

Агата замолчала и отпрянула так, словно ее ударили по лицу.

– На самом деле, если не считать небольшой оплошности, которую король допустил прошлой ночью и клятвенно обещал никогда не повторять впредь, он в разговорах со мной ни разу даже не упомянул вашего имени, – нанесла очередной удар леди Гримлейн.

Агата ничего не ответила.

– Видите ли, принцесса, я боюсь, что у короля Тедроса есть более важные занятия, чем свидания с вами. Ему нужно думать о том, как вывести Камелот из его нынешнего плачевного состояния, причем успеть сделать это до вашей свадьбы. Сама же свадьба должна стать событием настолько пышным и запоминающимся, таким *воодушевляющим*, чтобы погасить все сомнения, зародившиеся в людях после позорной коронации. В соответствии с тысячелетними традициями подготовка свадьбы является первоочередной задачей будущей королевы. Проще говоря, подготовить свадьбу – ваша задача. Это и будет *реальной* помощью, которую вы так стремитесь оказать своему королю. – Она наклонилась так близко, что теперь едва не касалась своим носом носа Агаты. – Но если желаете, я, разумеется, могу доложить ему обо всем. О том, что вы не желаете выбирать свои свадебные наряды, обувь, не желаете думать, как украсить зал для предстоящего торжества, не собираетесь учиться ни танцам, ни этикету, но всему этому предпочитаете отрывать короля от его государственных дел – только лишь для того, чтобы он помог вам почувствовать себя членом *команды*... Вы этого хотите, принцесса? Я могу передать королю все это, и посмотрим, что он скажет в ответ.

Агата тяжело сглотнула. У нее покраснела шея и щеки, к глазам подступили горячие слезы.

– Нет, не нужно ничего говорить... Все в порядке. Надеюсь, что мы увидимся с ним завтра, – сказала она, опуская голову, а когда вновь подняла ее, леди Гримлейн в спальне уже не было, остались лишь горничные в разноцветных платьях, готовые сопровождать принцессу на завтрак.

К середине дня Агате уже хотелось сбежать отсюда куда глаза глядят.

Это сказывались изматывающие недели, на протяжении которых Агате постоянно приходилось выдавливать на лице улыбку, делая вид, что она с интересом рассматривает сотни вариантов пригласительных открыток на свадьбу (по ее мнению, они практически ничем не отличались друг от друга), а также бесконечные образцы свадебных тортов, свечей и подсвечников, цветочных ваз и прочей ерунды, которая, как и открытки, была ей совершенно не интересна.

Если честно, Агата была бы вполне счастлива выйти замуж за Тедроса в самой скромной обстановке, хоть в шалаше. Отличный вариант, между прочим, поскольку в шалаше гостей не соберешь, вот красота-то!

Ничуть не веселее оказались и другие предсвадебные хлопоты, вроде присутствия на концертах в рамках благотворительной кампании «Украшение Камелота», где собирались деньги на восстановление замка, пришедшего после смерти короля Артура в полный упадок. Но и это было еще не самое ужасное, поскольку Агата умела спокойно относиться к подобным глупостям (в конце концов, недаром же ее лучшей подругой была Софи!). Однако злобная леди Гримлейн умела вставлять в расписание Агаты ну совсем уж унижительные вещи, вытерпеть которые не было никаких сил. Например, Агате пришлось однажды спеть без сопровождения гимн на открытии финального матча на Кубок Лесов по регби (и она спела его, хотя игроки из команды Камелота, привыкшие слышать свой гимн в более приличном исполнении, в ужасе затыкали себе уши). В другой раз Агата открывала уже не матч по регби, а Весеннюю ярмарку, и там ее усадили верхом на быка. Это закончилось тем, что бык сбросил будущую королеву в огромную кучу свежего навоза. Или тот случай на аукционе «Купи поцелуй принцессы», выручка от которого тоже пошла на ремонт замка. Там Агате пришлось поцеловать победителя, которым оказался какой-то грязный беззубый отморозок (леди Гримлейн утверждала, что он выиграл поцелуй совершенно честно и законно).

Гиневра предупреждала Агату, что ей следует ожидать различных пакостей от своей новой домоправительницы. Эту должность леди Гримлейн занимала еще в то время, когда Гиневра была женой короля Артура. Потом они обе, как говорится, проштрафились, и Гиневра была вынуждена прогнать леди Гримлейн из замка. Однако после исчезновения Гиневры и смерти короля Артура власть в Камелоте перешла к Совету Старейшин, который должен был править до тех пор, пока Тедросу не исполнится шестнадцать лет. Они-то и вернули леди Гримлейн на ее прежнее место. Неудивительно, что симпатии домоправительницы были на стороне Старейшин, и потому она с предельной жесткостью (если не сказать – жестокостью) относилась к молодому выскочке-королю и его неотесанной принцессе. Но хуже всего было то, что, даже став королем, Тедрос не мог прогнать эту старую калошу до тех пор, пока официально не будет подтверждено его право носить на своей голове корону короля Камелота.

Зная обо всем этом, Агата пыталась завязать со своей домоправительницей дружеские отношения, но леди Гримлейн люто возненавидела ее с первого взгляда. Она не хотела, чтобы Агата стала женой короля Камелота, и, казалось, поставила своей целью сделать все возможное, чтобы девушка бросила своего жениха накануне свадьбы.

«Я скорее умру», – мысленно давала себе клятву Агата.

Так продолжалось уже шесть месяцев, и каждое утро Агата просыпалась с мыслью о предстоящей новой схватке с домоправительницей.

Но сегодняшний день буквально добил Агату.

Сначала была встреча с флористом, который столько раз заставил Агату понюхать разные представленные на ее суд букеты, что у будущей королевы покраснели глаза и потекло из носа. Затем начался просмотр шести белошвеек, каждая из которых показала столовое и постельное белье собственного производства. Все эти дюжины простыней и скатертей казались Агате совершенно одинаковыми. После белошвеек на сцене появилась корреспондентка газеты *«Камелотский курьер»* – юная девица с красным леденцом на палочке в руке по имени Беттина.

– Леди Гримлейн уже написала за вас ответы на все мои вопросы, – с порога сообщила Агате корреспондентка, – поэтому давайте поболтаем без записи, шутки ради.

И она засыпала бедную Агату вопросами, которые касались их отношений с Тедросом: «Что он надевает, когда ложится спать?», «Он придумал для вас ласковые прозвища?», «Какие?», «Вам доводилось ловить его на том, что ему приглянулась какая-то другая девушка?»

– Нет, не доводилось, – ответила Агата на последний вопрос.

Ей хотелось добавить, что больше всего Тедрос терпеть не может белобрых глупых корреспонденток с леденцом во рту, но решила помалкивать.

– Вы с Тедросом планируете завести детей? – не унималась Беттина.

– А вы ищете тех, кто бы вас удочерил? – резко ответила Агата.

На этом, собственно, интервью и закончилось.

Следующим испытанием стал благотворительный утренник в элитном клубе «Спенсел», где Агате пришлось читать избалованным деткам местных богачей широко известную в Камелоте сказку «Лев и Змей». Детишки эту сказку, разумеется, уже знали и потому постоянно перебивали Агату. Она едва дождалась, когда же закончится наконец эта показавшаяся ей бесконечной сказка. С утренника Агату повезли в зоопарк, где ей пришлось делать вид, что она выбирает голубей. Затем, взмыленная, в пропотевшем платье, будущая королева отправилась на урок танцев разучивать вальс, держа в голове предстоящий после этого урок этикета и с трудом сдерживая подступающие к глазам слезы.

«Король ни разу за это время не упомянул вашего имени», – вспомнились ей недавние слова леди Гримлейн.

Агате очень хотелось убедить саму себя в том, будто старая лоханка солгала, но она знала, что леди Гримлейн, к сожалению, ничего не придумала.

Если в последние месяцы ей и доводилось несколько раз сталкиваться с Тедросом в замке – совершенно случайно, разумеется, – их встречи всегда оказывались, что называется, «ни о чем». Ну, скажет Тедрос, как хорошо выглядит Агата, или спросит, удобно ли она устроилась на новом месте, а то и вовсе пробурчит что-нибудь о погоде – и поскорее бочком-бочком прочь, словно вспугнутая белка. Прошлой ночью в своей комнате Агата впервые за все время, что они живут в Камелоте, увидела Тедроса без натянутой, словно приклеенной улыбочки на лице и подумала еще, что наконец-то с ее королем все в порядке.

Тедрос совсем не был в порядке, и при этом Агата просто ума не могла приложить, как и чем ему помочь.

Агата тряхнула головой, выплывая из своих мыслей, и потеряла глаза кончиками пальцев. Ведь она приехала в Камелот ради Тедроса. Вместе с Тедросом. Приехала для того, чтобы стать его королевой. Быть рядом с ним в печали и радости. Тогда *почему же* они оказались вдруг оторваны друг от друга? Почему сражаются каждый за себя, а не вместе?

Агата не сомневалась, что она нужна Тедросу. Очень нужна. Именно поэтому он и пробрался вчера ночью тайком в ее комнату. Да, но тогда почему он не может просто сказать ей об этом? Агата была твердо уверена: в том, что происходит, нет ни капли ее вины. Да, она ни в чем не виновата, но при этом не перестает чувствовать себя отвергнутой и обиженной. Даже оскорбленной.

Пошевелился свернувшийся клубочком у нее на коленях Потрошитель – напомнил хозяйке, что он здесь, рядом с ней.

– Эх, вернуться бы сейчас в наш дом на Кладбищенском холме, в те времена, когда у нас еще ни одной мысли о парнях в голове не было! – вздохнула Агата, поглаживая кота по его лысой голове.

Потрошитель коротко мяукнул – очевидно, в знак согласия.

Агата выглянула в окно своей синей с золотыми узорами кареты, которая въезжала сейчас на Рыночную площадь, торговый центр города Камелот. К сожалению, мостовые и площади, и прилегающие к ней улицы были в таком ужасном состоянии, что по их выбоинам ни один нормальный кучер на карете бы не поехал – выбрал бы к замку более длинную, но гладкую объездную дорогу, но Агата уже опаздывала на урок танцев, и нужно было спешить. Раскачиваясь, словно корабль в штормовом море, карета катила вперед, из-под колес летели комья грязи. За окном проплывали разномастные торговые палатки и лавки – убогие, конечно, зато над каждой из них был поднят флаг с гербом Камелота: легендарный меч Экскалибур и два охраняющих его орла на синем щите.

Агата не могла не заметить резкого различия между богатыми горожанами, пришедшими за покупками в своих дорогих одеждах и золотых украшениях, и сотнями оборванных, худых словно скелеты бедняков, живущих в хижинах-развалюхах в прилегающих к рыночной площади переулках. На самой площади дежурили многочисленные солдаты королевской гвардии, они бесцеремонно отгоняли прочь всех бедняков, рискнувших слишком приблизиться к богатым горожанам, входящим в лавки или выходящим из них. Чтобы лучше рассмотреть, что происходит, Агата приспустила окно кареты, но кучер сразу же постучал хлыстом по стеклу:

– Закройте окно, миледи.

Агата подняла стекло и вспомнила, как впервые увидела эти трущобы в самом центре города, когда только-только впервые приехала в Камелот. Тедрос объяснил ей тогда, что его отец вел Камелот к процветанию, хотел сделать жизнь своих подданных богаче и счастливее – но не успел.

После смерти Артура власть перешла к его Совету, который выступал на стороне богатей. Были приняты законы, позволяющие богачам отбирать земли и разорять представителей так называемого среднего класса, превращая их, совсем еще недавно зажиточных граждан, в бедняков. Тедрос поклялся добиться отмены этих несправедливых законов, дать новое жилье всем, кто лишился своих домов, но за полгода, прошедших после его возвращения в Камелот, пропасть между богатыми и бедными не только не уменьшилась, но сделалась еще больше. Почему Тедросу не удалось добиться успеха? Неужели он не замечал, во что превратилось королевство, оставленное ему отцом? Как он мог мириться с тем, что в нем творилось?!

«Вот если бы я была королем...» – подумала было Агата, но тут же со вздохом прогнала эту мысль. Она же не король! И пока даже не королева.

Ей сразу вспомнилась вчерашняя ночная встреча с Тедросом. Ясное дело, он ужасно огорчен и озабочен всем, что происходит. Пытается что-то наладить в Камелоте, но действовать ему приходится в одиночку, и нет никого, кто помог бы ему. Нет рядом с ним ее, Агаты, и нет покойного отца, нет матери, нет Ланселота. Даже Мерлина нет – он тоже исчез и не появлялся все последние полгода...

Шмяк!

В окно кареты ударил брошенный чьей-то рукой гнилой помидор и растекся по стеклу красно-черной жижей. Агата резко повернула голову и увидела за окном грязного отвратительного оборванца, который громко крикнул:

– Так называемый король и его почти королева!

Внезапно из боковых темных переулков высыпали новые оборванцы и хором затянули словно заклинание:

– *Так называемый король и его почти королева! Так называемый король и его почти королева!*

Не переставая петь, они забрасывали карету всем, что попадалось им под руку – гнилыми овощами, рванными башмаками или просто комками грязи. Кучер бешено нахлестывал лошадей, гоня их поскорее с рыночной площади.

В жилах Агаты вскипела кровь. Ей хотелось выскочить из кареты и растолковать этим отморожкам, что ни она, ни Тедрос не виноваты в том, что некогда легендарное королевство превратилось в трущобы и лежит в развалинах...

«Ну, и чего ты этим добьешься?» – одернула саму себя Агата. И в самом деле: если бы ей самой пришлось голодать на улице, разве не винила бы она в своих несчastiaх «так называемого короля и его почти королеву»?

Разумеется, винила бы, потому что разве не у нее с Тедросом в руках сейчас вся власть? У них. Так пусть уже сделают что-нибудь, чтобы уменьшить нашу нищету и страдания.

Но перед вами два вчерашних подростка, два вчерашних школьника. И мы стараемся быть хорошими правителями.

Тедрос, во всяком случае, старается.

А она... Она сейчас едет брать урок танцев.

Агата сгорбилась на своем сиденье и мрачно смотрела в окно, а ее карета тем временем покинула центр города и медленно поднималась теперь по склону холма к белым, словно кость, воротам замка Камелот. Увидев королевскую карету, дежурившие возле ворот стражники уже бросились поднимать их – проржавевшие, потемневшие от копоти ворота, медленно и жутко скрипя, ползли вверх. Замок Камелот все-таки был очень красив, особенно если смотреть на него издали. Построенный на вершинах серых скал над Диким морем, он гордо поднимал к небу свои белые стройные башни, увенчанные изящными резными башенками, словно плывшими в прозрачной синеве рядом с легкими облачками.

Карета остановилась рядом с расщелиной в скалах, ведущей к входу в замок.

– Подъемный мост все еще не восстановлен после коронации, миледи, – извиняющимся тоном напомнил кучер, въезжая в каретный двор на краю скалы. – Через ров придется переправляться по подвесному канатному мосту.

Из кареты Агата выбралась сама, не дожидаясь, когда кучер откроет ей дверцу. «*Хватит хныкать!*» – приказала себе будущая королева, отважно вступая на шаткий канатный мостик, которым даже самым высокопоставленным гостям замка придется пользоваться до тех пор, пока не будет восстановлен прежний подъемный мост. Внимательно глядя себе под ноги, Агата и сейчас продолжала думать о Тедросе. О том, почему он не ищет встреч, не стремится, как прежде, к тому, чтобы они были одной командой.

«*Возможно, эта гадкая леди Гримлейн права,* – размышляла Агата. – Может быть, мне и правда перестать заикливаться на второстепенных вещах и полностью переключиться на то, чем я *действительно* должна заниматься: наполнить их с Тедросом свадебную церемонию такой любовью, такой красотой, чтобы восстановить у жителей королевства пошатнувшуюся после коронации веру в новых правителей. Нужно устроить такую свадьбу, которая покажет всем и каждому, что новый расцвет Камелота не за горами и что судьба не случайно свела Агату с Тедросом, что новые король и королева намерены не только быть счастливы сами, но и сделать счастливыми весь свой народ, даже тех, кто уже, кажется, потерял последнюю надежду...»

С высоко поднятой головой Агата вошла через поднятые ворота в замок, готовая сделать для общего счастья все, что только в ее силах.

Этого запала хватило у нее только до того момента, когда она узнала, кто будет учить ее танцевать вальс.

2

Тедрос. Провальная коронация

Несмотря на то что у него совершенно не было времени ни для себя, ни для Агаты, а проще говоря – вообще не было свободного времени, раскисать и терять форму Тедрос не собирался. Вот и сейчас, в толстых черных носках и обрезанных по колено бриджах, с наброшенным на загорелые сильные плечи полотенцем, он осторожно бесшумно пробирался через темные душные залы Золотой башни. Он понимал, что это нелепо, даже, может быть, глупо – идти качать мышцы в половине пятого утра, но, похоже, тренировки были единственным делом, которое полностью оставалось под *его* контролем. Пока, во всяком случае. А дальше, уже ровно в шесть утра, минута в минуту, к нему в комнату явится леди Гримлейн в сопровождении четырех слуг, и с этого момента и до самой ночи он уже не будет принадлежать самому себе.

Тедрос приближался к комнате Агаты, его так и подмывало свернуть туда и разбудить свою невесту, но прошлой ночью он уже сделал это – и чем все закончилось? Нет, неприятностей у него и без этого хватает. Его королевство на грани переворота – вот почему, опасаясь мятежа, он полностью передал контроль за всем, что происходит в замке, в руки леди Гримлейн. Тедросу казалось, что это был очень удачный ход, поскольку она была домоправительницей еще при Артуре – пусть в народе верят, что она с успехом будет управлять не только замком, но и новым королем, которого многие считали «ненастоящим». Впрочем, была и еще одна причина, по которой Тедрос позволил леди Гримлейн держать себя на коротком поводке.

Тедрос сам не верил в себя как в короля.

Ему нужен был кто-то вроде той же леди Гримлейн, чтобы наблюдать за каждым его шагом, контролировать каждое принимаемое им решение. Ведь если бы он вовремя прислушался к советам леди Гримлейн, такого позора на его коронации не случилось бы. Но теперь он *будет* ее слушать. Иначе любая его новая ошибка почти неизбежно может стать *роковой*.

Такую ошибку он едва не допустил вчера ночью. Сразу же после той ужасной коронации леди Гримлейн предупредила Тедроса, чтобы он не повторял ошибок своего отца, не позволял

какой-либо, даже любимой и близкой, женщине вмешиваться в дела короля и королевства. Ничем хорошим это закончиться не может. Тедрос отнесся к предупреждению леди Гримлейн со всей серьезностью и до вчерашней ночи строго соблюдал его, полностью сосредоточившись на своих делах и предоставив Агате самой заниматься ее собственными. Он сознательно пошел на это, хотя и понимал, что при таком раскладе у него будет гораздо меньше возможностей видаться и общаться с Агатой, чем в школе. И все же вчера он не выдержал, сорвался, припелся к Агате и вел себя с ней словно маленький плаксивый ребенок. Вспомнив об этом, Тедрос поморщился и покраснел от стыда. Он привез Агату в Камелот, оторвав от всего, к чему она привыкла, от людей, которых она знала. Ему хотелось, чтобы в Камелоте Агата чувствовала себя в безопасности и была окружена заботой, но все пошло не так, как задумывалось. Тедрос не хотел, не мог допустить, чтобы Агата увидела, каким слабым и ранимым он оказался. Он не мог позволить Агате понять, что единственное его желание – это оказаться вместе с ней как можно дальше отсюда. Крепко-крепко обнять ее и, как в омут с головой, сбежать куда глаза глядят. Не оборачиваясь.

Собственно говоря, нечто подобное он и пытался совершить вчера ночью.

«Ну и что, далеко ты сумел убежать? – с горечью подумал он. – И чем тебе пришлось расплатиться за свою слабость?»

Да, минутное облегчение, которое Тедрос испытал в объятиях Агаты, обернулось тем, что его будущая королева разволновалась, начала еще сильнее тревожиться за него, а свою домоправительницу он очень сильно рассердил и разочаровал. Стоила *эта* овчинка *такой* выделки? Вот то-то!

«Перестань вести себя как мальчишка, – ругал себя Тедрос. – Стань королем!»

Короче говоря, сегодня он пройдет мимо двери Агаты, не замедляя шага. Пусть даже при этом его сердце готово будет разорваться от тоски.

Тедрос не замедлил шаг – он почти бегом промчался вперед по коридорам, по пустынным залам, чувствуя, как по вискам стекают струйки пота. Как здесь душно, как неудобно, как все не похоже на старый родной замок! Две мыши шмыгнули прямо из-под ног Тедроса и поспешно скрылись в треснувшей штукатурке, а по украшавшим стены гипсовым барельефам с изображением легендарных рыцарей былых лет деловито сновали рыжие муравьи. Никогда, никогда, никогда не приходил в такое запустение знаменитый замок Камелот! Пока отец и мать Тедроса были королем и королевой, этот зал всегда сиял чистотой – нигде не было ни пылинки, ни соринки, ни малейшей трещинки в штукатурке, и в нем даже зимой пахло свежей мятой. Теперь зал стал похож на помойку, и воняло здесь дохлыми кошками.

Тедрос спешил все дальше и вскоре оказался в гимнастическом зале, заставленном тренажерами, среди которых тускло блестели застекленные стенды, где хранились подлинные мечи, кинжалы и другое оружие, принадлежавшее прославленным, вошедшим в историю Камелота рыцарям. Но если вы думаете, что гимнастический зал и был тем местом, куда на рассвете отправлялся Тедрос, то ошибаетесь. Юный король проскочил через этот зал, низко опустив голову, стараясь ни в коем случае не бросить даже случайный взгляд на большой застекленный стенд в самом центре зала.

Этот стенд пустовал, а на привинченной к нему табличке было написано всего одно слово:

Успел Тедрос увидеть этот печальный пустой стенд или нет, но он продолжал думать о нем весь остававшийся путь до Королевского грота – так назывался плавательный бассейн, спрятанный в недрах замка. Когда Тедрос был совсем еще юным принцем, этот рукотворный грот был увит цветущими лианами, оплетавшими стройные каменные колонны, среди которых стекали исходящие паром горячие водопады. Ароматная, пахнувшая тонкими пряностями вода бассейна отражала сотни пурпурных и розовых огоньков, которые отбрасывали фейри, ухаживавшие за гротом в обмен на право жить в безопасности за надежными крепкими стенами Камелота. Тедрос хорошо помнил, как ребенком приходил сюда по утрам, чтобы гоняться за крохотными светящимися созданиями вокруг высившейся в центре бассейна статуи своего отца.

С тех счастливых беззаботных времен Королевский грот изменился не в лучшую сторону. Вода в бассейне стала мутной, темной, холодной и зеленоватой, как в стоячем пруду. Цветущие лианы зачахли, водопады почти полностью пересохли, из них капала тепловатая водичка – *кап... кап... кап...* Фейри тоже исчезли – их прогнал из замка Артур, и случилось это после того, как Гиневра и Мерлин покинули старого короля, заставив его перестать верить в магию.

Тедрос взглянул на гири – он перенес их сюда из гимнастического зала, сложил возле бассейна и подвесил рядом с ними к потолку толстую веревку, чтобы упражняться в лазании по канату.

Тренироваться в том, большом гимнастическом зале Тедрос не хотел – просто физически не мог находиться возле пустого стенда, постоянно напоминающего о том, что легендарный меч, которым может владеть только *настоящий* король Камелота... Впрочем, это совсем другая, долгая и неприятная, история.

Тедрос медленно поднял взгляд на отцовскую статую, по-прежнему стоящую в центре ставшего мутным бассейна. Покрытый тиной и грязью, каменный король Артур строго смотрел снизу вверх на своего сына, держа в руке каменный Эскалибур.

Впрочем, если честно, все было не совсем так. Артур больше не *смотрел* на Тедроса. Не смотрел потому, что сын выбил каменные глаза отца и теперь вместо них в голове статуи темнели два неровных отверстия.

Взглянув на эти пустые каменные глазницы, Тедрос опустил голову.

Да, ему было очень стыдно за свой поступок, но он не мог вытерпеть, чтобы старый каменный король смотрел на него после того, что случилось во время той кошмарной коронации.

– Я все исправлю, отец, – прошептал Тедрос. – Я все исправлю, клянусь.

Он сбросил с плеча на покрытый скользкой ряской пол полотенце, нырнул в холодный бассейн – и сразу же перенесся мыслями в недавнее прошлое.

День, на который шесть месяцев назад была назначена коронация, выдался солнечным и теплым.

Тедрос успешно прошел все испытания, выпавшие ему на ведущей к этому великому событию дороге, – воссоединился и примирился с матерью, победил в войне против Директора школы Зла, без отдыха проделал долгий путь в седле и успел вернуться в Камелот как раз вовремя – прямо накануне того дня, когда на его голову должны были возложить осиротевшую после смерти короля Артура корону.

Да, Тедрос едва не валился с ног от усталости и бессонных ночей, но тем не менее не переставал улыбаться. А как же ему было не улыбаться, как же не радоваться, если он после стольких неудач, после стольких непредвиденных поворотов судьбы нашел наконец свое желанное «долго и счастливо»! Уже сегодня он станет полноправным правителем самого знаменитого, легендарного королевства во всех Бескрайних лесах. Он нашел Агату, которая теперь всегда будет рядом с ним. Его мать и Ланселот будут жить вместе с ними в замке, под одной крышей,

а это означает, что через столько времени у Тедроса вновь будет полноценная семья, о которой он не переставал мечтать с детства.

Каждое из этих событий уже могло бы стать прекрасным подарком к его шестнадцатому дню рождения. И, между прочим, был еще один, возможно самый дорогой и ценный, подарок – отсутствие Софи. Его старинная подруга-враг-принцесса-ведьма заняла должность декана школы Зла и вынуждена оставаться теперь далеко-далеко от них с Агатой. А это значит, что злодейка Софи не появится неожиданно у них на пороге и можно надеяться спокойно прожить всю оставшуюся жизнь, не опасаясь ее козней, предательства, лжи и вероломства. По своему горькому опыту Тедрос знал, что не стоит находиться в одно время в одном месте с Софи – это непременно вызывает у них обоих неукротимое желание либо убить друг друга, либо броситься друг другу в объятия, либо причинить страдания и смерть многим окружающим их людям.

– М-да, интересно, не мог бы Мерлин наложить заклинание, чтобы эта тряпка так ужасно не воняла? – пробормотал Тедрос. Он стоял перед зеркалом в своей спальне, одетый в старую отцовскую мантию, которую и нюхал, морща нос. – Тухляк какой-то.

– Весь этот замок тухляк, – проворчал Ланселот, прожевывая кусочек вяленого мяса. – А насчет заклинания... Я не видел Мерлина с той минуты, когда он вдруг выскочил на всем ходу из нашей кареты в Девичьей долине. Сказал, что, дескать, встретимся в замке – и был таков. Может, вскоре объявится.

– А может, и не объявится, – со вздохом заметила Гиневра, присаживаясь на кровать сына рядом со своим Ланселотом. – У него, как и у всех волшебников, свои представления о времени.

– Появится. Не может же Мерлин пропустить мою коронацию, никак не может, – уверенно возразил матери Тедрос и добавил, еще сильнее поморщившись: – Одеколоном побрызгать, что ли?..

– Эта мантия специально для коронации, Тедди. Тебе придется надеть ее всего один раз, – сказала ему мать. – И вообще, вяленое мясо, которое Ланс отыскал где-то в буфете, воняет, по-моему, гораздо хуже.

– Да перестань, Гвен, – добродушно проворчал Ланселот и в шутку шлепнул ладонью по кровати. От одеяла и простыней в воздух поднялось густое облако пыли. – Вот черт! Что же такое произошло с этим замком?!

– Ничего, мы с Агатой теперь все наладим, – торжественно заверил Тедрос, приглаживая волосы. – Нам-то с ней заранее было известно, что нас ожидает. Отцовские советники запустили не только замок – они вообще все в стране запустили: заняты были только тем, что набивали себе карманы. Всю казну разграбили. Приятно было смотреть на их лица, когда Ланс гнал их в темницы.

– Ну, честно говоря, лица у них были на удивление спокойные, – сказал Ланс и громко рыгнул. – Не ругались, не кричали, заявляли только, что я не имею права сажать их в тюрьму до тех пор, пока Тедрос не объявлен королем. Я в ответ сказал, чтобы они заткнулись и топали куда им приказано.

– Между прочим, они сказали все верно, – подала голос Гиневра. – А если ты, Ланс, не умеешь вести себя прилично, я прикажу, чтобы тебя перевели на вегетарианскую диету.

Тедрос и Ланселот взглянули на Гиневру.

– Это правда – то, что они сказали?! – удивился Тедрос.

– Овощи?! – ужаснулся Ланселот.

– До твоей коронации и официального объявления тебя королем вся власть в Камелоте принадлежит Совету Старейшин, назначенному покойным Артуром, – пояснила Гиневра. – Однако всего через несколько часов ты *станешь* королем – и вот тогда уже сможешь делать с этими ворами все, что пожелаешь. Это все хорошо известно дворцовой страже, поэтому никто из них даже не попытался помешать Лансу тащить прохвостов в тюрьму.

Тедрос после слов матери заметно успокоился и снова принялся разглядывать свое отражение в зеркале.

– Дорогой, хватит крутиться перед зеркалом – ты и так прекрасно выглядишь. Честное слово, замечательно, – сказала Гиневра. – А вот бедняжке Агате, вероятно, нужно помочь подготовиться к выходу на люди. Пойду-ка я посмотрю, что да как там у нее, а вы уж тут как-нибудь вдвоем, по-мужски с Лан...

– Да с Агатой все в порядке, не волнуйся, – прервал ее Тедрос, осторожно выдавливая обнаружившийся под нижней губой прыщик. *«Что я делаю?!»* – подумал Тедрос. – *«Я становлюсь ничуть не лучше Софи»*.

Вслух же он добавил:

– Кроме того, не забывайте, что мне сегодня исполняется шестнадцать лет, и я хочу в этот день побыть с матерью.

Не привыкшая к подобным нежностям, Гиневра густо покраснела от этих слов.

– А мне кажется, что наш маленький король просто побаивается оставаться со мной наедине, – подколот Ланселот Тедроса.

– Еще раз назовешь меня маленьким – разнесу тебя на клочки, – парировал Тедрос, многозначительно похлопывая ладонью по висящему у него на поясе Экскалибуру. – А вообще-то оставаться наедине с тобой удовольствие так себе. Вряд ли найдется много желающих испытать такое счастье.

– Твоя мать, например. Она очень даже любит оставаться со мной наедине, – многозначительно подмигнул Ланселот.

– О господи, – закатила глаза Гиневра.

– Рядом с Агатой все время трется та странная женщина-домоправительница... Ну, она еще душится так, что тараканыдохнут, – сказал Тедрос, рассматривая в зеркале свои зубы. – Она набивалась мне в помощницы, но я сказал, что предпочитаю вас двоих. По-моему, она была очень огорчена.

– Кстати, что за дела с этой дамой, а, Гвен? – спросил Ланселот. – Когда мы приехали сюда прошлой ночью, она была так взволнована. И ты тоже была огорошена, когда ее встретила.

– Да ничего особенного, – неохотно, коротко пояснила Гиневра. – Леди Гримлейн была у меня управляющей хозяйством, я наняла ее сразу после рождения Тедроса. Потом уволила. А теперь она снова вернулась.

– А что, в таком случае, произошло между вами, когда ты ее...

– Ничего не произошло, Ланс.

– Тогда почему сегодня ночью у тебя было такое лицо, словно ты увидела не эту леди Гримлейн, а Милли?

– Кто такая Милли? – спросил Тедрос.

– Коза. Рогатая. При каждой встрече гонялась за твоей матерью вокруг нашего дома, – ответил Ланселот.

Гиневра гулко шлепнула его по спине.

– Боже, сколько же свободного времени было у вас обоих, когда вы сбежали отсюда! – с затаенной завистью пробормотал Тедрос, по-прежнему глядя на себя в зеркало.

– В принципе, леди Гримлейн можно в расчет не принимать, – трезвым, спокойным тоном заметила Гиневра. – Она всего лишь прислуга, приставленная Старейшинами к принцу вплоть до его коронации. Как только тебя официально объявят королем, ты будешь иметь полное право тут же ее прогнать, раз и навсегда.

– Кстати, что на самом деле означает «как только тебя официально объявят королем»? Что я должен буду для этого сделать? Принести несколько клятв и выступить с речью перед народом? – спросил Тедрос, устав наконец любоваться своим отражением. Он отошел от зеркала и плюхнулся в потертое грязноватое кресло, стоящее рядом с его кроватью.

– Мне казалось, ты говорил, что знаешь обо всем, что должно произойти во время коронации, – нахмурилась Гиневра.

– А еще добавил, что ты в наших лекциях не нуждаешься, – подколот будущего короля Ланселот.

– Ну ладно, перестаньте. Скажите лучше, есть что-нибудь такое... особенное, что я должен знать и учесть в своей речи? – нетерпеливо спросил Тедрос.

– От тебя вообще никто не ждет никаких речей, дурачок, – хмыкнул Ланселот.

– Не ждут? Ладно, – поморгал Тедрос. – Ну, а когда мне лучше всего представить вас как членов моей королевской семьи, которые будут жить при дворе?

Его мать и Ланселот быстро переглянулись, и Гиневра сказала:

– Э... знаешь, Тедди, не думаю, что это будет правильный ход с твоей сто...

– Правильный, а потому хороший, – перебил ее Тедрос. – После того что произошло между вами двумя и моим отцом, прошли годы и годы. Я уверен, что люди уже забыли обо всем.

– Пойми, Тедрос, все не так просто, – тяжело выдохнул Ланселот. – Ты совершенно не думаешь о том, что...

– Если мы будем жить в постоянном страхе, то никогда ничего не добьемся, – обрезал его Тедрос. – Я прикажу этой... леди Гримлейн, чтобы она посадила вас на сцене рядом со мной.

– Хотелось бы надеяться, что это может быть воспринято достаточно благосклонно, – уклончиво сказала Гиневра.

Ланселот вопросительно посмотрел на нее, но Гиневра ничего уточнять не стала.

Тедрос же вообще пропустил слова матери мимо ушей, он был уверен, что ему достаточно будет приказать – и эта... домоправительница беспрекословно выполнит все, что ей скажут. Честно говоря, сейчас его гораздо больше волновало совершенно другое.

– Ну хорошо, если мне не нужно выступать с речью, то что вообще там будет происходить? – спросил он, наклоняясь вперед в своем кресле.

– Священник приведет тебя к присяге и заставит повторить перед всем народом слова клятвы, – ответила мать. – А затем тебе нужно будет пройти полагающееся по традиции испытание.

– Испытание?! – широко раскрыл глаза Тедрос. – Это что-то вроде тех письменных тестов, которые мы сдавали в школе?

– Нет, ты действительно ничего не понимаешь, – недовольно пробурчал Ланселот. – Это испытание назначено твоим отцом и записано в его завещании, а что это за испытание, станет известно только во время коронации.

– А, знаю, папа рассказывал мне об этом. Это совсем не тест, – небрежно отмахнулся Тедрос. – Так, какой-то символический жест, и ничего больше. Папа сказал, что никогда не выберет ничего, что мне было бы не под силу. Что придумает что-нибудь такое, чтобы я смог показаться перед моим народом в самом лучшем свете – сильным, волевым, ну и так далее.

– Сделать так, чтобы ты показался своему народу сильным и волевым? Так это, в общем-то, уже и есть испытание, – негромко заметил Ланселот.

Гиневра бросила на него взгляд и придвинулась ближе к сыну.

– Значит, я должен буду выполнить задание, которое придумал для меня отец, и все? И я король? – спросил Тедрос.

– И ты король, – с улыбкой подтвердила мать и взъерошила ему тщательно причесанные волосы.

Тедрос улыбнулся ей в ответ, чувствуя, как легко вдруг сразу стало у него на сердце, и потянулся за своей расческой.

– Но сначала будут танцующие обезьяны, – предупредил Ланселот.

– Прекрати, – хихикнула Гиневра.

- А что? Танцующие обезьяны! По-моему, очень даже прикольно, – хмыкнул Тедрос. Его мать продолжала хихикать.
- *Очень* прикольно, – повторил Тедрос.

– Махабские обезьяны с Малабарских холмов! – торжественно объявил придворный церемониймейстер.

Бабахнула пушка, осыпав собравшуюся толпу разноцветным дождем конфетти. Желающих посмотреть на коронацию нового короля собралось очень много: если прикинуть на глаз, то тысяч пятьдесят, никак не меньше. Люди стояли впритирку друг к другу на склонах всех холмов, обращенных к замку. По традиции ворота замка были открыты, приглашая всех желающих пройти во двор, который был плотнее некуда забит людьми, – чтобы ухватить местечко в непосредственной близости от сцены, горожане начали тянуться сюда еще до рассвета. Места для всех здесь, разумеется, не хватило, и, как уже было сказано, тысячам неудачников пришлось тесниться на холмах, издали глядя на балкон замка и великолепную, выстроенную как продолжение балкона специально для сегодняшнего торжества каменную сцену.

Сидевший на этой сцене Тедрос отлично знал, что никакая она не каменная, а просто наспех сколоченная из дешевых старых досок, грубо раскрашенных под мрамор. При ходьбе доски противно скрипели на каждом шагу и опасно прогибались под тяжестью установленного посреди сцены отцовского трона. В довершение ко всему с зажженных шатких канделябров – их притащили сюда из домового церкви Камелота, чтобы сэкономить на полагающихся по такому случаю факелах – то и дело капал расплавленный воск, и приходилось постоянно следить за тем, чтобы расплавленная капля не угодила тебе на голову.

До сих пор Тедрос молчал, понимая, что не время проявлять недовольство сейчас, когда весь Камелот пришел в полный упадок. Но терпение будущего короля было не беспредельным, и оно готово было лопнуть, когда началось праздничное представление. *Так называемое* праздничное представление. Вначале на сцену вышла пожирательница огня из Жан-Жоли, которая во время выступления случайно подпалила себе платье. За ней был безголосый певец-склеротик из Фоксвуда, после второй строчки напрочь забывший знакомый каждому с детства текст гимна «Боже, храни Короля!». Потом – пара страдающих ожирением воздушных гимнастов из Эвонли. Ничего удивительного, что один из них промахнулся мимо трапеции и рухнул прямо в толпу зрителей...

А теперь еще эти обезьяны.

– Если бы я не знал, что вы на самом деле очень старались, я бы решил, что вы надо мной просто издеваетесь, – проворчал Тедрос, стараясь как можно незаметнее почесать себе грудь под вонючей мантией.

– К сожалению, пригласить более искусных артистов мы не смогли – бюджет не позволил, – пояснила сидящая в соседнем кресле леди Гримлейн, отхлебывая из кубка обычную воду. – Но за обезьян мы заплатили столько, сколько с нас запросили. Этот номер очень любил ваш отец.

Тедрос вздохнул и перевел взгляд с леди Гримлейн на сцену, где уже появились шесть обезьян в красных, расшитых блестками шляпах. Яростно почесываясь, они кривлялись, вихляя задами и при этом отчаянно не попадая в такт.

– Интересно, когда отец успел полюбить этот номер, – задумчиво пробормотал Тедрос. – До того, как запил, или после? Думаю, что *после*.

Леди Гримлейн хранила молчание.

«А вот Агата бы улыбнулась», – раздраженно подумал Тедрос. Что и говорить, не нравилась ему леди Гримлейн, да и она его, похоже, терпеть не могла.

Когда они впервые столкнулись вчера ночью, Тедрос самонадеянно решил, что сумеет очаровать эту домоправительницу и она покорно будет делать все, что он прикажет. Как бы не так!

Леди Гримлейн презирала Тедроса – и даже не пыталась скрывать этого. Вот и сейчас она сидела рядом и смотрела на него так, словно он был не человеком и не будущим королем, а так... устрицей безмозглой. Это выбивало Тедроса из колеи, лишало его остатков уверенности в себе, которая так нужна была ему в эти минуты.

– Я не понимаю, почему Агата не может сидеть здесь, рядом со мной, – недовольно проворчал Тедрос, шаря взглядом по установленной на зеленой лужайке под сценой ложе для почетных гостей. Где-то там, в тени, и сидела сейчас Агата, затерявшись среди графов, маркизов и прочих титулованных бездельников. – И моя мать тоже.

– Агата пока еще не ваша королева, – холодно ответила леди Гримлейн, поправляя тюрбан на своих волосах. – Присутствовать рядом с вами на официальных мероприятиях она сможет только после того, как вы поженитесь. Что же касается вашей матери, то после ее скандального позорного побега из замка вместе с Ланселотом ей, я полагаю, лучше всего не показываться на людях. На вашем месте я бы вообще сохранила новость о ее возвращении в тайне. До более благоприятного момента.

Леди Гримлейн покосилась в сторону белого занавеса, прикрывающего расположенный у них за спиной балкон. Тедрос знал, что на этом балконе за этим занавесом прячется его мать, сидящая там вместе с Ланселотом, несколькими горничными и поварятами.

– Впрочем, думаю, что нежелательные новости уже успели просочиться, – добавила леди Гримлейн. – Ланселот устроил целый спектакль, когда прошлой ночью загонял в тюрьму членов Совета.

– Ну и что такого, если новости об этом просочатся или уже просочились? – пожал плечами Тедрос. – Напротив, я считаю, что чем раньше все узнают о возвращении моей матери и Ланселота, тем лучше.

– Пусть вас сначала коронуют, а потом уже можете самостоятельно принимать любые решения.

– Но согласитесь, это же глупо – прятать свою мать так, словно она прокаженная, а сидеть на этой сцене рядом с *вами*, – заметил Тедрос, слегка задирая голову, чтобы посмотреть на набежавшее облако, за которым скрылось солнце. – Можно подумать, что вы моя королева или что-то вроде того.

Леди Гримлейн молча поджала губы.

– Когда здесь появится Мерлин, уступите ему свое место, потому что когда я стану королем, именно *он* будет моим *настоящим* советником, – раздраженно продолжил Тедрос.

– Мерлин не сможет войти в ворота Камелота. После того как он предал вашего отца, Артур изгнал его из своего королевства, – сказала леди Гримлейн.

Тедрос удивленно взглянул на нее. Ни отец, ни сам Мерлин никогда не говорили ему об этом.

– Ну, Артур еще и моей матери смертный приговор вынес – и что? Она до сих пор жива и здорова, – резко возразил Тедрос. – Я не намерен выполнять приказ бывшего короля, даже если он был моим отцом. И Мерлину совсем не обязательно соблюдать его запрет.

– В таком случае, почему же Мерлин *не здесь*? – с вызовом спросила леди Гримлейн.

Тедрос насупился, задумавшись.

– Появится. Вот увидите, – буркнул он.

«Он должен появиться», – подумал принц. Мысль о том, чтобы править Камелотом без помощи Мерлина, казалась ему несурзной.

– Я на его месте сначала дважды бы подумала, – отчеканила леди Гримлейн. – Нарушение королевского запрета карается смертной казнью.

– Если вы думаете, что сможете казнить Мерлина, пока я буду оставаться королем, значит, ума у вас не больше, чем у этих обезьян, – проворчал Тедрос.

Прилетела расшитая блестками красная шляпа, ударив Тедроса по лицу. Он повернул голову и увидел, что шимпанзе больше не кривляются, а дерутся, устроив кучу-малу прямо на сцене. Зрителям это, похоже, нравилось, потому что из толпы доносился смех и дружные подбадривающие возгласы.

– Это действительно *самый лучший* номер, который мы можем показать зрителям?! – простонал Тедрос. – Какой идиот составлял программу концерта?!

– Ее составляла я, – ответила леди Гримлейн.

– Хочу надеяться, что мою свадьбу будете организовывать не вы.

– Организация свадебных торжеств целиком возложена на будущую королеву, – сухо пояснила леди Гримлейн, лицо которой превратилось в застывшую маску. – Хочу надеяться, что она с этим справится.

– Это редкий случай, когда я готов согласиться с вами, – так же натянуто ответил Тедрос.

Агата – организатор свадьбы? Разве это не она оделась однажды невестой на Хэллоуин? Дай ей волю – и она устроит так, что их венчание состоится ровно в полночь, на кладбище, а руководить церемонией будет этот ее сатанинский лысый кот...

«Брось, все будет в порядке, – сказал себе Тедрос. – Она справится». Агата, вне всякого сомнения, целиком разделяла мнение Тедроса насчет леди Гримлейн и поддерживала его желание любым способом «макнуть» домоправительницу, доказать ее неправоту, поэтому будущая королева постарается не ударить в грязь лицом. Кроме того, посмотрев на сегодняшнюю коронацию, Агата будет лучше представлять, как принято устраивать придворные церемонии. Возьмет коронацию за образец и постарается сделать так, чтобы их свадьба была еще пышнее и торжественнее. Так что скоро, очень скоро леди Гримлейн придется взять назад свои слова насчет Агаты.

Тедросу показалось, что прошла целая вечность, пока удалось разнять шимпанзе, бросив им несколько связок бананов, после чего обезьян удалось утащить со сцены за кулисы. И вот наконец настал торжественный момент, когда Тедрос вышел вперед, чтобы встать лицом к лицу с главным капелланом Камелота – древним старичком с ярко-красным носом и торчащими из ушей седыми волосами. Священник положил свою руку на спину Тедросу и вывел его вместе с собой на авансцену, откуда открывался широкий вид на соседние, густо усеянные людьми холмы.

В этот момент из-за облаков выглянуло солнце, и его золотой луч упал прямо на юного принца.

Толпа благоговейно ахнула, увидев в этом посланный свыше добрый знак.

Тедрос видел перед собой множество лиц, и все они смотрели на него с одинаковой надеждой. Людям хотелось верить, что этому юноше, почти мальчику, удастся вернуть Камелоту былое величие и славу – точно так же, как удалось их будущему королю победить всемогущего Директора школы и спасти все города и страны Бескрайних лесов...

– Неужели я теперь король *всех этих людей*? – хрипло прошептал Тедрос, впервые ощутив ответственность, которая вот-вот ляжет на его плечи.

– То же самое, слово в слово, спросил в свое время и твой отец, сынок! Страх – это очень хороший знак, – с коротким смешком заметил священник. – К счастью, никто из тех, кто смотрит на нас, не слышит, о чем мы говорим.

Священник повернулся к тощему рыжеволосому алтарнику, и тот осторожно протянул ему украшенную драгоценными камнями шкатулку. Священник открыл ее, и солнечные лучи заиграли на золотых зубцах лежащей на красном бархате короны. Она была похожа на пятилепестковую лилию, и в середине каждого из ее лепестков переливался крупный бриллиант.

Однажды, когда Тедросу было всего шесть лет, он стащил эту корону с отцовского прикроватного столика и надел ее себе на голову, отправляясь на занятия с Мерлином. Придя на урок, он потребовал, чтобы волшебник кланялся ему и называл королем. Тедрос ожидал, что Мерлин немедленно положит конец его хулиганской выходке, однако волшебник принялся исполнять все приказания мальчишки с короной на голове, постоянно кланялся ему и называл его «ваше величество». Так прошел урок математики и урок астрономии, а затем еще урок литературы и истории. Казалось, старый волшебник готов продолжать эту игру до бесконечности, но вскоре юный принц снял с себя корону и тайком вернул ее на прежнее место. Слишком тяжела она оказалась для его маленькой детской головы.

И вот теперь, спустя десять лет, священник держит перед ним эту самую корону.

– Повторяйте за мной, юный принц, – сказал священник. – Слова этой клятвы могут показаться вам немного странными, но не забывайте, что им уже более двух тысяч лет. Кроме того, не слова сделают вас королем. Все, что вам необходимо, – это тот страх, который вы сейчас чувствуете. Страх перед короной, история которой и ее будущее намного больше, чем ваша собственная жизнь. Именно этот страх свидетельствует о том, что вы готовы, дорогой Тедрос. Готовы к поискам славы.

Слегка покачиваясь на дрожащих ногах, Тедрос начал повторять вслед за священником слова древней клятвы:

– *Пред тобой, Владыка, избравший меня и возложивший волю свою на главу мою, клянусь хранить честь Камелота и защищать его от всех врагов, внешних и внутренних. Клянусь всегда быть светильником, озаряющим путь к царству света...*

Как и предупреждал старик-священник, некоторые слова древней клятвы казались Тедросу странными, заставляли спотыкаться на них, порой он не понимал смысла того, о чем говорит и в чем клянется. Умом не понимал, но величие момента хорошо чувствовал сердцем. Подумать только, всего несколько лет назад он был мальчишкой-первокурсником школы Добра и Зла – глупым, хвастливым, задиристым и ужасно неуверенным в себе.

Теперь это мальчик становится королем.

Вскоре станет мужем.

А со временем – и отцом.

Тедрос молча давал себе клятву, что будет образцом во всех этих трех ипостасях, достойным преемником своего отца, о котором постоянно помнил и охотно отдал бы все, что угодно, за возможность еще хоть раз увидеть его, прикоснуться к нему, перемолвиться хотя бы словом...

Священник надел корону на голову Тедроса. Из глаз юноши по щекам покатились слезы, а толпа зашумела – послышались восторженные крики и громоподобные аплодисменты, которые не смолкали еще долгое время после того, как Тедрос сумел успокоиться и взять себя в руки.

– А теперь, – похлопал его по плечу священник, – вам нужно закончить коронацию и официально подтвердить свое право называться королем, сынок. Для этого вы должны пройти испытания...

– Вы не будете возражать, если я сначала скажу несколько слов? – спросил у священника Тедрос. – Я хочу обратиться к своему народу.

– Вообще это несколько против традиций – обращаться к народу до того, как полностью завершена церемония, особенно если учесть, что вас отсюда никто не услышит.

В этот момент что-то упало сверху, с неба, прямо на складки слишком большой, не по росту, мантии Тедроса. Это была маленькая пятиконечная белая звезда, точно такая же, как та, которую Мерлин положил в память об отце Тедроса на могилу короля Артура в Авалоне.

– Странно, – сказал Тедрос, внимательно разглядывая звездочку. – Зачем, интересно, эта звездочка свалилась на меня?..

И – о чудо! – эти слова Тедроса громко разлетелись далеко по всей округе.

Толпа ошеломленно ахнула, священник тоже был потрясен, а вот Тедрос оставался спокоен – он *точно* знал, откуда явилось к нему это волшебство.

Он поднял голову и с улыбкой прошептал, глядя в бескрайнее голубое небо:

– Спасибо, Мерлин.

После этого он поправил волшебную звездочку так, чтобы ему удобно было говорить, и набрал в грудь воздуха.

– Думаю, с моей стороны было бы очень невежливо смотреть отсюда, сверху, на всех вас и даже не поздороваться с вами, – заговорил Тедрос, и его мощный, усиленный звездочкой голос звучным эхом раскатился над всеми близкими холмами. – Поэтому... э... здравствуйте! Меня зовут Тедрос. Добро пожаловать на... э... шоу!

В ответ – гробовая тишина.

– Ладно. Собственно говоря, вы знаете, кто я такой. Тот самый мальчишка, что стоял здесь когда-то и вертелся не переставая, пока к вам обращался с речами мой отец... Я тот же самый мальчишка, только немного повзрослел. И, надеюсь, стал выглядеть немного лучше.

В толпе прокатился первый робкий смешок.

Тедрос улыбнулся, чувствуя, что его контакт со зрителями налаживается. Они уже были готовы слушать его. Они *хотели* узнать, что он скажет. Они желали ему успеха.

Он поискал глазами Агату, сидевшую в ложе под помостом, но солнце светило ему прямо в глаза, не давая рассмотреть лица. Ему очень хотелось, чтобы Агата была сейчас рядом с ним. Ее не было, но после того, что им пришлось пережить вместе, Тедрос привык чувствовать Агату сердцем даже на расстоянии и сейчас мысленно обратился к ней: подскажи, что я должен говорить дальше?

И моментально получил ее мысленный ответ: говори правду – что ты сейчас чувствуешь, о чем думаешь, чего желаешь. Говори обо всем, но только *правду*.

Тедрос снова набрал в грудь воздуха и продолжил:

– Когда я мальчишкой стоял здесь рядом с моим отцом, весь мир для меня делился на черное и белое, на Добро и Зло. Но потом, когда учился в школе, я понял одну очень важную вещь: никто не может сказать наверняка, что хорошо, а что плохо, до того, как будет поставлена последняя точка в конце истории. Никто не знает, каким будет этот конец – счастливым или нет. В жизни все непредсказуемо, и единственное, что нам дано, – это возможность постоянно, каждую минуту совершать свой выбор, решать, что тебе больше всего необходимо в данный конкретный момент. Такой момент настал для всего Камелота. Я, как и вы, понимаю, что Камелот сейчас совсем не тот, каким был в счастливые годы моего детства. Он перестал быть блистательным королевством, на которое равнялись, которому завидовали многие и многие другие. Улицы Камелота стали грязными, люди голодают – такое ощущение, что здесь до самого основания прогнило буквально все. Даже в королевских апартаментах облупилась краска на стенах и воняет плесенью. Разумеется, преступники, которые довели страну до такого состояния, будут отстранены от власти и строго наказаны, но этого будет совершенно недостаточно, чтобы решить наши с вами проблемы. Даже сумей мы оживить моего отца, короля Артура, он тоже не смог бы ничего исправить здесь в один момент, как по мановению волшебной палочки. Нет таких палочек у королей, понимаете? И еще запомните одну очень важную вещь. Директор школы Зла до своей гибели успел навсегда изменить Бескрайние леса. Он стер, размыл четкую линию, прежде разделявшую черное и белое, ложное и подлинное, Добро и Зло. Теперь враги легко прикидываются вашими друзьями, а друзья на поверку оказываются злейшими врагами. Живой пример тому – наш с вами родной Камелот, все еще привлекательный со стороны, но насквозь прогнивший изнутри.

Люди слушали Тедроса с восторгом, боясь пропустить хоть одно его слово, старались не шевелиться и даже, кажется, не дышать.

– Возможно, я слишком юн. Возможно, я слишком неопытен. Но я верю своему чутью, своей интуиции, – продолжал Тедрос, все сильнее ощущая растущую уверенность в себе. – Инстинкты, на которые я опираюсь, помогали мне находить пути к спасению, когда Зло направляло мне в сердце свой меч или прицеливалось снести мне своим топором голову с плеч. Интуиция помогла мне выбрать лучшую из всех принцесс, которая вскоре станет вашей королевой.

Все вслед за Тедросом повернули головы, чтобы взглянуть на Королевскую ложу. Сидящие в ней вельможи расступились, и Агата оказалась стоящей в одиночестве в ярком луче падающего на нее солнечного света.

Тедрос улыбнулся, ожидая аплодисментов.

А их не было. Тишина.

Зеваки смотрели на бледное, призрачное лицо Агаты, ее слегка выпученные темно-карие глаза, буйную шапку черных волос. Смотрели на нее так, словно она была то ли самозванкой, то ли невзрачным дублером той замечательной принцессы, о которой говорил им Тедрос, смотрели так, словно не могли поверить, что вот *это* и есть та знаменитая Агата, чья сказка становится все более популярной во всех Бескрайних лесах. Может, произошла какая-то ошибка? Но затем все рассмотрели сверкнувшую в густых волосах этой страшненькой ведьмы диадему – ту самую, что подарил когда-то своей жене покойный король Артур, – и все сомнения отпали. И тогда на смену гробовой тишине пришел нарастающий то ли удивленный, то ли недовольный гул голосов.

– Вместе с Агатой мы встречались лицом к лицу с ужасными злодеями и сумели найти счастливый конец для нашей сказки, – сказал Тедрос. – Но как только заканчивается сказка – начинается реальная жизнь. И теперь это уже не волшебная история обо мне и Агате, написанная Сторианом. Это история нашего с вами общего королевства, которую отныне мы пишем все вместе. История, частью которой вы становитесь прямо сейчас. Становитесь все, даже те, кто сомневался в моем отце, даже те, кто сомневается во мне самом. Так или иначе, мы переворачиваем страницу нашей жизни и продолжаем писать историю Камелота с чистого листа.

Тедрос взял небольшую паузу, чтобы поглубже вдохнуть.

– А для того чтобы доказать, что сегодня мы с вами начинаем новую эру в истории Камелота, позвольте мне, вашему новому королю, представить вам двух членов моего двора. Двух человек, которые знают наше королевство лучше, чем кто-либо другой, и готовы защищать его со всей своей любовью и отвагой.

Уголком глаза он увидел, как вскочила со своего места леди Гримлейн.

Тедрос стремительно выхватил из ножен Экскалибур и словно томагавк бросил его в сторону балкона. Меч рассек прикрывавший балкон занавес и воткнулся кончиком клинка в каменный свод балконной арки.

– Представляю вам мою мать, королеву Гиневру, и нашего выдающегося рыцаря сэра Ланселота!

Тедрос с широкой улыбкой повернулся к толпе, искренне веря в то, что если уж он, новый король, простил этих двоих, то и его народ поступит точно так же.

Но в ответ – лишь широко раскрытые удивленные глаза зевак и холодная, мертвая тишина.

– Подойди, мама. Подойди, Ланс, – пригласил их Тедрос, протягивая руку.

Потрясенная Гиневра вслепую, как во сне, перелезла через упавший занавес, потеряв туфлю с одной ноги, едва не потеряв равновесие (к счастью, ее поддержал под руку Ланселот), и прошептала, гневно сверля Тедроса взглядом:

– Какого черта! Что ты делаешь?!

– Садись! – шикнул на нее Тедрос и силой усадил мать (которая по-прежнему была в одной туфле) на свой трон, а Ланселота – на кресло леди Гримлейн (с которого та в ужасе упорхнула).

Что-то изменилось в настроении толпы – быстро и кардинально, это Тедросу подсказала его интуиция. Волны идущего от скопившихся людей тепла и сочувствия сменились: сначала – когда он показал всем Агату – недоумением, а теперь, с появлением на сцене его матери и Ланселота, и вовсе превратились в холодный прибор. В воздухе повисло напряжение, и Тедрос почувствовал, как под короной на его голове проступают капельки пота.

Но ведь сердце-то подсказывало ему, что пригласить к себе на сцену мать и Ланселота – это верный поступок... *добрый...*

«Неужели я допустил ошибку?!» – в отчаянии подумал Тедрос.

Он тяжело сглотнул и постарался взять себя в руки, тем более что отступать было уже поздно.

– Давайте перейдем к испытанию, – предложил он, обращаясь к священнику и желая как можно скорее покончить с этим балаганом, который называется коронацией. Знать бы ему, что главный балаган еще только начинается!

– А? Да... разумеется, – пролепетал священник. Он искоса стрельнул глазами на Гиневру, на Ланселота, а затем вытащил из-под рясы и развернул листок пергамента с выцветшими чернильными строчками на нем. – Э... слушайте... слушайте все... Как и все прежние правители Камелота, король Артур Пендрагон установил это испытание для того, чтобы его наследник мог, выполнив его, доказать свое право...

Тедрос нетерпеливо выхватил пергамент из рук священника и прочитал вслух слова, которые прикрепленная к его плечу волшебная звезда разнесла по всей округе:

– *Чтобы закрепить эту коронацию, будущий король Камелота должен вытащить Экскалибур из камня, точно так же, как сделал в свое время я сам.*

– Ха, ерунда! Это легко, – выпалил Тедрос, и эти его слова тоже раскатились эхом над замком и ближайшими холмами.

Если честно, ему совершенно не хотелось, чтобы их кто-то услышал.

– Может кто-нибудь найти мне камень? – резко выдохнул Тедрос, беспомощно глядя на выкрашенную под мрамор деревянную сцену.

Ланселот подался вперед в своем кресле, и под его тяжестью немедленно заскрипели, застонали половицы.

– И желательно, чтобы это был настоящий камень, а не из дерева, – хмуро добавил рыцарь.

На балконе раздался какой-то шум. Все посмотрели туда и увидели рыжего алтарника, он пробирался через упавший занавес с наковальней в руках, громко крича:

– Простите! Это моя обязанность! Слушайте, слушайте! Согласно легенде король Артур вытащил меч, который торчал из камня и был придавлен наковальней. Сейчас мы возьмем Экска...

Тут алтарник споткнулся об оброненную Гиневрой туфлю, выпустил наковальню из рук и сам полетел вслед за ней. Тяжелая наковальня, пробив гнилые доски, пролетела сцену насквозь, ударилась о камень на склоне холма и, срикошетив от него, с громким всплеском грохнулась в море.

– Все просто отлично! – воскликнул Ланселот.

Тедрос покраснел до корней волос.

Его мать не сводила глаз с оставшейся на ноге туфли. Леди Гримлейн вообще исчезла со сцены. А он сам... Он сам не мог даже мельком взглянуть в сторону Агаты. Он-то мечтал показать ей во время коронации, каким королем собирается стать. То, что она увидела, наверняка заставило ее сгорать со стыда. Как, впрочем, и его самого.

– Мерлин... помоги мне... – беспомощно пролепетал Тедрос, поднимая глаза к небу.

Появился голубь и капнул мутной каплей из-под хвоста. Капля пролетела рядом с головой Тедроса.

– *Достаточно!* – вскипел Тедрос. – Чтобы подтвердить свое право называть себя королем, я должен вытащить меч из камня? Хорошо! Клинок, кстати, как раз сейчас в камне и торчит!

Он отошел в глубину сцены, шагнул на лишившийся своего занавеса балкон замка, над которым торчал застрявший в каменной арке Экскалибур.

– Если я вытащу меч из *этого* камня, все будут довольны? – спросил Тедрос, обращаясь к подошедшему следом за ним священнику. – И все мы сможем спокойно разойтись по домам.

– Я не совсем уверен, что ваш отец имел в виду...

– ДА ИЛИ НЕТ?! – взревел Тедрос.

– Пожалуй, да... – сдался священник.

Тедрос ухватился за рукоять меча и хрипло прокричал прямо в прикрепленную к его плечу белую звездочку:

– В таком случае, именем моего отца, моего королевства и моего народа я принимаю возложенные на меня обязанности вождя, защитника и короля Камелота!

Он потянул меч.

Тот не шелохнулся.

Хм...

Тедрос потянул рукоять сильнее. Клинок словно прирос к камню.

За спиной Тедроса начинала волноваться и нетерпеливо шуметь толпа. Тедрос уперся одной ногой в стену и напрягся так, что взбухли мускулы...

И ничего. Полный ноль.

С Тедроса градом лился пот. Он дергал клинок влево, вправо, вперед, назад, но от этого тот, казалось, лишь сильнее увязал в камне. Экскалибур не так уж глубоко воткнулся в арку после того, как разрубил занавес. И камень здесь был мягкий, слабый, весь крошился. Так почему же тогда клинок не хочет вылезать наружу?!

Люди в толпе подталкивали друг друга, указывая пальцем на сцену, глядя на все это широко раскрытыми глазами. Все прекрасно понимали, что происходит. Обещавший защищать их мальчик не справился с испытанием, которое делало его королем.

– Мерлин!.. – взмолился он, но небо над его головой молчало, а белая звездочка, прикрепленная к плечу Тедроса, бесследно исчезла.

Тедрос хрипло дышал, продолжая тянуть рукоять меча взмокшей от пота ладонью. Корона на его голове съехала набок, коронационная мантия трещала по всем швам.

«*Прошу!* – мысленно умолял он, налегая на меч. – *Пожалуйста!*»

Подбежал Ланселот.

– Да вытащи же эту дурацкую железяку! – крикнул он и тоже потянулся рукой к мечу.

– Я сам! – оттолкнул его Тедрос. – Это мое испытание!

К сожалению, Тедрос толкнул Ланселота слишком сильно. Тот отшатнулся назад, задев священника, и старик, нелепо взмахнув руками, перевалился через перила балкона. Ряса священника зацепилась за перила, и он повис в воздухе вниз головой, выставив на всеобщее обозрение свои не первой свежести панталоны.

А из карманов рясы прямо в толпу посыпались монеты, и началось столпотворение. Алтарник бросился выручать своего господина, но, споткнувшись, свалился в дыру, пробитую упавшей на сцену наковальней, и повис, хватаясь руками за неровные края обломившихся досок.

Тедрос стоял как парализованный и с ужасом смотрел на всю эту картину. Ланселот, затаскивающий на балкон перевесившегося через перила священника. Гиневра, хромящая на одном каблуке, идет спасти повисшего в дыре алтарника. Добрые граждане его королевства, дерущиеся из-за пригоршни монет...

И шесть обезьян резвились на воткнувшемся в каменную арку Экскалибуре и уже успели загадить его банановым месивом – липким, густым, стекающим вниз по священному клинку.

Тедрос упал на колени.

– ЭТО ОНИ! – громко крикнула снизу какая-то женщина, указывая пальцем на Ланселота и Гиневру. – ОНИ ПРОКЛЯЛИ НАС! ОНИ ПРОКЛЯЛИ КАМЕЛОТ!

– Точно! Точно! – подхватил какой-то пожилой горожанин. – Демоны!

– А почему же еще, как вы думаете, Артур хотел отрубить им головы? – вторила ему его жена.

– Предатели! – звонко крикнул какой-то паренек.

– Изменники!

Из толпы на сцену уже начали карабкаться желающие прикончить Гиневру и Ланселота на месте.

– ДЕРЖИ ИХ! – кричали они.

– УБЕЙТЕ ИХ! – поддерживали их оставшиеся в толпе.

Однако гнилые доски не были рассчитаны на такой вес – они громко затрещали, а в следующую секунду вся сцена вдруг сложилась как карточный домик и рухнула вниз на зевак. Упали горевшие на сцене канделябры, огонь со свечей поджег сухие, густо заляпанные воском доски, и начался пожар.

Бывшая сцена превратилась в огромный огненный шар, покотившийся в сторону подъемного моста. Толпа с визгом ринулась назад, началась давка, а тут еще из замка на балкон вышла дворцовая стража с мечами и пиками, которую привела леди Гримлейн.

– ПРЕДАТЕЛИ! – продолжали нестись крики из отступающей в панике толпы. – МОНСТРЫ!

Ворвавшиеся на балкон стражники первым делом схватили и увели с собой внутрь замка Гиневру и Ланселота, потом загнали туда же всех остальных, кто еще оставался там.

Тедрос остался в полном одиночестве. Он снова и снова пытался вытащить застрявший в каменной арке Экскалибур. Ладони незадачливого короля были покрыты толстым слоем липкой банановой дряни, слезы градом катились по его лицу.

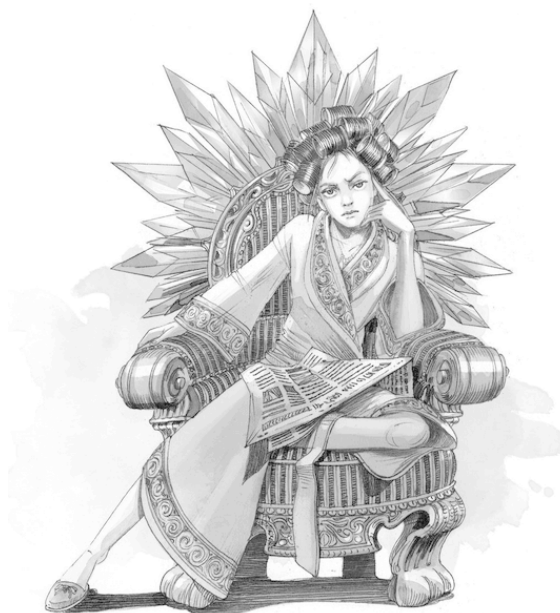
И тут Тедрос почувствовал, как сильные мужские руки подхватывают его и куда-то тащат...

– Нет! Я могу это сделать! – отчаянно хрипел Тедрос, продолжая тянуть руки в сторону уплывающего от него меча. – Я могу это сделать! Могу!

Он выкрикивал эти слова до тех пор, пока его не затащили внутрь замка, и здесь Тедрос из Великой Надежды Камелота превратился в хныкающего мальчишку в съехавшей на глаза короне.

3

Софи. Дай-ду-да

– Так король он все-таки или нет? – спросила декан Софи, задумчиво глядя в раскрытый лист *«Королевской чепухи»*. – *«Камелотский курьер»* пишет, что да, *«Чепуха»* утверждает, что нет. Правда, обе газеты согласны в том, что если однажды Тедрос все-таки сумеет вытащить застрявший над тем балконом Экскалибур, он навсегда станет всеми признанным королем. А если кто-нибудь опередит Тедди и вытащит меч раньше, чем это сделает он, что тогда? Впрочем, ничего особенного не случится. Нет смысла это делать, потому что трон Артура может занять только его прямой потомок. Родная кровь, так сказать... А это означает... это означает, что Тедрос *все-таки* король, пусть даже его считают «ненастоящим». Пусть даже он король, которого никто не уважает, не поддерживает... Король, у которого даже меча нет.

Софи поправила на себе черный бархатный банный халат, откинулась на спинку хрустального кресла и, накручивая на палец светлый локон волос, стала пробегать глазами крупные, кричащие заголовки:

ЭКСКЛЮЗИВНОЕ ИНТЕРВЬЮ С ВЫСТУПАВШИМИ НА КОРОНАЦИИ ОБЕЗЬЯНАМИ

АГАТА: ВЕРНОПОДДАННАЯ ПРИНЦЕССА... ИЛИ ВЕДЬМА,
НАЛОЖИВШАЯ СВОЕ ПРОКЛЯТИЕ НА КОРОНАЦИЮ?

СКАНДАЛЬНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ: СОБИРАЕТСЯ ЛИ
ЛАНСЕЛОТ ЗАВЛАДЕТЬ КОРОНОЙ?

– Шесть месяцев прошло, а они все никак не успокоятся, – вздохнула Софи.

Она швырнула газету на пол и добавила, играя висящим у нее на шее хрустальным флакончиком, в котором переливалась золотистая жидкость.

– Бедный, бедный Тедди!

– Если Тедди такой бедный, что же ты тогда улыбаешься? – хмыкнул Хорт.

Софи подняла голову, чтобы взглянуть на своего обнаженного по пояс приятеля с шапкой иссиня-черных волос, катившего на колесиках вместе с двумя никогдашниками-первокурсниками в ладно подогнанной черной форме мраморную статую Софи по недавно перестроенному залу Зла:

– Ты намекаешь, что я счастлива оттого, что двое моих самых близких друзей стали посмешищем для всего Камелота? Намекаешь, будто я должна втайне радоваться тому, что это унижение может испортить их отношения?

– Ты же три года гонялась за Тедросом, потом пыталась выйти замуж за злобного черного мага, чтобы заставить Тедди ревновать, наконец, держала все Леса в заложниках, когда он отказался поцеловать тебя, – картинно играя своими рельефными мускулами, ответил Хорт, продолжая толкать статую Софи по красному с золотом бальному залу. Над головой Хорта на высоких лестницах-стремлянках покачивались несколько девочек-никогдашниц, они крепили люстру – каждый хрустальный подвесок в ней был сделан в форме буквы «S» (в честь Софи, разумеется). – А еще ты месяцами без конца писала Агате, предлагая ей свою помощь в организации свадьбы. Ответила она тебе хоть раз? Нет, не ответила, ни строчки не прислала. И вот теперь ты втайне мечтаешь расстроить их свадьбу, – он на секунду замолчал, а потом добавил: – Так что ничего я не намекаю. Просто повторяю то, что все вокруг говорят.

– Но я действительно хочу помочь Агги, Хорт, – пристально посмотрела ему в лицо Софи. – Она сейчас далеко от меня, в какой-то совершенно незнакомой, чужой для нее стране. Она в одиночестве готовится там к самому важному дню в своей жизни, и я хочу быть рядом с ней. Задело ли меня то, что она не ответила на мои письма? Да, слегка задело... возможно. Но я не *сумасшедшая*.

– Если тебя задеть за живое, ты *становишься* сумасшедшей, – возразил Хорт. – Становишься такой *бешеной* ведьмой, что начинаешь войны, и в них гибнут люди. Если запомнила – полистай учебник истории.

– Ах, милый, но это же все *в прошлом*, – томно протянула Софи, потягиваясь в кресле, сделанном в виде хрустальной короны с пятью зубцами. – Начался новый учебный год, настала новая жизнь, я оставила прошлое позади и теперь двигаюсь вперед, как и все наши бывшие с тобой одноклассники, которые проходят Испытания Сказкой в Бескрайних лесах. Да вот, взгляни сам...

Она открутила крышечку с подвешенного у нее на шее флакончика и опрокинула его. Из флакончика вытекла золотистая жидкость, однако не пролилась на пол, а зависла в воздухе, затем волшебным образом превратившись в большую объемную карту Бескрайних лесов. По ближним и дальним королевствам Лесов были разбросаны десятки ярких цветных фигурок, смахивающих на раскрашенных оловянных солдатиков. Каждая фигурка представляла студента или студентку четвертого курса школы Добра и Зла и была снабжена маленькой табличкой с написанным на ней именем.

– Судя по тому, что нам показывает Карта Квестов, дела у наших друзей идут очень даже неплохо, – заметила Софи. – Смотри, вот Беатриса, она сражается с пиратами в Жан-Жоли, а помогают ей Рина и Миллисента... А вот Раван в Акгуле грабит Железную деревню вместе со своим приспешником Драксом и Арахной, она у него мोगрифицированный тритон... О, смотри-ка! Эстер, Дот и Анадиль! Выполняют в Киргиосе какую-то «важную миссию» – такую важную, что даже рассказывать мне о ней не могут. Хотя какая же это «важная миссия», если они то и дело переходят с места на место и ни в одном королевстве дольше чем на день-два не задерживаются... А вот Чеддик на острове Авалон... Послушай, это очень странно, что он на острове Авалон. Я думала, Чеддик уехал в Камелот, он же исполнил свою мечту стать рыцарем Тедроса. Почему он на Авалоне? Что ему делать на этом острове? Там же ничего нет,

один снег да тундра. Нет, там еще, конечно, есть Леди Озера, но ворота ее замка заперты и неприступны для всех, кроме Мерлина и короля Камелота... Пстой-пстой, а ведь фигурка Чеддика находится *внутри* замка Леди Озера – или мне это только кажется? Может быть, он кружит *над* замком на стимфе или еще что-нибудь в этом роде?

– Если фигурка голубая, это значит, что студент успешно проходит испытание? – спросил Хорт.

– Ага. А красный цвет говорит о неудаче. Смотри, вот моя фигурка, и она тоже голубая, – горделиво кивнула Софи, указывая на голубую фигурку внутри миниатюрной башни замка на карте. – Я хорошо справляюсь со своей ролью декана, успешно придаю совершенно новый облик Злу.

– И мое имя тоже написано голубым цветом, – сказал Хорт, указывая на свою фигурку, краешком выглядывающую из-под фигурки Софи. – Мои студенты меня любят, я работаю не покладая рук, читаю ночи напролет. У меня даже поклонницы появились. Буквально вчера, например, получил письмо от одной девушки. Так вот, она пишет, что я стал ее любимым персонажем из твоей сказки и что у них за Дальними лесами нет ни одного парня, который был бы на меня похож. Возможно, эта Читательница твоя землячка?..

– Или это шуточки Кастора, – фыркнула Софи.

– Ну-ка, пстой минутку, – сказал вдруг Хорт. – А тебе не кажется странным, что на этой карте *все* фигурки голубые? Разве может такое быть, чтобы *все* без исключения успешно справлялись со своим заданием?

– С тех пор как Кларисса отдала мне эту карту, она показывает, что у всех у нас дела идут отлично, – проворковала Софи. – Так что либо удача всегда на нашей стороне, либо мы на самом деле *очень* талантливая группа.

– Есть еще третий вариант, – хмыкнул Хорт. – Что твоя карта неисправна. Если это так, тогда понятно, почему она показывает Чеддика внутри замка Леди Озера, хотя мы с тобой знаем, что это *совершенно* невозможно. Да вот посмотри сама – даже фигурки Тедроса и Агаты тоже голубые, так что, если верить твоей карте, у них тоже все идет нормально.

Софи задумчиво посмотрела на Хорта, затем перевела взгляд на фигурки Тедроса и Агаты в Камелоте. Они действительно были такими же голубыми, как и фигурки остальных студентов.

– Такого не может быть, – пробормотала Софи. – Как может Тедрос выигрывать, если он проигрывает по всем статьям? Я каждый день читаю камелотские газеты, в них о Тедросе пишут как о городском сумасшедшем. Он опозорился во время своей коронации дальше некуда.

– Бедный Тедди, – ехидно усмехнулся Хорт.

Софи поднялась со своего хрустального трона и величественно прошествовала мимо Хорта.

– Я думаю, Кларисса просто заколдовала его фигурку и табличку с именем, чтобы он всегда хорошо выглядел на карте. Феи-крестные любят жульничать. – Она провела ладонью по карте, которая тут же снова превратилась в золотистую жидкость и сама втянулась во флакончик на шее Софи. – Честно говоря, мне мало дела до севшего в лужу короля и принцессы, которая пока так и не стала королевой, но при этом настолько занята, что не может найти времени, чтобы написать своей лучшей подруге. У меня, в отличие от нее, забот гораздо больше. Я должна руководить школой, в которую пришли сто двадцать пять новых никогдашников, для которых Тедрос и Агата – это древняя история. Зато с *меня* они глаз не сводят. Кроме того, на мне еще эти бестолковые Читатели, которых мы теперь вынуждены принимать в школу. Они же ничегошеньки не понимают!

Софи тяжело вздохнула и продолжила, покачивая головой:

– Представляешь, в самый первый учебный день одна ужасно неповоротливая девица из Гавальдона разгромила, можно сказать, всю классную комнату. Так что у меня и без камелотской парочки проблем хватает, спасибо. И вообще думать о Тедросе – да и вообще о ком-либо из парней – для меня пустая трата времени. Я, знаешь ли, вполне счастлива одна, когда меня никто не беспокоит и я ни к кому не привязана и никому ничем не обязана. Нет, у меня теперь другая мантра: «Дай-ду-да». Это смесь счастливого «Дай себе свободу» и веселенького «Шаб-ду-да». Я предпочитаю жить тихо, скромно, заниматься своими студентами...

– Ага, ты ведешь очень скромную жизнь. Двух недель с начала учебного года не прошло, а ты уже устраиваешь Танцевальный вечер Декана под названием «Ночь тысячи Софи». И на эти танцульки все должны прийти в карнавальных костюмах, сделанных по мотивам твоей волшебной сказки. Ужас, до чего скромно! – ехидно вернул Хорт, не переставая вместе со своими помощниками полировать тряпочкой приехавшую на свое место статую Софи в плаще и с цветочным, напоминающим корону венком на голове. – Не говоря уж о том, что каждый день ты забираешь с занятий половину своих студентов, чтобы украшать здесь все по твоему желанию.

Хорт обвел взглядом балльный зал, забитый никогдашницами в модных кожаных коротких платьицах и высоких черных сапогах, и никогдашниками в кожаных куртках-косухах и узеньких, в обтяжку, черных джинсах. Все они были заняты работой – развешивали на стенах гобелены с изображением знаменитых сцен из жизни Софи, когда она была студенткой; протирали разноцветные витражные стекла, с которых смотрело лицо Софи; скребли мраморный пол, украшенный инкрустированными эмблемами в виде красной буквы «S», окруженной с боков оливковыми ветвями и увенчанной сверху золотой короной.

– Я забираю с занятий не только студентов, – лукаво улыбнулась Хорту Софи. – Ты тоже здесь, и тоже помогаешь.

– Помогаю, – признал Хорт. – А за это с тебя причитается танец.

– Декан свои танцы авансом не раздает, – недовольно наморщила носик Софи.

– Но если тебе вдруг захочется? – спросил Хорт, чувствуя, что начинает потеть.

– В данный момент мне хочется, чтобы ты надел рубашку, – ответила Софи, разглядывая обнаженный скульптурный торс Хорта.

– По-моему, я ее где-то потерял, – пожал плечами тот.

Софи неопределенно повела бровями.

– Э... профессор! – раздался чей-то тоненький голосок.

Хорт и Софи обернулись.

– Кто-то постучал в дверь, – робко сообщила им маленькая никогдашница с прелестным личиком вампириши.

Снова раздалась громкие удары, эхом разнесшиеся по всему залу.

– В самом деле? – удивилась Софи, когда стук прекратился. – А я ничего не слышу.

– Между нами, мне этот замок больше нравился таким, каким он был раньше, – заброшенным и грязным, – заметил Хорт, стирая кончиками пальцев пятнышко со статуи Софи. – Сейчас здесь стало *слишком* чисто. Так чисто, так *прибрано*, будто мы хотим что-то замаскировать.

– Чушь. Не понимаю, как может кто-то предпочитать Зло в его *старом* облике, – презрительно надула губки Софи, глядя в окно на обновленные – точнее сказать, *перестроенные* – башни Обмана, Коварства и Предательства, освещенные теперь веселенькими красно-золотыми бумажными китайскими фонариками. – Прежнее Зло было слишком *темным*. Слишком мрачным и непривлекательным. Не удивительно, что тогда мы постоянно проигрывали, потому что изначально действовали как обреченные на поражение!

– То есть ты хочешь сказать, что Зло тысячи лет терпело неудачи и ждало, когда же наконец явишься ты и спасешь его? – с каменным лицом спросил Хорт.

– Дорогой, если бы не я, Зло так и продолжало бы вечно оставаться в тени Добра и непременно проигрывало ему в конце каждой волшебной сказки. А каким еще мог быть исход любой истории, если Зло всегда выступало в роли второй скрипки, было неприглядным, омерзительным, отталкивающим? Разве могло победить *такое* Зло? А посмотри, каким Зло стало теперь – новая щегольская форма, новые классы для занятий, новые учебные дисциплины, новый замок... – Софи перевела дыхание и продолжила: – Зло приобрело новый облик, оно должно стать модным *брендом*. Вот почему я пригласила на наш танцевальный вечер студентов-всегдашников. Я хочу, чтобы они увидели, что Зло перестало быть уродливым сводным братом Добра. Что Зло стало юным, пленительным и модным. Этот танцевальный вечер будет не просто веселым праздником – он станет водружением нового флага на башне. Флага, который возвестит всему миру, что настало время Зла. И если, увидев это, кто-то из всегдашников захочет перейти в наши ряды, мы с удовольствием примем его. *Дай-ду-да!*

Софи щелкнула пальцами – и сразу откуда-то появился костлявый смуглый парень с крысиным лицом и подал ей стакан сока зеленого цвета.

– Я права, Богден? – спросила его Софи.

– *Дай-ду-да*, – писклявым голосом ответил тот.

– А *этот* что здесь делает? – покосился на крысеныша Хорт.

Послышался новый, еще более громкий стук в двери.

– Богден из-за Дальнего леса? – с наивным видом уточнила Софи, по-прежнему не обращая внимания на стук, и натянутым тоном продолжила: – Разве вы не видели его у себя в классе, *профессор* Хорт? Ведь вы, если я не ошибаюсь, преподаете в нашей школе историю Зла? Или у вас просто нет привычки обращать внимание на студентов, которых вы учите?

– Начнем с того, что историю я согласился преподавать здесь совсем недавно, и только из уважения к вам, декан, потому что эту должность никто не хотел занимать. Известно, что все мои предшественники погибали, – стиснул кулаки Хорт. – Между прочим, леди Лессо определила мне совершенно иное задание, и на вашей волшебной карте моя фигурка должна была бы находиться сейчас где-то в Девичьей долине. Там мне предстояло сразиться с драконами и эльфами и, возможно, даже стать главным героем своей собственной сказки. Но вместо этого я отложил свое испытание, чтобы помочь вам...

– Как декан я имею право изменять задание любому студенту так, как нахожу наиболее верным, – перебила его Софи.

– ...А во-вторых, мне очень даже хорошо известно, кто такой Богден, – продолжал свое Хорт. – В первую неделю занятий он не справился ни с одним моим заданием и ни с одним заданием других учителей тоже, а это означает, что Богдена следует немедленно отчислить из школы. Вы сами установили правило: тот, кто провалил три контрольные кряду, может идти собирать свои вещички.

– Я знаю правила, которые сама установила, спасибо. Просто у меня рука не поднялась выгнать своего собрата-Читателя, – вздохнула Софи. – Между прочим, я, как и Богден, вышла из самых низов. Ах, как же я мечтала о другой, счастливой жизни, как не хотела оставаться в Гавальдоне! Ну взбивала бы я всю жизнь масло и стирала белье, ну вышла бы в конце концов замуж, подчинилась бы мужу и... *готовила!* Поэтому я и начала принимать Читателей в свою школу. Они заслуживают того, чтобы оказаться в волшебной сказке.

– Тогда почему на протяжении всех первых двух недель учебы ты не перестаешь на них жаловаться? – спросил Хорт.

– Это просто из-за одной девочки-Читательницы. Она буквально разгромила всю классную комнату, все там перевернула вверх дном и при каждой встрече так злобно на меня смотрит, будто убить хочет. А вот Богден совершенно другое дело, он относится ко мне как к богине, – лучезарно улыбнулась крысенышу Софи. – Вот почему после первой провальной недели в школе я предложила ему на выбор – вернуться домой или стать до конца учебного

года моим личным слугой. Он чем-то напоминает мне прежнего тебя, Хорт. Ты был таким же, пока не начал качать мускулы, чтобы стать похожим на Тедроса, помнишь?

Стук становился просто оглушительным.

– Если ты деканом выкидываешь такие номера, могу представить, что бы ты накрутила, если бы стала королевой Камелота! – заметил Хорт.

– О чем ты? – поморщилась Софи, откидываясь на спинку трона. – Заседать при дворе, слушать, как люди бесконечно тянутся к тебе со своими проблемами... Нет, это не для меня.

БУМ! БУМ! БУМ!

– Ой, да впустите же их, ради всего святого! – простонала Софи.

В тот же миг Богден вытащил спрятанный за хрустальным тронем Софи красный ковер и проворно раскатал его по полу к входным дверям зала Зла, по-кошачьему шипя на попадавших ему некогдашников, чтобы прогнать их с дороги. Добравшись до входа, он распрямился, широко распахнул двери и снова согнулся в почтительном поклоне.

На расстеленный ковер вступила группа взрослых, они шли, так сильно размахивая руками и так громко крича, что Софи даже бросила быстрый взгляд в сторону окна, словно прикидывая, не выпрыгнуть ли ей из него.

– Вы не имеете права вот так, с бухты-барахты дергать студентов с занятий! – ревел профессор Билиус Мэнли, мотая своей бугристой покрасневшей головой.

– Вы не имеете права приглашать всегдашников в замок Зла без разрешения Директора школы! – бранилась профессор Шиба Шикс, поднимая над своей головой сжатые кулаки.

– Вы не имеете права превращать башню Директора школы в свои личные апартаменты! – ворчал гном Юба, трясая своей седой бородой.

– Это что, она еще и ванну принимать каждый день всех заставляет. Даже *учителей!* – воскликнул пес Кастор.

Все остальные ахнули.

Софи плотнее запахнула банный халат, тряхнула накрученными на бигуди волосами:

– Во-первых, как декан я имею право поступать со своими студентами так, как сочту необходимым. Во-вторых, поскольку директор в нашей школе отсутствует, я могу приглашать всегдашников на свой вечер, если мне так хочется, и никто мне этого не запретит, и спрашивать разрешения я ни у кого не обязана. В-третьих, несмотря на то что мы наняли целую толпу новых фейри, чтобы присматривать за Сторианом, я считаю, что будет лучше, если я стану жить рядом с ним. Как вам известно, обеспечить безопасность Пера – это наша с вами первейшая обязанность, и...

– А разве забота о безопасности Пера подразумевает перестройку башни, где оно хранится, в пятизвездочный отель? – резко спросил Мэнли, указывая пальцем в окно, за которым виднелись строительные леса, окружавшие шпиль башни Директора школы. – А сооружение посадочной площадки для стимфов на башне? Оно продолжается уже несколько месяцев, и все это время мы задыхаемся от пыли! С нас довольно!

– А вы что, ожидали, что я соглашусь жить в той старой каменной дыре, где обитал когда-то Рафал? Без шелковых ковров, без ванной комнаты с зеркалами, без хорошего освещения?

Учителя замолчали. Наверное, потеряли дар речи.

Из коридора доносилось волчье завывание.

– А теперь, полагаю, вы вернетесь на свои рабочие места, в классы и не будете больше мешать мне заниматься подготовкой к танцевальному вечеру, – сказала Софи и начала подниматься со своего трона, но тут...

...грохнула входная дверь зала Зла, и вошла Кларисса Доуви с гордо поднятой головой, увенчанной аккуратным пучком седых волос. На ее зеленом форменном платье сидели и махали крылышками золотистые жуки.

– Если предстоит Танцевальный вечер Декана, логично предположить, что я тоже должна быть на него приглашена. Я же декан, если вы помните, – заговорила она, скользя по красному ковру. На шее декана Доуви висел флакончик с золотистой жидкостью – точно такой же, как у Софи. – Однако никакого приглашения я не получала.

– Сегодня состоится вечер в честь юности, очарования и надежды. Боюсь, вы будете чувствовать себя чужой на этом празднике, – холодно заметила Софи.

– Но *моих студентов* вы при этом пригласить не забыли, – напомнила Доуви.

– Должна вас огорчить, но многие из них охотно откликнулись на наше приглашение, – усмехнулась Софи. – Впрочем, вас, возможно, утешит мысль о том, что никто из *моих* студентов не появится на танцах в *вашем* замке. А если кто и зайдет туда по ошибке, то сразу сбежит от затхлого запаха пыли и нафталина.

– Я еще увижу, как собьет с вас спесь Директор школы, – сверкнула глазами декан Доуви.

– Жаль снова огорчать вас, но в нашей школе нет директора, – ласково промурлыкала Софи.

– Такое положение дел вскоре *изменится*, – спокойно сказала Кларисса, глядя побледневшей как мел Софи прямо в глаза.

Затем декан школы Добра повернулась и вышла из зала, следом за ней потянулись и все учителя. Громко, как выстрел, хлопнула закрывшаяся за ними дверь, и на трон Софи со звоном посыпались сорвавшиеся с люстры подвески – те самые, в виде буквы «S».

Богден бросился вытаскивать хрустальные осколки из волос Софи, испуганные никогдашники начали подбирать их с пола, но декан школы Зла ничего этого не замечала, она стояла словно изваяние, уставившись в пустоту остановившимся взглядом, и только тихо хрипела:

– Новый... Директор школы? Как же так?

Прислонившийся к статуе декана Хорт с нехорошей, скользкой улыбочкой взглянул на Софи и негромко, издевательски пропел:

– *Дай-ду-да!*

4

Ковен. Миссия отменяется

– Предположим, новая декан перешла рамки... – начала Эстер.
– ...и начала представлять опасность для своей собственной школы, – добавила Анадиль.
– Устраивает вечера в честь самой себя, заставляет всех каждый день принимать ванну и есть вареную спаржу и пророщенную пшеницу... тьфу! – поморщилась Дот.
– Что бы вы сделали в такой ситуации, если бы были Директором школы? – закончила Эстер.

Три ведьмы открыли свои блокноты, достали перья и приготовились записывать ответ.

Сидя в своей шаткой хижине на вершине очень высокого бобового дерева, Великий визирь королевства Киргиос задумчиво почесал свою длинную курчавую бороду.

– Полагаю, эта новая декан... молода?

– Да. И она блондинка, – сказала Дот.

– Понимаю, – произнес низким бархатным баритоном визирь. – Ну что ж, я, пожалуй, посоветовал бы декану как следует подумать о том, что происходит в ее личной жизни и как это отражается на ее профессиональных обязанностях. Иногда декан думает, что достаточно целиком посвятить себя работе, чтобы твоя жизнь стала яркой и полноценной. Но этого не происходит, и тогда декан начинает переходить рамки, но это не более чем крик о помощи. Директор школы должен заглянуть такому декану в глаза и сказать: «Подумай, чего ты *действительно* хочешь. Что тебе нужно *на самом деле*?» Иногда решить подобную проблему может помочь просто отпуск, например поездка на солевые источники в Шазабахе. В других случаях этого будет недостаточно, и тогда потребуется вмешательство мудрого – *очень* мудрого – руководителя, который сможет разобраться во всем, что происходит с его деканом.

Эстер заметила, как стрельнула взглядом в ее сторону Анадиль, после чего снова обратилась к визирю:

– Но почему вы думаете, что декан школы Зла прислушивался бы к вам, если бы вы были Директором школы? – спросила ведьма-альбиноска. – Ведь вы из королевства всегдаш-

ников, верно? Не обижайтесь, пожалуйста, но даже если вы будете уверять всех в своей беспристрастности, большинство никогдашников считают всегдашников полоумными, и переубедить их просто невозможно.

Из кармана Анадиль высунулись три ее черные крысы и одобрительно зашипели, соглашаясь со своей хозяйкой.

– Пусть так, но попытка иметь двух директоров, одного злого и одного доброго, уже предпринималась и, как вы знаете, ничем хорошим не закончилась, – ответил Визирь и как бы мельком взглянул на стоящие у него на каминной полке деревянные часы. – Полагаю, что на этот раз основное внимание вы должны будете обратить на личные качества кандидатов, а не на их количество. Между прочим, вам, надеюсь, известно из вашего курса истории, что Киргиос был вначале королевством никогдашников. А принимая во внимание мою долгую-долгую жизнь, это означает, что я успел послужить и королям-всегдашникам, и королям-никогдашникам, причем с одинаковым успехом.

Дот черкнула в своем блокноте несколько слов, и тут у нее громко забурчало в животе.

– Кстати, о вашей, как вы сказали, «долгой-долгой жизни». Наши исследования показывают, что вы, судя по всему, использовали для ее продления разнообразные магические средства. Извините меня за прямоту, но нам не нужен директор, который может умереть через две недели после начала работы. Как долго еще вы предполагаете прожить? – спросила Дот, и в животе у нее вновь забулькало.

– Вы что, находите эти чипсы несвежими? Ни одна из вас к ним даже не притронулась, – ушел от ответа визирь.

Эстер перевела взгляд на стоящее на столе перед ними блюдо с чипсами зеленого цвета. Как и все остальное в Киргиосе, они пахли горохом. Что поделать, именно горох был основой жизни этого королевства. Местные жители даже спали внутри свисающих с деревьев гороховых и бобовых стручков – в одном из таких стручков, между прочим, проходила сейчас и эта беседа. К счастью, на ночь ведьмы оставаться здесь не собирались, потому что уже завтра утром у них было запланировано интервью в Золотых дюнах.

– Мы не проголодались. Позавтракали плотно, – пояснила Эстер, хотя живот Дот явно был не согласен с этим, он гремел уже как барабан. – Ну а теперь, поскольку вы не хотите отвечать на вопрос, который задала вам Дот...

– Честно говоря, я несколько смущен. Скажите, когда к нам присоединится декан Доуви? – нахмурился визирь. – Я хочу отложить наш дальнейший разговор до ее появления. А сейчас, простите, я должен вернуться к своим делам. В последнее время вокруг происходят странные и неприятные события. То какие-то негодяи умышленно наезжают своими экипажами на людей, то вдруг приходят сообщения о появлении пиратов возле Ринга, священного места. Сказать по правде, я согласился прийти на это интервью только потому, что предполагал встретить здесь Доуви, которую вы представляете.

– И мы очень благодарны вам, что вы согласились уделить нам немного своего времени, но, как было сказано в направленном вам заранее письме, декан Доуви поручила именно *нам* находить возможных кандидатов на пост Директора школы и беседовать с ними. Это, если хотите, наша дипломная работа, – отшлифованными гладкими фразами ответила Эстер. – Хотя в процессе выполнения задания мы регулярно связываемся с деканом Доуви, непосредственно встретиться с ней нам можно будет только после окончания отбора кандидатов.

– Понимаю, – вежливо улыбнулся визирь. – Следовательно, Доуви сидит в своей хрустальной башне, утверждает меню обедов и ужинов, организует танцевальные вечера, а такую ответственную работу, как поиски нового Директора школы, который должен будет охранять Сториан и поддерживать равновесие в нашем беспокойном мире, она поручает... *детям*?

– Да, детям, которым за последние шесть месяцев не раз приходилось встречаться лицом к лицу с самыми прославленными во всех Бескрайних лесах сказочными героями и самыми ужасными злодеями, – подтвердила Анадиль.

– Да, детям, которые для встречи с намеченными кандидатами взбираются на летающие горы, облачные леса, переплывают озера с пираньями, приближаются к плюющим раскаленной лавой вулканам, входят в ледяные замки, опускаются в населенные русалками лагуны, проводят ночь на кладбище слонов и однажды даже побывали в чреве очень большого кита. *Огромного*, – добавила Дот.

– Да, детям, которые готовы идти на все, лишь бы справиться со своим заданием, потому что от этого напрямую зависит их собственное будущее, – кивнула Эстер, и вытатуированный у нее на щеке демон тоже согласно покивал.

– А разве нельзя было вам прославиться и вписать свои имена в сказку каким-нибудь другим способом? Победить великана или принца эльфов? – спросил визирь. – А то, знаете, все это выглядит так, будто лидер, вместо того чтобы самому выполнить свою работу, послал подчиненных. Некрасиво это как-то. И, между прочим, никогда ничем хорошим такие трюки не кончаются.

– Да, наверное, не кончаются, если только лидер не уверен в своих помощниках как в самом себе и не знает, что они не хуже его самого справятся с заданием, – сказала Эстер. – А насчет того, чтобы вписать свои имена в сказку... Знаете, для нашего ковена гораздо важнее найти достойного кандидата, который на долгое время возьмет в свои руки охрану Сториана и руководство школой Добра и Зла, чем всеми правдами и неправдами пробиваться в собственную сказку. А поскольку даже декан враждебной школы готова доверить нам и свою судьбу, и судьбу всех Лесов, то на вашем месте я перестала бы так сильно волноваться из-за нашего возраста и задумалась бы лучше над тем, как произвести наиболее благоприятное впечатление на студентов, которыми вы рассчитываете так *мудро* руководить в будущем.

Визирь удивленно выпучил глаза – да так и остался сидеть с раскрытым ртом.

– Ну, на этом, пожалуй, все, – сказала Дот, превращая лежащие на блюде гороховые чипсы в шоколадные. Она раздала их подругам и пошла к выходу, но, выглянув наружу, обернулась и вежливо попросила визиря: – Простите, вы не могли бы помочь нам спуститься с этого дерева?

Доуви связывалась с ковром ежедневно, ровно в час пополудни, так что к этому времени ведьмы расположились на ланч, решив на этот раз устроить его в Вечных Источниках – крохотном лесном королевстве километрах в пятнадцати от Киргиоса. Вечные Источники населяли только животные. Почему, спросите вы? Дело в том, что здесь, в Вечных Источниках, постоянно шел дождь – каждый день, круглый год. Из-за этого здесь и не хотели селиться ни люди, ни другие разумные существа, несмотря на обилие в этих местах пищи и зелени. Пока ведьмы в своих черных платьях и высоких башмаках пробирались сквозь густой кустарник и усеянные яркими цветами полянки, Эстер успела увидеть и оленя, и аистов, и белок – все они с любопытством разглядывали людей и совершенно их не боялись.

Последние шесть месяцев ведьмы почти постоянно были на ногах, потому что Цветочное метро, разрушенное во время правления предыдущего Директора школы, до сих пор еще не восстановили, – работали лишь некоторые ветки. Между делом на своем пути ведьмы повидали немало интересного. Побывали, например, в королевстве Касакина, которым правят только кошки; видели Ночные пруды в Неведомом лесу – волшебные пруды, способные воплотить в жизнь ваши самые сильные страхи; видели Живую библиотеку на холмах Пиффлафф, где под наблюдением громадной летучей мыши хранятся родословные всех-всех живых душ в Бескрайних лесах.

Они побывали в пещерах Контемпо в Борна Корик, где время течет вспять. Даже совершили полет на спине легендарного Синего стимфа и получили редкую возможность увидеть с высоты Ринг – небольшой прямоугольный пятачок земли в том месте, где сходятся границы четырех королевств. Именно на этом пятачке провел свою последнюю битву король Артур, именно здесь он был смертельно ранен. Теперь Ринг считался символом перемирия, заключенного между силами Добра и Зла, – об этом своим подругам по ковену рассказала Эстер, которая прочла об этом в «Истории Лесов для учащихся». Над Рингом гордо реял флаг Камелота, а сам пятачок был окружен с четырех сторон водопадами, которые Леди Озера заколдовала наподобие стен. Если кто-нибудь осмеливался подойти к священному Рингу настолько близко, что на него попадала хотя бы одна капля из этих водопадов, Леди немедленно хватала нарушителя и утаскивала его с собой под воду. Помня об этом и не желая, чтобы их утопили, ведьмы, направляясь в Гаммельн для интервью с очередным кандидатом на пост Директора школы, обошли Ринг стороной.

Справедливости ради заметим, что интервью в Гаммельне ведьмы взяли еще в самом начале своего путешествия, которое казалось им тогда удивительным и веселым приключением, быть может, слегка опасным, но совершенно не утомительным. Но прошло время, и бесконечные скитания под палящим солнцем сделали свое дело, вымотав ковен до предела. Дот натерла мозоли на ногах, и у нее невыносимо болела поясница. Демон на шее Эстер вечно хмурился и находился в отвратительном настроении. Даже всегда белоснежная, как у всех альбиносов, кожа Анадиль и то покрылась пусть легким, но загаром. И вот сейчас ведьмы радовались уже просто тому, что здесь, в Вечных Источниках, они находятся пусть в сырости, зато в безопасности, и можно присесть куда-нибудь, где не так сильно капает, и дать наконец небольшой отдых гудящим от усталости ногам. А потом... А потом, разумеется, снова в путь, искать кандидатов, которых они смогут представить декану Доуви по возвращении домой...

Ведьмы нашли подходящее место под раскидистой пальмой. Эстер по-быстрому соорудила ланч из авокадо и яблок, которые она сорвала здесь же, с деревьев, а Анадиль расколола несколько кокосовых орехов, наполненных сладкой водой.

Дот вытащила из своей сумки старую, отпечатанную на пергаменте газету и расстелила ее, чтобы не сидеть с подругами на мокрой траве. Минут десять ведьмы молча жевали и прихлебывали из кокосовых орехов под нудным мелким дождем, а потом разом заговорили.

– Мне тот последний кандидат кажется довольно перспективным, – заметила Анадиль, наблюдая за тем, как ее крысы дерутся из-за дохлой гусеницы.

– Тот визирь гороховый? – с полным ртом переспросила Дот.

– Спокойный, рассудительный... Лично я вполне вижу его в башне Директора школы, – продолжила Анадиль, прихлебывая сладкую кокосовую воду. – По мне, так он куда лучше, чем Ледяной Великан из Ледяных равнин, например, или тот борец за права фейри из Гилликина, или обезьяний король из Ранион Милл.

– Ни один из них не подходит, – проворчала Эстер. – Нужно искать дальше.

– Уже *шесть месяцев* ищем, Эстер, пора бы и остановиться хоть на ком-нибудь, – покачала головой Анадиль. – Без Директора школы в опасности и Сториан остается, и все Леса.

– А мне авгур из Лэдлфлоп понравился, – заметила Дот. – Он сказал, что я красивая.

– Он просто слепой, – резко осадил ее Анадиль.

– А-а... Ну, тогда гороховый визирь, конечно, лучше, – согласилась Дот.

– Нам необходимо найти подходящего кандидата до свадьбы в Камелоте, – решительно заявила Анадиль, искоса бросив взгляд на Эстер. – Мы же не можем пропустить эту свадьбу, не побывать на ней, верно?

Эстер подумала, прожевала то, что было у нее во рту, и только после этого ответила:

– Свадьбу мы не пропустим.

Анадиль негромко вздохнула.

– Однако уже несколько месяцев от Агаты не было ни одного письма, – сказала Дот, стаскивая с ног башмаки. – Ни единого после того, в котором она пыталась обмануть нас, расписывая свою жизнь в Камелоте словно в райском саду. Надеюсь, свадьба у нее все же состоится.

– Доуви сказала бы нам, если бы она отменилась, – заметила Анадиль.

– Конечно, нам надо было приехать на коронацию. Может, мы сумели бы вмешаться, пока все там не полетело вверх тормашками, – вздохнула Дот.

– А по-моему, продолжать поиски нового Директора школы важнее, чем ехать в Камелот на свадьбу, чтобы посмотреть, как Тедрос сам себя сажает в лужу... *опять*, – Эстер поправила свои черно-красные волосы. – Я уверена, что через два месяца он выступит на бис со своим коронным... то есть *коронационным*, номером.

– Через два месяца?! Их свадьба так скоро?! – испуганно переспросила Дот.

– Подумываешь, как бы успеть сесть до свадьбы на диету? Дай-ка попробую угадать... Ага, по-моему, теперь все, к чему ты притронешься, будет превращаться в корейскую капу-сту? – хихикнула Анадиль.

– Не-ет, мэм, – на деревенский манер пропела Дот и откусила кусочек авокадо, покрытого толстым слоем шоколада. – Больше никаких дие-ет. Я уже и толстенькой была, и то-оненькой. Толстенькой быть лу-учше, и мне плевать, что говорит на этот счет мой па-апочка. – Она оставила в покое свой акцент и нормальным тоном закончила: – Нет, просто я имела в виду, что время так быстро летит, а мы так и не нашли подходящего Директора школы.

Тут они вдруг заметили, что Эстер притихла и даже перестала жевать.

– Эстер? – окликнула ее Дот.

Сидя с недоеденным авокадо в руке и продолжая внимательно рассматривать лежащий перед ней на траве лист пергамента, Эстер спросила:

– Когда мы купили эту газету?

– Э... недели три назад, – ответила Дот. – В Гилликине, если не ошибаюсь.

Эстер снова перечитала броские, набранные крупным шрифтом заголовки:

**ПИРАТЫ ЗАХВАТЫВАЮТ ВСЕ НОВЫЕ
И НОВЫЕ ПОРТЫ В ЖАН-ЖОЛИ**

НЕУДАВШЕЕСЯ ПОХИЩЕНИЕ ПРОРОКА В РЕЙНБОУ-ГЕЙЛ

ПОЖАР В САДУ НА СТЕКЛЯННОЙ ГОРЕ

У Эстер заняло под ложечкой. Каждый из заголовков был связан с заданиями, которые получил кто-то из их одноклассников. Беатриса должна была вести сейчас войну против пиратов в Жан-Жоли. Векс и Мона – выкрасть из Рейнбоу-Гейл тамошнего пророка, который помогал всегдашникам обманным путем добиваться своего «долго и счастливо». Кико со своей группой была направлена охранять священный сад на вершине Стеклоанной горы...

Судя по заголовкам, все они свои задания проваливали. Причем с треском.

– Что не так? – спросила Анадиль. Ее крысы тоже насторожились, даже перестали драться из-за добычи.

Эстер поспешно положила на газету недоеденный авокадо, скрыв заголовки от своих подруг. «Ни к чему волновать их понапрасну, – подумала она. – Это устаревшие новости, и не наша вина, если кто-то из ребят не справляется со своим заданием. Кроме того, мне нужно беспокоиться в первую очередь о наших поисках».

Она обернулась к своим подругам и спросила вслух:

– А вы уверены, что мы с вами задаем кандидатам *правильные* вопросы?

– Ты хочешь сказать, что их нужно спрашивать, любят ли они ужинать при свечах или прогуливаться по пляжу? – удивилась Анадиль. – Послушай, Эстер! После шести месяцев скитаний, после восьмидесяти интервью, после бесчисленных ночей, когда мне пришлось терпеть, что Дот портит воздух во сне, ты вдруг начинаешь спрашивать, правильные ли вопросы мы задаем кандидатам?

– Это все те чечевичные кексики в Друпати, это все они, – жалобно сказала Дот.

– Просто я подумала, о чем леди Лессо стала бы спрашивать кандидатов, окажись она на нашем месте, – сказала Эстер. – Ведь все они говорят нам именно то, что мы хотим от них услышать. А мы слушаем – и не понимаем, кто перед нами на самом деле. Как бы не получилось, что какой-нибудь мистер Спокойствие и Рассудительность, оказавшись в непосредственной близости от Сториана, вдруг превратится в психопата вроде Рафала!

Возразить против этого Дот и Анадиль было нечего.

– Я понимаю, что кто-то из кандидатов может показаться нам лучше остальных, но этого мало, – продолжила Эстер. – Ведь речь идет о будущем Директоре школы, который будет защищать Перо, управляющее всеми нашими жизнями, и мы не имеем права допустить ошибку.

– Но мы же не можем залезть в голову каждому кандидату, чтобы узнать, о чем он думает на самом деле, – возразила Анадиль. – И чем дольше мы будем тянуть с выбором, тем больше риск, что кто-нибудь возьмет да и займет место Директора. Сам. И окажется этот *кто-то* таким же, как Рафал. Или еще хуже. И тогда к кому же обращаться жителям Лесов за помощью? К королю Камелота, как это было в прошлом? Но теперь это не Артур, а *Тедрос*. Вы что, всерьез думаете, что он способен стать вождем, который сплотит все королевства и объединит *Добро* со *Злом*? Не смешите меня! Тедрос даже с собственной коронацией справиться не смог!

Эстер молча наблюдала, как темнеет, покрываясь слоем шоколада, ее авокадо.

– Кроме того, не нам с вами принимать окончательное решение, – продолжила Анадиль. – Наша задача – представить Доуви список наиболее подходящих кандидатов. Из них она и выберет одного...

– Нет, этого одного должны будут выбрать *оба* декана, – поправила ее Эстер. – Признайтесь, неужели вам *действительно* хочется, чтобы Софи выбирала нового Директора школы? После того, как у нее был роман с предыдущим?

– Ну-у, если его выберет Софи, он будет хотя бы симпатичным, – задумчиво заметила Дот. – Софи хорошо разбирается в мужчинах.

За это Эстер одарила свою подругу презрительным взглядом.

– Что такого я сказала? Это же правда, – заволновалась Дот. – Даже сейчас, пока мы с вами здесь сидим и болтаем, она, быть может, как раз приманивает к себе самых симпатичных всегдашников.

– Нет, такими вещами не брезговала *прежняя* Софи, – возразила ей Анадиль. – А теперь Софи декан. Новое лицо Зла.

– Ты права, Софи изменилась, – поддержала подругу Эстер. – То есть я хочу сказать, что мы ненавидели ее, когда она стала деканом, но насчет парней... Действительно, теперь она, по моему, совершенно счастлива и без них.

– *Пока*, – уточнила Дот.

– *Пока*, – согласно кивнула Анадиль.

– Но во всем остальном, насколько я могу судить по словам Доуви, она становится все хуже и хуже, – сказала Дот. – Перебралась в башню Директора школы... поставила на пляже у Озера-на-Полпути купальные кабинки... превратила комнату Страха в танцевальный клуб по субботам... превращает весь замок в памятник самой себе. Похоже, она начинает «выходить за рамки», как сказал тот визирь гороховый. Интересно, скоро ли у нее дойдут руки и до Агатиной свадьбы?

Эстер и Анадиль молча уставились на нее.

– Эй, народ, проснитесь! Вы что, думаете, что Софи заявится на эту свадьбу одна? Чтобы просто посмотреть, как ее лучшая подруга выходит замуж за *короля*? – спросила Дот.

– Оказывается, раз в год и она дельную вещь сказать может, – заметила Эстер, глядя на Анадиль.

– Хотя этого недостаточно, чтобы спать с ней в одной комнате, – ответила Анадиль.

– В следующий раз я съем *все* чечевичные кексики, – мстительно сказала Дот.

Тут над их головами появилось светлое пятнышко – словно кто-то прорезал в воздухе дырку, сквозь которую можно заглянуть в другое измерение. Пятнышко начало раздуваться, словно воздушный шарик, и вскоре превратилось в шар, в центре которого, как в аквариуме, появилось лицо профессора Доуви.

– Девочки, у меня для вас важные новости, – сразу перешла к делу декан школы Добра.

Эстер с первого взгляда поняла: что-то случилось. Глаза у Доуви были покрасневшими, всегда аккуратно уложенные волосы растрепались, в уголках рта появились глубокие морщинки.

В кабинете декана царил беспорядок, он был завален газетами, какими-то бумагами, пергаментными свитками. Хрустальный флакончик на шее Доуви был пуст, зато в воздухе висела похожая на прямоугольный дирижабль Карта Квестов, усеянная красными точками. Более того, на зеленом платье декана Доуви виднелись даже пятна то ли от пролитого кофе, то ли от яичницы, вследствие чего Эстер окончательно уверовала в то, что ситуация тревожная, а может быть, даже критическая.

– Э... с вами все в порядке, профессор? – спросила Эстер, пытаясь изобразить сочувствие, которого совершенно не испытывала. Конечно, то, что Доуви доверила их ковену такую важную миссию, заставило Эстер слегка смягчить свое мнение относительно декана, но... Нет, как она с детства не уважала фей-крестных, так и не уважает до сих пор (Доуви, до того как стать деканом школы Добра, была феей-крестной той самой Золушки). – Выглядите вы... как бы это помягче сказать...

– Девочки, ваше задание закончено, – прервала ее профессор Доуви. – Я хочу, чтобы вы *немедленно* вернулись в школу.

– Нет, вы не можете... – ахнула Дот.

– После всего, что мы... – перебила ее Анадиль.

– Профессор, – подхватила эстафету Эстер. – Я понимаю, мы до сих пор не представили вам список кандидатов, но мы работаем, пашем как лошади, ищем того, на кого можно положиться, очень благодарны вам за оказанное доверие...

– Эстер! – перебила ее профессор Доуви.

– Прошу вас, позвольте нам закончить свою работу, – продолжила Эстер. – Не наказывайте, не отбирайте у нас это задание, особенно теперь, когда мы, кажется, приблизились к тому, чтобы...

– Эстер! – прикрикнула профессор Доуви. – Я не собираюсь наказывать вас, напротив: я верю в ваши способности. Именно поэтому мне и потребовалась ваша помощь. *Немедленно*. Речь идет о деле *такой* важности, что все остальное может подождать.

– Но что может быть важнее поисков нового Ди... – заикнулась было Эстер.

За спиной Доуви распахнулась дверь, и в кабинет влетела профессор Эмма Анемон в маскарадной маске зеленого цвета:

– Кларисса, ты не будешь возражать, если я схожу сегодня на танцевальный вечер декана Софи? Учитывая, что туда отправится много наших студентов, а принцесса Ума все еще в отпуске, должен же кто-то из преподавателей школы Добра там присутство...

– Не сейчас, Эмма! Поговорим позже! – резко оборвала ее Доуви.

Профессор Анемон моментально исчезла.

– Профессор Доуви... – начала Эстер.

– У меня нет времени отвечать на вопросы, Эстер. Мне нужно, чтобы вы сейчас же вернулись в замок. Все трое. Линию Пионов Цветочного метро до Вечных Источников уже восстановили, так что к вечеру вы уже должны быть в школе.

– Да, конечно. Мы готовы помочь вам всем, что только в наших силах, – безжизненным голосом произнесла Эстер. Она все никак не могла прийти в себя от того, что поиски нового Директора школы придется прервать. – Но все это... как-то связано с Софи?

– И с мальчиками-всегдашниками? – встряла Дот.

– Ой, Дот, да замолчи ты уже! – цыкнула на нее Эстер.

– Девочки, наши проблемы гораздо серьезнее выходок моей коллеги-декана, – сказала профессор Доуви, тревожно рассматривая волшебную карту. Затем она оторвалась от нее и добавила, глядя прямо перед собой на ковен: – Скажу только одно: я очень надеюсь, что вам удастся одним выстрелом убить двух зайцев.

5

Агата. Вмешательство

– Раз-два-три... раз-два-три... Подбери зад, девочка! Голову выше! Ты же танцуешь вальс, а не оброненную на пол монетку ногой нащупываешь! Раз-два-три! – рычал Поллукс на Агату своей собачьей головой, прикрепленной к телу жирной сдохшей овцы.

Поллукс увлеченно носился по бальному залу в Золотой башне, задавая ритм ивовой палочкой, а Агата танцевала с рыжеволосым тощим алтарником, тем самым, что «отличился» во время коронации Тедроса.

– Не спеши, девочка... раз-два-три... и не цепляйся так сильно за Уильяма, он тебе не спасательный круг... И улыбайся, Агата! Не смотри так, будто за тобой черти гонятся... Если ты *вот так* будешь танцевать, тебя забросают тухлыми яйцами. На твоей собственной свадьбе...

– Как тебя самого сюда черти занесли, – пропыхтела в ответ Агата, сражаясь со своими неуклюжими ногами, бездарным партнером-алтарником и чувствуя себя просто ужасно еще и оттого, что на ее горизонте вновь появился развязный курносый пес, с которым она надеялась никогда больше не увидеться. Точнее, не пес, а только его голова, криво приставленная к телу приказавшей долго жить овечки. Поллукс был половинкой двуглавого пса Цербера, который преподавал в школе Добра и Зла, и проиграл своему брату Кастору право владеть телом Цербера, когда им, головам то есть, нужно было на время расстаться – каждой по своим делам. Вот и приходилось в таких случаях Поллуксу искать чье-нибудь бесхозное тело, чтобы прилепить к нему свою голову, – сегодня это была дохлая овца.

– Мы повздорили с Клариссой Доуви, – объяснил тайну своего появления в замке Поллукс. – После того как Софи назначили деканом школы Зла, я рекомендовал Клариссе подумать о *ее* собственной замене. Напомнил, как ее саму незадолго до своей безвременной смерти взяла да и назначила вместо себя леди Лессо. Честно сказал, что декан Доуви находится в таком *зрелом* возрасте, а рекламным лицом Добра должен стать кто-нибудь моложе и симпатичнее, иначе этот бренд с треском проиграет Злу. Нет, я, конечно, сказал все это очень осторожно,

тактично, но... Спину выпрями! – рявкнул Поллукс и огрел беднягу Уильяма своей ивовой то ли палочкой, то ли розгой. – Кларисса сделала вид, что мои намеки до нее не доходят, и тогда я начал собирать подписи под петицией, требующей ухода декана Доуви на покой, который она давным-давно заслужила по возрасту, – продолжил Поллукс. – Само собой, я рассчитывал на то, что новым деканом выберут меня, но Кларисса узнала про петицию и разрушила весь мой план, а меня самого выгнала из школы... – не прерывая своего рассказа, Поллукс больно ткнул Агату ивовой палочкой.

Агата выхватила ее, переломила пополам и после этого вернула ее Поллуксу.

– Как я погляжу, жизнь при королевском дворе ничуть не пошла тебе на пользу, – сердито прорычал Поллукс. – Ты по-прежнему такая же упрямая и неуклюжая. Ты что, хочешь превратить свою свадьбу во вторую серию позора, который у вас назывался коронацией? Представь, какие заголовки появятся в *«Королевской чепухе»*, если ты будешь так танцевать! *«Худшая невеста всех времен и народов»!* Ты этого хочешь?

– Нет, – со злостью ответила Агата.

– Вот и славно, потому что леди Гримлейн, как только услышала о моих... проблемах в школе, сразу же пригласила меня именно для того, чтобы я помог тебе подготовиться к свадьбе, – сказал Поллукс. – Так что я буду учить тебя танцам, этикету и истории. Вообще-то леди Гримлейн собирается сделать меня твоим личным гувернером, чтобы я постоянно был рядом и мог в любой момент подсказать тебе что-то дельное.

– Гувернеров приставляют к детям, а мне няньки не нужны, – нахмурилась Агата. – Сразу же, как только я стану королевой...

– Королевой ты станешь только после того, как Тедроса официально признают королем, – перебил ее Поллукс. – А королем он станет, только если вытащит из камня Экскалибур.

И он указал заимствованным у мертвой овцы копытцем в окно, за которым виднелся балкон Синей башни, торчащий над ним меч и два охраняющих его гвардейца.

– Так что до тех пор, пока наш дорогой, но не признанный официально король будет пытаться вытащить застрявший в камне меч, за Тедросом будет присматривать леди Гримлейн. А я присмотрю за тобой.

Агату едва не стошнило от отвращения.

Переминавшийся рядом с ней Уильям нечаянно наступил ей на ногу.

– Эй, ты! – вскрикнула Агата и толкнула Уильяма так, что он отлетел прямо на Поллукса.

– Кому нужна свадьба, когда можно побывать в цирке?! – прорычал Поллукс.

Спустя два часа мучения в танцевальном зале закончились, и Агата отправилась на урок этикета. Сегодня Поллукс разложил на столе альбомы с портретами приглашенных на свадьбу гостей (их было более полутора тысяч), а Агата должна была запомнить всех по именам. За каждую ошибку Поллукс брызгал в лицо Агате жгучим лимонным соком.

– Последний раз спрашиваю: кто это? – раздраженно спросил Поллукс, указывая на какого-то длинноносого урода.

– Барон Хаджибаджи, – уверенным тоном ответила Агата.

– Баронесса! – взвыл Поллукс. – Не барон, а *баронесса*!

– Это *женищина*?! – удивилась Агата.

А потом, политая лимонным соком, она получила небольшую передышку, потому что в гостиную залетела ворона-курьер – принесла Поллуксу в клюве письмо от Кастора. Пока пес читал послание, Агата уставилась в окно, на торчащий из каменной арки балкона меч.

Поначалу она несколько не сомневалась, что Тедрос сумеет-таки вытащить застрявший Экскалибур. Чуть раньше или чуть позже, но он освободит застрявший в камне клинок, и это сразу решит все их проблемы. Но чем дальше, тем сильнее Агата начинала сомневаться, что это счастливое событие произойдет не только до свадьбы, но и вообще в обозримом будущем. Все чаще ей приходили в голову и вовсе дурные мысли, например, что Экскалибур *никогда* не

позволит себя вытащить и будет до конца их дней торчать над балконом как вечное напоминание о провале Тедроса. А это значит, что Тедросу никогда не стать *настоящим* королем, а ей – *настоящей* королевой. И Тедрос станет все больше замыкаться в себе, все меньше будет напоминать того открытого, чистосердечного парня, который когда-то сделал Агату своей избранницей и которого она полюбила.

«*Что я могу сделать, чтобы помочь ему?*» – думала Агата, глядя в замутившееся окно, за которым вдруг полил сильный дождь. Нынешняя ситуация была совсем не похожа на Испытание Сказкой, во время которого в свое время она смогла тайком помочь Тедросу. Вытащить из камня Экскалибур должен был только сам Тедрос, это было *его* задание, и ничье больше.

Ну хорошо, а если бы она *смогла* помочь Тедросу – это решило бы все их проблемы?

Агата задумчиво наблюдала за струями налетевшего на замок дождя, и тут...

...сквозь дождевую завесу она заметила какое-то движение на балконе и наклонилась через подоконник ближе к окну, чтобы получше все рассмотреть.

Перейдя через мостик, на балконе Синей башни появился юноша в светлых кремовых бриджах и темно-серой рубаше с накинутым на голову капюшоном. Он отослал охранявших меч гвардейцев и остался на балконе один. Промокшая от дождя одежда юноши облепила все его тело, и стали хорошо видны мощные мышцы. Юноша осмотрелся вокруг, желая убедиться, что его никто не видит (Агата поспешила отпрянуть от окна, чтобы он ее не заметил), и начал разминаться.

После этого он сделал глубокий вдох, ухватился за рукоять Экскалибура и стал пытаться его вытащить.

Последние шесть месяцев Агата наблюдала эту картину каждый вечер – Тедрос точно так же приходил на балкон, точно так же отпускал гвардейцев, так же разминался и приступал к поединку с непокорным мечом отца. Вначале вместе с Тедросом на балкон приходили мастера-фехтовальщики, бывшие рыцари, кузнецы, которые давали непризнанному королю свои советы. Приходила леди Гримлейн, смотрела, прищурившись, на все, что происходило на балконе. В те дни королевство стояло на пороге гражданской войны: половина его жителей поддерживала Тедроса, признавала его «*настоящим*» королем, вторая же половина грозила свергнуть «самозванца». Но прошло шесть месяцев, страсти улеглись, напряжение ослабло, интерес людей к этому делу, как это обычно бывает, с течением времени ослаб, и советчики и просто наблюдатели перестали приходить на балкон, чтобы посмотреть, как Тедрос сражается с мечом. Сам же Тедрос попытки вытащить Экскалибур из камня не прекращал ни на день, однако Агата впервые увидела, чтобы он появился на балконе днем, – раньше Тедрос всегда дожидался наступления темноты, не хотел, чтобы его кто-нибудь увидел. Возможно, он решил, что налетевший дождь надежно укроет его от зевак, а может быть, ему стало наплевать, увидит кто-нибудь или нет, как он пыжится, пыхтит и потеет, пытаясь вытащить из камня клинок, как заходит к нему то с одной, то с другой стороны...

Но Экскалибур так и не сдвинулся с места.

Нужно заметить, что ежедневные попытки вытащить меч из камня сделали Тедроса еще сильнее. Агата даже подумала недавно, что с такими мускулами он с легкостью мог бы в одиночку подтянуть за канат к причалу морской корабль.

Тедрос все тащил и тащил застрявший над балконом Экскалибур. Могучие бицепсы Тедроса бугрились и ходили ходуном, из его лопающих от натуги ладоней на сталь клинка капала кровь. Вскоре все закончилось. Тедрос в очередной раз признал свое поражение, отступил от меча и, запрокинув голову, издал крик – такой отчаянный, такой безнадежный...

Агата закрыла свои глаза и тяжело вздохнула.

Когда она вновь открыла их, Тедрос смотрел прямо на нее.

Сквозь пелену дождя ей было трудно рассмотреть выражение лица Тедроса, к тому же прикрытого капюшоном, но его глаза...

Его глаза она видела очень четко, и это было ужасно. Пустой, мертвый, лишенный всякого выражения взгляд – казалось, из памяти Тедроса полностью стерлось все, что в прошлом связывало его с Агатой. Он смотрел так, словно впервые увидел ее.

– Если будешь пялиться в окно на дождь, никогда не выучишь, как зовут императрицу королевства Путси, – произнес за плечом Агаты знакомый противный голос.

Обернувшись, она окинула взглядом Поллукса и гниющий труп овцы, к которому была прилеплена его голова.

– Я знаю, что тебя тошнит от церемоний, праздничных торжеств и тому подобных вещей, Агата. Однако пойми, речь ведь идет о *твоей* свадьбе, – сказал Поллукс.

– А я думала, что о бале Лепрекона, – передразнила она.

– Если ты намерена продолжать в таком же духе, я, пожалуй, позову леди Гримлейн...

– Беги скорее мамочке пожаловаться. На другое ты просто не способен...

– А ты несносная маленькая девчонка, – парировал Поллукс.

– И это мне говорит помесь пса и дохлой овцы!

– Я здесь вовсе не для того, чтобы тебя мучить, – вздохнул Поллукс. – Я здесь, чтобы помочь тебе выйти замуж. Ты должна стараться.

– Я стараюсь, – тихо сказала Агата.

– Ты должна стараться, потому что нужно соблюдать вековые традиции, а еще потому, что твой народ впервые увидит тебя как королеву...

– Я стараюсь, – громче повторила Агата.

– Ты должна стараться, потому что от этого зависит твое будущее...

– *Я стараюсь!* – во весь голос крикнула она.

– Неужели? – ехидно спросил Поллукс. – Насколько я могу судить по тому, что вижу, ничего ты не стараешься. Скажи мне, почему я должен поверить, что тебя волнует твоя свадьба?

Агата в ответ проговорила:

– Это повод напомнить Тедросу, как мы с ним были счастливы когда-то.

Пес смутился, замолчал и отвел взгляд.

Агата снова повернулась к окну, надеясь, что ее принц еще там, на балконе...

Но увидела только вернувшихся на свое место гвардейцев, стиравших кровь Тедроса с торчащего из камня меча.

Обедать Агата решила в ванной комнате королевы, там, где ее никто не сможет побеспокоить.

Впереди ее ждал урок свадебной истории, однако Поллукс отпустил ее перекусить, причем одну, не вызвав служанок для ее сопровождения. Пес допустил прокол, ведь именно Поллукс отвечал за то, чтобы тем, кому следует, был известен буквально каждый шаг принцессы.

Итак, Агата отправилась на кухню одна, и ее появление едва не привело к инфаркту всех десяти работающих там поварих.

– П-принцесса Агата, что случилось? – заикаясь, спросила шеф-повар Силькима. – Все ли в п-поряд...

– Вы могли бы приготовить мне на обед спагетти? С сыром. Много-много сыра. Целая гора.

Силькима и остальные поварихи удивленно заахали, засуетились возле готовых к подаче блюд, как то: супчик из кокосов с тмином, цыпленок-карри под соусом из зеленого перца чили, картофельные медальоны с горошком и луком-пореем, салат из черной чечевицы с рубленным лососем и пятислойный торт из фисташкового индийского мороженого – *кулфи*.

– Обыкновенные сп-пагетти? С сыром? – прохрипела шеф-повар Силькима.

– Да, пожалуйста, – кивнула Агата.

От изумления одна из поварих с грохотом уронила на пол ложку.

И вот сейчас Агата сидела, погрузив ноги в горячую ванну, окруженная со всех сторон зеркалами и отслоившимися позолоченными обоями, и с наслаждением наворачивала из большой миски нежные, дымящиеся, покрытые толстым слоем расплавленного сыра моцарелла спагетти.

В трудные времена каждому необходимо немного расслабиться. Софи, например, снимала напряжение масками для лица, ваннами с морской солью, йогой и интенсивным массажем. Тедрос в таких случаях хватался за гантели, или шел лазить по канату, или находил еще какое-нибудь занятие, за которым можно как следует пропотеть...

Агата предпочитала еду.

Обильная вкусная еда согревала ее изнутри и погружала в состояние, близкое к коме, – когда теряешь способность двигаться, перестаешь что-либо чувствовать, – слышишь только, как счастливо булькает твой желудок, переваривая пищу.

В ванную комнату заглянул Потрошитель, презрительно понюхал упавший на пол кусочек сыра, укоризненно посмотрел на Агату и с разочарованным видом вновь удалился за дверь.

В прошлом Агата и Тедрос довольно часто ссорились. Причем ссорились так сильно, что Агата даже начинала сомневаться, что Тедрос ее любит. И в том, что она сама любит Тедроса, тоже порой сомневалась. Сейчас у нее таких сомнений не было, она была уверена, что Тедрос ее любит, хотя...

Хотя истинное родство душ одной только любовью не ограничивается. Оно, как понимала теперь Агата, предполагает также отказ от маски, которую мы склонны надевать, чтобы понравиться тому, кто нравится нам. Очень трудно и страшно снять эту маску и показать себя таким, каков ты есть на самом деле. Дать другому увидеть тебя таким, каким видишь себя только ты сам.

Тедрос помог ей снять маску, которую она носила не снимая с первого дня своего появления в школе. Он увидел, насколько уязвима и не уверена в себе Агата, увидел все ее недостатки и... только сильнее полюбил ее за это.

Теперь маску надел на себя Тедрос. Надел и, когда его просят снять ее, поступает точно так же, как и большинство парней в такой ситуации.

Сбегает.

Впрочем, была и еще одна причина, осложнявшая, причем очень сильно, их отношения. О ней Агата подумала, взглянув на лежащую у нее на столе стопку писем. Сверху лежало самое последнее, недавнее письмо, которое Агата читала столько раз, что выучила почти наизусть, но при этом так до сих пор на него и не ответила.

Дорогая.

Я знаю, ты не прочитаешь это письмо – точно так же, как не читаешь и все остальные мои письма. Понимаю, ты влюблена, ты занята своей предстоящей свадьбой, и у тебя нет времени для меня, твоей старой глупой подруги, но если ты вдруг прочитаешь эти строки, просто знай, что ты всегда остаешься в моем сердце. Признаюсь честно: жить без тебя оказалось намного труднее, чем я ожидала. Я по тебе скучаю.

*С любовью,
Софи*

P.S. А тебе известно, что Хорт полугает любовные письма от девушки?

Агата стала тереть глаза. В школе Софи постоянно была рядом – третья точка в любовном треугольнике между ней и Тедросом.

Агатой овладело вдруг чувство полного одиночества, и она впервые за все время поняла, что тоскует не только по своему прежнему отважному принцу, но и по своей смелой красавице-подруге тоже. По своей *лучшей* подруге, которую она в последнее время избегала точно так же, как ее саму избегал Тедрос.

Сейчас она была совершенно одна.

А за окном лил дождь, свистел ветер, трепал стоящие в гавани суда. Взглянув в маленькое оконце ванной комнаты, Агата увидела, что ни одно из этих судов не в состоянии поднять паруса и поплыть – все они были заброшенными, поломанными, буквально рассыпались на части, как и все остальное в некогда славном Камелоте. Впрочем, *одно* судно на рейде выглядело прочным – покрашенное свежей голубой и золотой краской, с молочно-белыми парусами. На корме четко читалось название судна – «*Игрэйна*».

– Агата! – раздался из-за двери голос Поллукса. – Мы уже можем продолжить наши...

Голос внезапно прервался, перейдя в яростное шипение, а затем сменился заливистым лаем и грохотом роняемой мебели.

Поллукс столкнулся нос к носу с Потрошителем.

Спустя двадцать минут Агата сидела в библиотеке – это был просторный, высотой в два этажа зал в Золотой башне. Когда-то эта библиотека была роскошной, как и весь замок, теперь же, вместе со всем Камелотом, она пришла в запустение – повсюду густая паутина, на полках – поеденные молью и жучками заплесневевшие книги, повисшая в воздухе пыль, из-за которой трудно дышать. Книжные стеллажи были завешаны, а столы в библиотеке накрыты разноцветными полотнищами – было такое впечатление, что кто-то лет десять назад начал здесь ремонт, но так и не довел его до конца. Агата, сторбившись, присела за столом, накрытым лиловой тканью, и пыталась делать какие-то заметки в своем блокноте, а Поллукс тем временем неразборчиво царапал что-то мелом на доске. На его лице алели свежие царапины, говорящие о том, что победа в недавнем поединке явно осталась за котом.

– Тебе определенно не хотелось бы оказаться, например, на месте принцессы Кербер, которая так перенервничала на собственной свадьбе, что незаметно для самой себя съела

целую банку орехового масла, после чего ее стошнило прямо на туфли жениха. Примером совершенно противоположного свойства может служить принцесса Мугуруза. Она решила выйти замуж не за знатного жениха, а за простолюдина. Это решение вызвало беспорядки в стране, едва не привело к восстанию, но все эти проблемы Мугуруза решила, продемонстрировав свое подвенечное платье. Оно было сделано из розовых жемчужин, которые она *лично* добыла из Дикого моря. Ну разве кто-нибудь смог бы поднять мятеж против такой отважной девушки, не побоявшейся погружаться в опасные морские глубины? Свадьба благополучно состоялась, а спустя какое-то время все и думать забыли, за кого вышла замуж Мугуруза, и, разумеется, простили ей все...

Глаза у Агаты слипались, голова все сильнее клонилась вниз, к накрывающей стол лиловой ткани...

...А когда она уже почти коснулась ее, принцесса вздрогнула и моментально проснулась, увидев вышитый на ткани узор.

Это были крошечные пятиконечные звездочки на лиловом фоне – неровные, словно нарисованные детской рукой.

И вообще это был не кусок полотна, нет.

Это был плащ.

Агата улыбнулась, глядя в спину стоящему возле доски Поллуксу.

Она еще ниже опустила голову и уловила идущий от лилового бархатного плаща аромат свежесваренного какао...

– А еще была принцесса Махалашми, которую ее собственный отец похитил во время свадебной церемонии и продал военному диктатору в Рейвенбоу, – продолжал бухтеть Поллукс. – Это напоминает нам о том, что все семейные склоки следует заканчивать *до* свадьбы...

Осторожно, чтобы не скрипнуть, Агата поднялась со стула и погрузила ладони в плащ – они моментально исчезли с глаз, словно провалились сквозь ткань. Вслед за ладонями внутрь плаща отправились руки Агаты... затем плечи...

– Я не слышу скрипа твоего пера, Агата. Не ленись, я стараюсь для твоего же блага... – недовольным тоном произнес Поллукс.

А когда он обернулся, его ученицы уже не было за столом, она пропала, и на полу лежала только ее туфля.

В тот момент, когда Агата погружала свое лицо в ткань плаща, она почувствовала мягкое прикосновение бархата, а потом ее со всех сторон обступила чернильная тьма, в которой пульсировали полосы ослепительного белого света. Агата закрыла глаза и расслабилась, чтобы свободно и легко полететь сквозь эту тьму, по-птичьи раскинув руки, вытянув ноги в одной оставшейся туфле, с абсолютно пустой головой, свободной от всех мыслей, переживаний и страхов...

А когда полет закончился, она упала лицом вниз на пушистое, мягкое и сладковатое на вкус облако.

Агата вновь открыла глаза и вытянулась, чтобы посмотреть на лиловое ночное небо, усыпанное тысячами серебристых пятиконечных звездочек, – казалось, что ожил, став бескрайним и объемным, тот детский рисунок, который она заметила на плаще в библиотеке.

«*Селестиум*» – так когда-то называл это место Тедрос. Уголок, куда приходят волшебники, чтобы поразмышлять.

Агата поднялась на колени и действительно увидела перед собой волшебника. Он сидел, скрестив ноги, и задумчиво смотрел на нее. На волшебнике была лиловая шелковая мантия, выдававшая виды конусообразная шляпа, очки в роговой оправе и отделанные мягким мехом фиолетовые шлепанцы.

– Мерлин, – улыбнулась Агата.

– Прости, что оторвал тебя от занятий, дорогая моя девочка, но в данный момент у нас есть более важные дела. – Волшебник прихлебнул из кружки горячего, покрытого пышной шапкой взбитых сливок какао. – Но прежде всего скажи мне вот что – тебе добавить в какао взбитые сливки? Хотя заранее предвижу, что выбивать третью кружку какао подряд из старой шляпы будет довольно сложно. В последнее время она настаивает на хотя бы небольшой оплате труда и месяце отпуска...

– Третью кружку? – удивленно переспросила Агата. – Но здесь же только мы вдвоем, вы и я.

– О-хо-хо, редко же вы можете теперь видиться с глазу на глаз, верно? – загадочно прищурился Мерлин и слегка подвинулся в сторону, открывая Агате сидящего за ним Тедроса.

Тедрос на Агату не смотрел, держал в руке свою кружку с какао, над которой поднималась шапка взбитых сливок, посыпанных радужными блестками, и болтал свесившимися через край облака ногами. Тедрос был в пижамных шортах и белой майке, на влажных волосах криво сидела золотая королевская корона.

– Нам с Агатой нужно работать, Мерлин, – сказал Тедрос, по-прежнему глядя вдаль. – Тебя здесь полгода не было, поэтому ты, наверное, не в курсе, но мы с ней в ответе за все королевство. – Он выплеснул дымящееся какао из своей кружки за край облака и продолжил: – Наша казна пуста. У нас нет рыцарей. Мама и Ланс пропали. Во всех Лесах беспокойно, зреет смута. У нас нет сейчас времени распивать с волшебниками какао.

– Раньше ты делился какао с Агатой, а теперь тратишь его впустую? – проворчал Мерлин.

– Между прочим, я вовсе не просил никакого какао, – сердито ответил Тедрос, поправляя съехавшую корону. – Я уже слишком стар, чтобы меня можно было подкупить конфеткой.

– Но не слишком же стар, чтобы оставить свою любимую принцессу без сладкого? – хитро усмехнулся Мерлин.

– Я только что пообедала, – отметила Агата, стараясь угодить обеим сторонам.

– Где какао для девушки?! – строго прикрикнул волшебник на свою шляпу.

– Слушай, Мерлин, ты же не можешь держать меня здесь всю ночь, – нетерпеливо сказал Тедрос. – В Селестиуме слишком разреженный воздух.

– Я могу держать тебя здесь хоть до тех пор, пока ты не посидеешь, как я, – нравоучительным тоном ответил Мерлин. – Для этого я просто могу превратить тебя в золотую рыбку, поместить в аквариум – и плавай себе на здоровье. А Агата сможет тебя кормить. Сухими дафниями. Если, конечно, не станет вышвыривать их по твоему примеру с облака. – Волшебник сердито потрянул свою шляпу: – Ну, долго мне еще тебя ждать?!

Шляпа плюнула в Мерлина горячим какао, а он в отместку сел на нее.

– Ну, а теперь давайте начнем, – хмыкнул волшебник.

– Что начнем? – спросила Агата.

– Мне это не нужно, Мерлин, – простонал Тедрос.

– Что тебе не нужно? – спросила Агата.

– Тебе это нужно гораздо больше, чем ежедневное топтание возле меча и бесконечные тренировки, чтобы накачать мускулы, – ответил Тедросу волшебник, прочнее усаживаясь на своей шляпе.

– Ты теперь ничего обо мне не знаешь, – огрызнулся Тедрос. – Ты исчез тогда, когда больше всего был мне нужен. Я уже привык к этому, ты все время так со мной поступаешь. Тебя не было шесть месяцев, и за все это время ты даже не удосужился написать мне ни строчки. А потом проходит полгода, и – здравствуйте пожалуйста! – ты вдруг появляешься с таким видом, будто можешь помочь мне, хотя на самом деле ровным счетом ничего не знаешь о том, что случилось со мной за эти месяцы. Лучше уходи в ту нору, где прятался.

– Потому что ты справляешься с веселенькой королевской работой и без меня? – поинтересовался волшебник.

– Я думаю, мой отец был прав, когда прогнал тебя из замка, – огрызнулся Тедрос.

– Да ты с каждым днем все больше и больше становишься на него похожим, – заметил Мерлин.

– Прекратите! Вы прямо как молодые петухи, причем оба! – громко прикрикнула на них Агата, и голос ее далеко-далеко разнесся в звездной ночи. – Давайте лучше попробуем понять, что нам всем делать дальше. И зачем мы вообще здесь очутились.

Старый волшебник и юный король смутились и опустили глаза.

Молчание нарушила шляпа, на которой сидел Мерлин. Она важно проговорила, насмехаясь:

– *Супружеская терапия!*

6

Тедрос. Две теории

Где-то в глубине души Тедрос знал, что это случится. Он понимал, что не сможет и дальше относиться к Агате как к дальней родственнице, продолжая при этом сражаться со своими собственными демонами, загоняя их все глубже и глубже внутрь. Всем известно, что ничем хорошим такие вещи не заканчиваются.

На протяжении всех последних шести месяцев Тедрос отчаянно пытался убедить себя, что у него просто нет возможности действовать иначе, что лучший, и даже единственный, способ двигаться вперед – это предоставить Агате заниматься приятными хлопотами о предстоящей свадьбе, а самому стараться убедить всех в том, что Камелот при новом короле непременно вернет себе былую славу. Но Тедрос не мог до бесконечности лгать самому себе. И убедить в том, что вскоре наступит счастливое будущее, не мог никого – об этом лучше всяких слов говорили взгляды, которыми провожали своего полузаконного короля охранявшие замок гвардейцы.

Они смотрели на Тедроса с сожалением и недоверием, то и дело бросая взгляд на то место, где над балконом Синей башни торчал застрявший в камне Экскалибур. Да и хлопоты Агаты вряд ли можно было назвать приятными, если вспомнить, что она занималась подготовкой своей свадьбы с женихом, который всячески старался ее избежать.

Кто-то должен был вмешаться в эту ситуацию. Кто-то должен был помочь Тедросу спастись от себя самого. И вот это случилось – однако Тедрос оказался совершенно не готов к такому вмешательству.

Хуже всего было то, что когда-то Тедросу самому довелось испытать то, что переживала сейчас Агата. Он не понаслышке знал, каково это – оказаться забытым и всеми покинутым.

Ему было тогда девять лет. Его мать сбежала из замка вместе с Ланселотом, бросив их с отцом. В тот момент отец стал нужен Тедросу как никогда прежде, но вместо того, чтобы заниматься сыном, тот запил, медленно убивая себя, не желая признать в случившемся долю своей вины. Тедрос умолял отца остановиться, одуматься, не губить себя, обещал помочь, но

тот отвечал, что помощь нужна не ему, а матери Тедроса. В конечном итоге честно разобраться во всем перед самой собой сумела мать, и это позволило Гиневре выжить, а вот Артур так и закоченел в своем горе, так и ушел с этим в могилу.

Сейчас, когда Тедрос сидел с Агатой и Мерлином, все эти воспоминания вспыхнули в нем с новой силой. Он не хотел, не мог допустить, чтобы Агата страдала так же, как когда-то он сам, покинутая человеком, которого она любит. Он не хотел быть похожим на своего отца, который отказывался принимать любую помощь до тех пор, пока для этого не стало слишком поздно.

– Когда мы покидали школу, я думал, что теперь все будет хорошо, – сказал Тедрос, по-прежнему не имея сил взглянуть на свою принцессу. – Я не хотел, чтобы ей до конца жизни пришлось о чем-либо беспокоиться. Она уже достаточно всего насмотрелась и натерпелась. Но когда я увидел, как сильно ее ранило то, что случилось в то злополучное утро на балконе...

– Он... говорит обо *мне*? – спросила Агата.

Тедрос заметил, как Мерлин сжал запястье Агаты, давая знать, что сейчас не ее черед говорить.

– Мерлин, где ты был все это время?! – Тедрос прокашлялся. – Тебя никто не видел со дня коронации. Впрочем, я даже не могу сказать, что действительно *видел* тебя тогда.

– Надеюсь, ты меня не видел. Я использовал очень мощное и сложное заклинание, которое превратило меня в комара, способного какое-то время продержаться без чьей-либо крови, – покивал Мерлин.

– Хорошо бы это оказалась кровь леди Гримлейн, – заметила Агата.

Волшебник неодобрительно посмотрел на нее.

– Значит, ты наблюдал за коронацией, превратившись в комара? – переспросил Тедрос.

– Я надеялся, что меня не обнаружат, тем более что все внимание будет приковано к тебе, мой мальчик. Знаешь, ведь если бы кто-нибудь меня заметил и попытался прихлопнуть, мне бы тогда пришлось устроить *такое* представление! Но, к счастью, меня не заметили. Зато ты отличился, представив зрителям свою мать и Ланселота. Ты сделал это вопреки всем разумным советам, которые тебе давали. Ты поступил как упрямый, зазнавшийся мальчишка, а не как новый король, добивающийся доверия своего народа.

– И я прошу прощения за это, – негромко сказал Тедрос. – Но в тот момент мне казалось, что я поступаю очень правильно.

– Я могла бы помочь... – начала Агата, но ойкнула и замолчала, когда шляпа Мерлина укусила ее за ногу.

– Может быть, я сделал все неправильно и все испортил. Может быть, я самый худший король на целом свете. Но разве уже этого было недостаточно, чтобы наказать меня? – вспыхнул Тедрос. – А ты еще и исчез на полгода!

– Я?! Наказал?! Тебя?! – ошеломленно переспросил Мерлин. – Тедрос, милый мой, все это время я спасал двух человек, которых ты любишь.

Внезапно Тедрос все понял и радостно воскликнул:

– Так ты был с мамой и Лансом! А я чуть с ума не сошел, пытаюсь отыскать их... Ничего не мог понять – а тут еще стали приходиться какие-то загадочные пустые открытки, причем из самых разных и неожиданных уголков Бескрайних лесов...

– Твоя мама их посылала бы еще чаще, только я ей не разрешал, – хмыкнул Мерлин.

– Я так и знал, что это она! На открытках не было ни слова, но все они пахли жимолостью, а мама знает, что это мое любимое растение. Так где же они? И когда я смогу их увидеть? Мне необходимо их увидеть...

– Спокойнее, мой мальчик! Твоей матери и Ланселоту по-прежнему угрожает смертный приговор, вынесенный твоим отцом. Ты можешь отменить его только после того, как вытащишь из камня Эскалибур и успешно пройдешь свое испытание. Между прочим, вести их

в безопасное место тоже было непростой задачей. Я превратил твою мать и Ланса в плодовых мушек и увел за собой в Бескрайние леса. Возвращаться в наше старое убежище на Авалоне было нельзя, потому что о том доме на весь свет раззвонила «Сказка о Софи и Агате». Так что остров Авалон должен был стать самым первым местом, куда ринутся враги твоей матери. Вот почему, чтобы спрятать твою мать и Ланса, а заодно отвлечь их от постоянных мыслей о тебе, я начал кружить с ними по разным королевствам, выбирая такие места, где они не успели побывать за годы своего изгнания. Мы путешествовали на волшебном судне, которое называется «Игрэйна» и подчиняется только хозяйке Камелота – принцессе или королеве. «Игрэйна» может летать по воздуху или становиться невидимой, но еще раз повторю – *только* по команде леди Камелота. А спустя какое-то время повсюду начали просачиваться слухи о твоей неудачной коронации в Камелоте, а вместе с ними и листовки «Разыскиваются преступники» с портретами Гиневры и Ланселота. Тут уж мне пришлось напрячь всю свою фантазию, чтобы как следует замаскировать их. Впрочем, ты же знаешь, я крупный специалист в этом деле.

– Так они... в безопасности? – с тревогой спросил Тедрос.

– «Игрэйна» стоит на рейде в гавани Камелота, а твоя мать и Ланс спрятаны здесь же, неподалеку, целые и невредимые. Если не считать, конечно, того, что они ужасно скучают по тебе. Честно говоря, Гиневра соскучилась сильнее, чем Ланселот, – добавил волшебник и лукаво подмигнул Тедросу.

– Эх, хорошо бы замаскировать Ланса под девушку, – мечтательно вздохнул Тедрос, вспомнив случай, когда Мерлин его самого превратил на время в девушку по имени Эсса. А сейчас Тедросу вдруг ужасно захотелось какао, и он искренне пожалел, что так опрометчиво выплеснул его за край облака.

«И почему я постоянно сначала сделаю что-нибудь – и только потом начинаю думать?» – подумал Тедрос, пытаясь поймать взгляд Агаты и заговорить с ней, но она делала вид, что в упор его не видит, точно так же, как все последние полгода он сам поступал с ней.

– Мерлин, если вы путешествовали по разным королевствам, то наверняка встречали там наших одноклассников, которые выполняют дипломные задания? – по-прежнему не глядя на Тедроса, обратилась Агата к волшебнику.

– Разумеется, – кивнул Мерлин.

– И они... э... слышали обо мне? – упавшим голосом спросил Тедрос.

– Ну, как тебе сказать... – после небольшой паузы ответил волшебник. – У них у всех вообще-то есть чем заниматься помимо того, чтобы обсуждать, как ты справляешься со своим заданием.

– Да это и не задание вовсе... – начал было Тедрос.

– Каждый студент в конце четвертого курса школы Добра и Зла получает дипломное задание, будь он всегдашник или никогдашник, – поправил его волшебник. – Это задание должно показать, насколько выпускник силен и умен и способен ли он стать легендарным героем, имя которого будут помнить вечно. Просто твои одноклассники отправились выполнять свои задания в разные уголки Бескрайних лесов, а ты – к себе на родину, вот и вся разница.

– Все равно я не считаю это испытанием для себя, – пробормотал Тедрос. – В конце концов, мне от рождения было предназначено стать королем Камелота...

Мерлин посмотрел на него как на слабоумного и покачал головой.

– Может быть, ты и рожден для того, чтобы стать королем, но это еще не значит, что ты *справишься* с такой ролью.

Тедрос ничего не ответил, но на его щеках вспыхнули красные пятна.

– Тедрос, а ты не задумывался над тем, *почему* меч твоего отца застрял в камне? – продолжил Мерлин.

– Ну, вначале я подумал, что он воткнулся под неправильным углом, потом – что, может быть, есть какая-то загадка, шарада или еще там что-нибудь, которую мне нужно разгадать, и меч поддается мне.

– Я рассуждала так же, – вставила Агата.

Тедрос посмотрел на нее, удивляясь, почему Агата раньше ему ничего не сказала, но тут же понял, что сам не давал ей ни единой возможности поговорить с ним.

– А теперь? – спросил Мерлин.

– А теперь... я думаю, что меч все-таки заклинило оттого, что он воткнулся под неправильным углом, – вздохнул Тедрос.

– А что, если посмотреть на все это с точки зрения Экскалибура? – предложил Мерлин.

– Ты думаешь, Экскалибур не хочет, чтобы я его вытащил? – удивленно спросил Тедрос.

– Точнее сказать – не хочет, чтобы ты был королем, – уточнил Мерлин.

– Но я и так король...

– Только потому, что *никто другой* до сих пор не заявил права на трон и не вытащил Экскалибур из камня. Но сделать это вроде бы некому, потому что ты единственный наследник короля Артура. Тогда спросим еще раз: почему тогда Экскалибур не хочет, чтобы ты выдержал испытание, назначенное тебе в завещании твоего отца?

– Откуда я могу знать, что думает этот меч?! – недовольно буркнул Тедрос, скрестив руки на груди.

– Экскалибур – оружие невероятной мощи, Леди Озера выковала его для борьбы со Злом. Этому мечу явно надоело столько времени болтаться без дела, торча над балконом, – сказал Мерлин. – Возможно, Экскалибур все еще не уверен, что ты готов стать королем, и ждет, когда ты докажешь это. В этом случае возникает вопрос: *каким образом* тебе это доказать? – Волшебник снял очки и протер их краем своей лиловой мантии, отчего они стали только мутнее. – Это теория номер один.

– А теория номер два? – спросила Агата.

– В моей теории номер два меч вообще не принимает никаких самостоятельных решений, – пожал плечами Мерлин. – Но есть кто-то, сумевший найти способ управлять Экскалибуром точно так же, как управляет своими марионетками кукловод, дергая их за ниточки. Этот кто-то не хочет, чтобы ты подтвердил свое право быть королем Камелота. Тогда встает новый вопрос: *кто он?*

– Но никого, кто достаточно силен, чтобы управлять Экскалибуром, нет, – возразила Агата, но внезапно замолчала, а затем в ужасе прошептала, медленно поворачиваясь к Тедросу: – Кроме...

– Исключено. Директор школы мертв! – фыркнул Тедрос.

– Несомненно, – согласилась Агата.

– Безусловно, – задумчиво подтвердил Тедрос.

Они переглянулись, а затем в один голос спросили, обернувшись к Мерлину:

– *Верно?*

– Тот же самый вопрос я задаю сам себе, – кивнул волшебник, и в голосе его прозвучала тревожная нотка. – Но ответ на него должен найти Тедрос. Это и есть его испытание. И чем скорее он вытащит из камня меч и закрепит свое право быть королем, тем лучше. Причем не только для Камелота, но и для блага всех Бескрайних лесов.

– Всех Бескрайних лесов? – переспросил Тедрос. – Что ты этим хочешь ска...

– Ты имеешь в виду те происшествия, о которых пишут в газетах, Мерлин? – вклинилась в разговор Агата. – Я читала о трудностях, которые переживают сейчас многие королевства и всегдашников, и никогдашников. Пиратские налеты на Жан-Жоли, отравленный колодец Желаний в Бремене, банда оборотней, грабящих и убивающих людей целыми семьями в Кровавом ручье... Но все эти ужасные события не кажутся связанными между собой.

– Между ними и нет никакой связи, – твердо заявил Тедрос. – Правда, лидеры соседних королевств так не думают, считают, что есть там какая-то связь, но это просто потому, что они сидят и ждут, чтобы Камелот решил все их проблемы, как это делал мой отец. Но у нас сейчас достаточно своей головной боли, так что извините. Однако короли и королевы продолжают присылать мне письма, требуя, чтобы я встретился с ними.

– И ты на эти письма, естественно, не отвечаешь, – заметила Агата. – Я, между прочим, слышала предположение, почему ты не стал расследовать пожар на Стеклойной горе. Об этом шептались горничные.

– А что, все эти нападения как-то связаны между собой? – живо повернулся к волшебнику Тедрос. – Ты сказал, что у наших одноклассников возникли трудности с их дипломными заданиями. Скажи, что вообще творится в Лесах?

– С нашими товарищами все в порядке? – добавила Агата.

– Дорогая моя девочка, ответ на этот вопрос ты знала бы и без меня, если бы отвечала на адресованные письма, – ответил Мерлин. – Включая послания от твоей лучшей подруги.

– Ты не отвечала Софи?! – удивленно посмотрел на Агату Тедрос.

Глаза Агаты наполнились слезами.

– Но *почему*? – продолжил Тедрос. – Я, конечно, только счастлив, что избавился от этой девчонки, – но ты-то почему с ней порвала? Вас всегда столько всего связывало, вы с ней с детства дружили, у вас и сказка общая. Нет, ты не можешь просто вот так взять и обрубить все концы...

– Мне показалось, что она слишком уж озабочена предстоящей свадьбой... а тебя наша свадьба совершенно не волнует, – тяжело вздохнула Агата. – Я много раз собиралась написать ей, но у меня перед глазами тут же вставала одна и та же картинка. Я иду по длинному коридору навстречу парню, с которым я привыкла делиться всем на свете, – а он вдруг делает вид, будто знает меня не знает. Он меня не знает, зато Софи знает меня как облупленную, и она увидит эту картинку между строк. Увидит картинку – и поймет все, что я чувствую... А мне не хотелось, чтобы кто-нибудь об этом узнал...

Она не договорила, закрыла лицо ладонями и начала всхлипывать.

Тедрос посмотрел на Мерлина, сидевшего между ним и его будущей королевой.

– Мерл, ты не будешь против, если я попрошу тебя нас оставить? Мне нужно поговорить с Агатой с глазу на глаз.

– Считаю, что ты ничего не просил, я сам ушел. В конце концов, и волшебникам время от времени нужно ходить в туалет, верно? – хмыкнул Мерлин. – Когда наговоритесь, просто соскочите с облака – и моментально окажетесь там, откуда пришли сюда.

Он подхватил свою дремавшую шляпу и разбудил ее (шляпа немедленно выплонула из себя фонтанчик радужных блесток), соскочил с облака и моментально исчез в темноте.

Тедрос прошелся по шелковистым белым волокнам облака и оказался рядом с Агатой. Она плакала, уткнувшись в ладони. Тедрос с нежностью приобнял ее.

– Я люблю тебя, Агата, – сказал он. – Какие бы глупости я ни натворил, это ничто не изменит.

– Я смогла заставить себя написать только одно письмо, для Эстер, но оно вышло лживым от начала и до конца. Я не хотела, чтобы кто-нибудь узнал, как ты ко мне теперь относишься, – всхлипнула Агата. – Вот почему я не смогла написать еще кому-нибудь, спросить, как у них идут дела с дипломным заданием. Так продолжалось целых шесть месяцев, из-за тебя я с каждым днем чувствовала себя все более одинокой.

– Я не хотел, чтобы ты волновалась из-за меня... – виновато сказал Тедрос.

– Этим ты заставил меня волноваться еще сильнее.

– Говорю тебе, я сглупил.

– Сглупил, – согласилась Агата. – Пень стоеросовый. С глазами.

- Пень, – согласился Тедрос. – А может, еще глупее.
- Глупее, чем злобные зомби Рафала, у которых вообще мозгов не было.
- Не уверен, что готов с этим согласи...
- Это не вопрос!

Тедрос улыбнулся, закатил глаза, как зомби, и в шутку сделал вид, что кусает Агату за шею. Агата хихикнула, оттолкнула его от себя, а потом тут же придвинулась назад и обняла.

– Знаешь, я даже слегка удивлен, что Софи все еще жива, – ведь она продолжает писать тебе письма, – сказал Тедрос. – Честно говоря, я думал, что Доуви давно уже превратила ее в какую-нибудь тыкву.

– Не уверена, что феям-крестным позволено проделывать такие злые штучки, – заметила Агата.

– Но было бы неплохо!

Агата рассмеялась. Как же давно Тедрос не слышал этого чудесного, с легкой хрипотцой смеха! Он еще крепче прижал ее к себе.

– Из писем Софи следует, что Доуви совсем расклеилась, – сказала Агата, – и вообще в панике, потому что Софи сделала Зло таким популярным и модным, что теперь каждый всегдашник-первокурсник мечтает перевестись в школу Зла.

– Думаешь, все может быть еще более серьезно?

– Уверена в одном: Доуви сейчас не до популярности Софи, у нее забот полон рот с нашими одноклассниками, которые терпят бедствие на своих дипломных заданиях. Ты же сам слышал, что сказал Мерлин. Деканы несут ответственность за всех выпускников, которых отправляют на задания, особенно при нынешнем положении дел, когда в школе нет директора.

– А Софи ничего обо всем этом в своих письмах не упоминала? Она ведь тоже декан.

– Не упоминала. И это очень странно, ты не находишь? – сказала Агата. – Что же такого может происходить в Лесах, чтобы Доуви начала паниковать?

– И чтобы Мерлин настолько встревожился, – добавил Тедрос.

– И почему это должно каким-то образом быть связано с тем, что ты никак не можешь вытащить застрявший отцовский меч?

Тедрос отвернулся и нахмурился, чувствуя, как напряглась и сидевшая рядом с ним Агата, поняв, что напрасно она сказала про меч. Разговаривать с ней об Экскалибуре Тедрос не желал, и не только потому, что такой разговор заставил бы его вновь почувствовать себя неудачником, «недокоролем». Еще меньше ему хотелось, чтобы Агата начала жалеть его.

– Знаешь, а я до сих пор все пытаюсь представить, как выглядел бы Ланс, если бы Мерлин превратил его в девушку, – резко сменила тему разговора Агата, пытаясь замять неловкость.

– Мерлин ни за что не превратит его в девушку, – вздохнул Тедрос. – Из Ланса получилась бы такая страхолюдина, какую любой навсегда запомнит с первого взгляда. Нет, такая маскировочка не прошла бы.

– Ты тоже не был красавицей, когда тебя в Эссу превратили!

– А не мне ли вслед на каждом шагу свистели парни, чтобы я обратил на них внимание?

– Это были *неправильные* парни. Из тех, кто любит неуклюжих, грубых и агрессивных девушек. И с волосатыми ногами.

– Ты просто ревнуешь.

– Послушай, если тебе так сильно понравилось быть девушкой, может быть, ты возьмешь на себя подготовку к свадьбе? – подколола его Агата.

– Жаль тебя огорчать, но каждый должен заниматься своим делом, – ответил Тедрос. – Новый король – налаживать управление страной, его принцесса – готовить свадьбу. И чем больше я об этом думаю, тем сильнее убеждаюсь, что старинные традиции – вещь очень даже мудрая и их обязательно нужно соблюдать. Вот смотри, как все правильно получается. Я родился и вырос в Камелоте. Здесь меня знает каждый. Мне нужно лишь доказать, что я смогу

править родным королевством не хуже моего отца. С другой стороны, тебя не знает здесь никто. Таким образом, подготовка к свадьбе – это что-то вроде *твоей* коронации.

– И я очень хочу с честью выдержать это испытание. Не для себя, но ради нас обоих. Хотя я охотнее стала бы помогать тебе, – честно призналась Агата.

– Помогать в чем? – пожал плечами Тедрос. – Будешь вести с другими королевствами переговоры о наших долгах, которые нам еще сотню лет придется выплачивать? Или поможешь мне отыскать золото, которое выкачали из казны правившие до меня советницы? Сумеешь навести в стране порядок, положить конец воровству и разбоям? Поможешь извести нищету?

– Охотно помогу тебе в любом деле, – ответила Агата. – Я же понимаю, в каком ты сейчас сложном положении...

– Нет, не понимаешь, – возразил он. – Ты не знаешь, как это тяжело – видеть, как твое любимое королевство повернулось спиной к Добру!

– Думаешь, намного легче видеть, как поворачивается к тебе спиной твой любимый человек? – спросила Агата.

Тедрос промолчал.

Когда же он наконец поднял на Агату глаза, в них блеснули слезы:

– Ты на самом деле хочешь мне помочь, Агата? Тогда подскажи, как мне вытащить Экскалибур из того проклятого камня. Научи, как мне пройти испытание, которое завещал мне отец! – Он совершенно по-мальчишески шмыгнул носом и продолжил: – Как ты думаешь, почему я избегал тебя в последнее время? Потому что знал, что это произойдет, что я сломаюсь и буду просить твоей помощи. И тем самым признаю, что не смог самостоятельно справиться со своим заданием, что безнадежно провалил свой экзамен на звание короля. Возможно, Мерлин прав. Возможно, меч действительно не хочет, чтобы я стал королем. Ни сейчас. Ни потом.

Агата прильнула щекой к плечу Тедроса и тихо спросила:

– А кто сказал, что хороший король не может принять чью-то помощь, если она ему очень нужна?

От этих слов словно обрушилась защитная стена, которую выстроил внутри себя Тедрос, и долго сдерживаемые чувства бурным потоком хлынули наружу. Теперь Тедрос недоумевал, не мог поверить, что так долго таился от Агаты – единственного близкого ему человека, который *действительно* понимал его!

– Он приходит ко мне во сне, мой отец, – заговорил Тедрос. – Приходит и смотрит на меня так, словно знает, что я провалил свое испытание. Он имеет ко всему этому какое-то отношение, только я никак не могу понять, какое именно.

Агата не слушала – не слышала, – что говорит Тедрос, она думала только о том, чем и как может помочь ему.

– Давай еще раз попробуем во всем разобраться, – сказала она. – Итак, у Мерлина есть две теории. Либо меч хочет, чтобы ты доказал свое право быть королем, либо есть кто-то, кто способен держать меч под своим контролем и при этом не хочет, чтобы ты был королем. В любом случае твои ежедневные попытки вытащить меч не имеют никакого смысла.

– Болтовня на облаке тоже не решит проблем, – сказал Тедрос, выпрямляя спину.

– Ты забываешь о самой важной вещи из всего того, что сказал Мерлин: трещит по швам не только наше с тобой испытание. Весь наш класс терпит бедствие на дипломных заданиях.

– И это связано со странными нападениями, которые начались по всем Бескрайним лесам, – кивнул Тедрос. – Так ты считаешь, что тот, кто не дает *нам* справиться с заданием, мешает и нашим одноклассникам?

– Возможно, две теории Мерлина – это на самом деле *одна* общая теория, – продолжала Агата. – Король Камелота считается защитником всех Лесов. Если приключается какая-то беда, он – то есть *ты* – должен идти и во всем разобраться. Выяснить, что – или кто –

нарушает покой в Лесах. Возможно, только после этого ты сможешь вытащить Экскалибур из камня. Возможно, это и есть твое *настоящее* испытание.

Огоньки в глазах Тедроса радостно вспыхнули, но тут же погасли:

– Агата, король не может в такой момент покинуть свою страну, свой народ и отправиться на поиски в Леса. Ты же знаешь, какое шаткое у меня положение. Ведь неизвестно, как долго меня не будет и что здесь случится за время моего отсутствия. Вспомни, во что превратился Камелот, пока я был в школе. Хаос, полнейший развал. Мое правление началось не лучшим образом, но если в Лесах со мной случится что-то плохое, то власть в Камелоте снова попадет не в те руки. И на этот раз, быть может, навсегда. Нет, – покачал он головой, – не могу я уехать.

– Зато я могу, – спокойно сказала Агата.

– Агата, я просил тебя *помочь*, а не проходить испытание *вместо* меня, – раздраженно сказал Тедрос. – Ты же слышала, что сказал Мерлин. Это не твое задание, а мое.

– А мое задание – быть твоей королевой. Для королевы важнее помочь королю закрепиться на троне, чем выбирать глазурь для свадебного торта. Все, что мне нужно для того, чтобы отправиться в путешествие, – это несколько надежных, преданных рыцарей. А сюда в любой момент может возвратиться Чеддик с новой командой для твоего Круглого стола...

– Он уже несколько недель не отвечает на мои письма... – начал Тедрос, но затем выражение его лица резко изменилось, и он добавил: – Как ты думаешь, с ним и его заданием тоже могло случиться что-нибудь нехорошее?

– Не знаю, но это еще один аргумент в пользу того, что мне нужно отправиться в путь, не откладывая, – ответила Агата. – Я должна выяснить, что мешает и всегдашникам, и никогдашникам успешно выполнить свои задания. Так что ты не прав, Тедрос, это и мое испытание тоже. И ты больше не будешь одинок.

В темно-карих глазах Агаты Тедрос увидел такую непреклонную решимость, что понял: если даже он и не отпустит ее, она все равно сделает по-своему и отправится в Леса.

– Я не должен был впутывать тебя во все это, – пробормотал он.

– Но мы же вскоре собираемся пожениться, Тедрос, – напомнила ему Агата. – Так что я просто обязана быть в курсе всех твоих дел.

Он помолчал, потом спросил, начиная уступать:

– И как долго тебя не будет?

– Несколько недель. Я каждый вечер буду писать тебе по письму.

– Несколько недель в Лесах... *одна*?!

– Зато снова увижусь со всеми нашими друзьями, – возразила Агата. – А самое главное – улизну от леди Гримлейн.

Тедрос невольно улыбнулся: он не мог спорить с таким доводом.

– И все-таки это очень опасно.

– Я выстояла против *Арика*. Значит, теперь где угодно выжить смогу.

Тедрос поморщился, услышав имя сына леди Лессо, негодяя и садиста.

– Вести поиски в Лесах в одиночку равносильно тому, чтобы подписать себе смертный приговор, Агата, – все еще не сдавался Тедрос.

– Ничего, возьму с собой кого-нибудь. Например... Уильяма.

– *Уильяма*?! Этого мальчишку-алтарника?! Он даже в глаза-то мне взглянуть не решается, а уж чтобы драться...

– Когда это у тебя появилась привычка заглядывать в глаза алтарникам?

– Нет, ну, я хотел сказать...

– Все, вопрос решен. Я уезжаю сегодня вечером, – объявила Агата. – И думаю, что именно этого Мерлин хотел от меня с самого начала, потому что совершенно ясно подсказал, каким образом я могу незаметно для всех покинуть замок...

Совершенно растерявшийся, Тедрос принялся было расспрашивать Агату, что это была за подсказка, но она отвечать не стала, а вместо этого добавила:

– Остается только решить, кто теперь возьмет на себя подготовку к свадьбе. – И она с надеждой посмотрела на Тедроса.

– Ты что, шутишь?! – замахал он на нее руками. – У меня и без этого дел по горло, спасибо!

– Я могу нанять кого-нибудь.

– На какие деньги?

– Найму того, кто сделает это бесплатно. Из бескорыстной любви к нашему королевству.

– Но этот бессребреник должен еще и обладать хорошим вкусом, должен быть так же сильно заинтересован в этой свадьбе, как ты и я, знать все тонкости придворного этикета, быть готовым вкалывать с утра до ночи... и все это *бесплатно*? – скептически спросил Тедрос.

– Да, все верно.

– Так ты такого дура... прости, *человека* еще полгода искать будешь, Агата. Если вообще сможешь когда-нибудь найти.

– Думаю, ты ошибаешься.

– У тебя что, уже есть кто-нибудь на примете? – удивленно склонил голову набок Тедрос.

– Скажи, ты мне веришь? – хитро блеснула глазами Агата.

– Что за вопрос! Ты прекрасно знаешь, что да.

– И согласишься принять мой выбор?

– Само собой. Ты же без пяти минут королева.

– Тогда обещай, что не станешь возражать.

– Обещаю, конечно, но...

– Отлично, – сказала Агата, уютно сворачиваясь калачиком у него на коленях. – В таком случае, именно ее я и навещу первым делом, как только отправлюсь в Леса.

Глядя на Агату, Тедрос задумался:

– Навестишь *ее*... Первым делом... И кто же это может быть?

И тут он все понял – и задохнулся от неожиданности.

– ТЫ ЧТО, С УМА СОШЛА?

– Ты сам говорил, что мы не можем просто так взять и обрубить с ней все концы, – пропела Агата, скользя своими ладонями по груди Тедроса.

– Не *мы*! Ты! – взревел Тедрос. – Думаешь, я позволю *ей* заниматься подготовкой *нашей* с тобой свадьбы?! Да лучше я... да лучше я стекло буду грызть... и расплавленной лавой запивать! Нет, нет и еще раз *нет*!

Но Агата уже обхватила ладонями его щеки и поцеловала, и это было так неожиданно, что Тедрос вдруг потерял способность вообще думать о чем-нибудь... кроме как о нежных мягких губах своей прекрасной невесты, своей будущей королевы...

– Я люблю тебя, Тедрос, – прошептала она.

– И я... я тоже тебя люблю... но... *нет*.

– А как же быть с обещанием, которое дал мне сам король? – спросила Агата, хитро, по-кошачьи улыбаясь.

– Обещание не считается, потому что ты меня надула!

– И то, что ты мне веришь, тогда тоже не считается, правильно я понимаю? – пристально посмотрела она на Тедроса.

Какое-то время Тедрос беззвучно хватал ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба, и наконец окончательно признал свое поражение.

– Но... но... – только и смог вымолвить он.

Потом он вздохнул и снова поцеловал Агату, крепче и дольше – только чтобы не думать, не вспоминать о том, с чем сейчас согласился. Поцелуй тянулся до тех пор, пока у обоих не

закончился воздух в легких, и тогда Агата откинулась назад, а в следующую секунду, не выпуская из своей руки ладонь Тедроса, соскользнула за край облака. Уже летя в пустоте, они вновь обнялись и принялись целоваться, напоминая несущуюся сквозь облака странную двойную звезду.

7

Чеддик. Подданный и госпожа

Его дважды ранили в спину и один раз в бок, но он все еще был жив.

Укрывшись за белой стеной, Чеддик пытался уловить передвижение напавшего на него противника, но слышал только слабый шум бьющихся о берег волн. Кровь из ран пропитала рубашку и капала ему на колени. Впрочем, боли он не чувствовал, только кружилась голова и бил озноб.

Все произошло стремительно и неожиданно.

Всего пять минут назад он ехал верхом на своем коне по заснеженному берегу Авалона, отыскивая вход в замок Леди Озера. Незадолго до этого Чеддик купил у какого-то носатого бородача карту острова, но она оказалась бесполезной, по ней можно было целый год кружить на месте и никуда не доехать. В результате Чеддик сам нашел то, что искал – высокие, как башни, створки железных ворот, охраняемые сидящими по бокам от них каменными львами.

Чеддик вовсе не рассчитывал, что эти заиндевевшие ворота откроются перед ним, он знал, что в них могут войти только Мерлин и король Камелота, и больше никто. А если бы и нашелся безумец, попытавшийся проникнуть за ворота, его тут же прикончили бы притаившиеся в тени стен замка каменные львы.

Нет, Чеддик не был самоубийцей и не собирался проникать сквозь ворота. Долгий путь сюда через Бескрайние леса он проделал только для того, чтобы взглянуть на эти ворота и своими глазами убедиться, что они по-прежнему надежно заперты. Что никто не проломил себе дорогу во владения Леди Озера. Что все его опасения беспочвенны.

Но приблизившись к воротам, Чеддик понял, что не зря он так волновался, и его опасения не были напрасными.

Ворота были не заперты.

Одна створка свободно болталась на своих петлях, вторая же вообще была разодрана на куски.

Интересно, кто мог так разодрать железо?

Чеддик взглянул на каменных львов – сидящих на месте, укрытых высокой снежной шапкой. Чтобы наместить такую снежную шапку, требуется минимум пара недель. Выходит, что если кто-то сломал ворота *недавно*, он сделал это *беспрепятственно*. Другими словами, каменные львы даже не пошевелились, чтобы помешать ему. Странно.

Почему львы пропустили незваного гостя внутрь?

Чеддик подобрал обломок железных ворот, глубоко воткнул его в снег, привязал к нему своего коня, а затем, осторожно пройдя между львами, миновал открытые ворота и оказался на площади перед замком. Остановился, осматриваясь по сторонам...

Противник напал на него сзади.

Чеддик попытался развернуться, но тот одной рукой прижал его щеку к каменной стене, а другой уперся юноше в спину. Чеддик не раз участвовал в учебных борцовских схватках против Тедроса. Уж на что сильным был нынешний король Камелота, а все-таки напавший на Чеддика незнакомец был сильней.

– Кто... ты? – хрипло спросил Чеддик.

Нападавший не ответил, просто дышал с присвистом ему в ухо.

Затем противник с чудовищным спокойствием вытащил из ножен меч Чеддика и ударил им юношу в спину. Чеддик вскрикнул от боли. Незнакомец ударил мечом еще раз, а Чеддик, повинаясь врожденному инстинкту самосохранения, наугад пнул ногой назад. Попал удачно – противник отпрянул и выпустил Чеддика. Юноша припустил по пустынному заснеженному двору и заметался среди башен в поисках укрытия.

Все эти события уложились в какие-то пять минут, и вот сейчас Чеддик стоял, привалившись к стене, и прислушивался к далекому рокоту волн. Вся его рубашка стала алой, и он подумал, что надолго его не хватит – слишком много крови он уже потерял и продолжает терять с каждой секундой.

Чеддик насторожился.

Шаги.

Приближаются со стороны площади.

Хрун, хрун, хрун по снегу.

Шаги остановились.

Чеддик затаил дыхание.

Обвел прищуренным взглядом стоящие вокруг него стройные башни – белые, заснеженные, потому что на острове Авалон круглый год зима. В башнях не было ни окон, ни дверей – внутрь не попасть, поэтому Чеддику оставалось лишь перебегать от одной стены к другой, словно затравленный охотничьими собаками олень.

Впереди он заметил лестницу, она зигзагами спускалась от башен вниз по крутому склону к темному гладкому зеркалу спокойного озера.

Чеддик понял, что должен добраться до воды.

Леди Озера спрячет его.

Спрячет точно так же, как укрыла когда-то Гиневиру и Ланселота.

Так, значит, бежать?

Но при этом он окажется на открытом пространстве и противник увидит его. Ступени лестницы скользкие от снега и наледи. Окровавленная рубашка на фоне белого снега будет полыхать как маяк. И в довершение ко всему у него больше нет меча.

Чеддик сорвал с себя рубашку. Попытался стереть с себя кровь, дрожа на холодном ветру. Кровь на боку остановить не удалось. Что происходило с ранами на спине, Чеддик не видел, но, наверное, там все обстояло точно так же. Шок начинал проходить, на смену онемению по всему телу растекалась боль. Дрожащими руками Чеддик наскреб снега, попробовал приложить его к ранам. Не помогло. Боль от этого, кажется, стала еще сильнее, мешала дышать, мешала думать...

Хрун, хрун, хрун.

Убийца приближался.

Чеддик, не раздумывая, выскочил из своего укрытия, метнулся к соседней башне, укрылся за ней.

Несколько секунд стояла мертвая тишина.

Затем ее нарушил негромкий свистящий смешок, а затем снова:

хруп, хруп, хруп.

На глазах Чеддика выступили слезы.

Две недели назад он послал с вороной письмо декану Доуви. Написал обо всех странных вещах, которые ему довелось заметить в Лесах. О нападениях на королевства всегдашников и никогдашников... о мятежах, о распространяющейся повсюду смуте... о неудачах, которые терпят его одноклассники, пытающиеся выполнить дипломные задания...

Творилось что-то странное.

Заданием Чеддика было собрать рыцарей для Камелота. Сам Чеддик стал подданным Тедроса и его рыцарем. Он решил, что если ему удастся разузнать, что же происходит в Лесах, то, возможно, станет понятно и то, почему меч Тедроса до сих пор торчит в камне. А поняв это, можно будет помочь Тедросу вытащить Экскалибур и таким образом утвердить право на корону Камелота. За это Тедрос будет очень благодарен ему, и это станет первым шагом Чеддика к тому, чтобы стать легендарным рыцарем, таким же близким и ценным для Тедроса, каким был в свое время Ланселот для Артура... Ну, во всяком случае до того, как между ними встала женщина.

Между Чеддиком и Тедросом женщина не стоит, и стоять не может, а это значит, что он будет *лучше*, чем Ланселот.

Тогда планы Чеддика нарушила декан Доуви. Она связалась с ним через свой хрустальный шар.

– Я получила твоё сообщение, Чеддик. По моей карте я вижу, что ты уже отклонился от выполнения своего задания. Не спросив у меня разрешения на это и не получив его, – сказала она, паря перед Чеддиком внутри прозрачного, похожего на громадный мыльный пузырь шара. – Возвращайся к своему заданию. Ты понял меня? Выполняй своё задание. А все остальное предоставь мне и Мерлину.

Чеддик не послушал ее, не вернулся к выполнению своего дипломного задания. В конце концов, Доуви всего лишь декан, а он, Чеддик, рыцарь. А для рыцаря важнее всего преданность своему королю. Вот почему последние две недели Чеддик провел в Лесах, исследуя происходящие там события. И он многое понял.

Все было взаимосвязано.

Застрявший меч Тедроса.

Проваленные друзьями Чеддика испытания.

Странные нападения.

Все это случилось в результате действий какого-то нового, появившегося в Лесах злодея, более могущественного, чем сам Директор школы. Самого могущественного волшебника из тех, кого когда-либо видел свет.

И каждое новое нападение было лишь частью его обширного плана.

Чеддик понял и главную суть этого плана.

Уничтожить Камелот и его короля.

Разобраться и с Добром, и со Злом.

Стать единоличным владыкой и правителем всех Бескрайних лесов.

Шаги, которые слышал Чеддик, приближались.

Он выслеживал этого злодея на всем пути до Авалона.

Надеялся победить его в одиночку, как и подобает настоящему рыцарю.

Но он не знал, что злодей, в свою очередь, выслеживает его самого.

Чеддик вытер мокрые от слез глаза. Нет, он не даст зарезать себя, словно курицу. Он нужен своим друзьям, и он будет драться за свою жизнь – не только ради себя, но и ради них тоже.

Чеддик сосредоточился на охватившем его страхе... на своей преданности Тедросу... на любви к своим знакомым всегдашникам и никогдашникам...

Кончик его указательного пальца загорелся серебристым светом.

Пора.

Он выскочил из своего укрытия навстречу противнику, не глядя, навскидку выпалил в него парализующим заклятием и, ни секунды не медля, бросился к лестнице, которая начиналась примерно в десяти метрах от него. Он буквально кубарем скатился вниз по обледеневшим ступеням, рискуя на каждом повороте сломать себе шею, но не останавливался, потому что слышал за спиной негромкий свистящий смех своего противника и его неторопливые шаги на лестнице...

Судорожно всхлипывая, окрашивая снег кровью, Чеддик стремился вниз, повторяя про себя: *«Озеро... Я должен добраться до озера...»*

Он скатился с последней ступени, подошел, прихрамывая, по ледяному грязевому месиву к самой кромке воды.

– Мне нужна Леди Озера! – хрипло прокричал он, роняя капли крови.

Ровная серая поверхность озера не шелохнулась.

Чеддик оглянулся назад, увидел размытую, неторопливо спускающуюся по лестнице тень.

– Я рыцарь Камелота! – снова крикнул он, вновь повернувшись лицом к воде.

На этот раз озеро откликнулось. Налетел, закружил вихрь, закипела вода, над поверхностью озера поднялась пенная шапка и начала принимать очертания человеческой фигуры...

Еще секунда – и над водой поплыла призрачная, полупрозрачная нимфа с серебряными волосами, в развевающихся белых одеждах, с бледной кожей и длинным носом. На Чеддика пристально уставилась пара огромных, черных как ночь глаз.

Облегченно улынувшись, Чеддик бросился к воде, но едва коснулся ее ногой, как был отброшен назад какой-то неведомой силой.

При этом выражение лица Леди Озера совершенно не изменилось.

– Чего вы ждете, Леди! – крикнул Чеддик. – Вы должны защитить меня!

– Я защищаю только тех, кто целиком и полностью предан Камелоту, – ровным, лишенным интонаций голосом ответила Леди Озера.

– Я предан, предан! Я рыцарь из свиты короля!

Он снова подобрался к воде.

Озеро вновь оттолкнуло его.

– Как?! – оторопело ахнул он. – Почему вы так со мной?!

Но Леди Озера уже не смотрела на Чеддика, она смотрела *мимо* него.

Он медленно обернулся и увидел сходящего с нижней ступени лестницы противника. Тот был одет во все черное, лицо его закрывала чешуйчатая зеленая маска. В руке незнакомец держал меч Чеддика, обогранный его же, Чеддика, кровью.

Чеддик упал на колени и воскликнул, протягивая навстречу нимфе широко раскрытые, поднятые вверх руки:

– Неужели вы не видите?! Он же собирается убить меня! Помогите! Прошу вас!

Нимфа не помогла ему, но вместо этого сделала нечто такое, отчего у Чеддика помутилось в голове.

Она взглянула в глаза убийце в зеленой маске...

...и улыбнулась.

8

Софи. Одно задание для спасения всех

– Где торт, Богден?! Где мешочки с подарками?! Где *букет*?! – бранилась Софи, летя в сторону зала Зла в платье из белой тафты, хрустальной диадеме и узконосых серебряных туфлях на шпильках.

– Вам что, все эти вещи будут необходимы на школьном танцевальном вечере? – спросил Богден, спеша следом за Софи и придерживая руками длинный шлейф ее платья.

– Тедрос во время своей коронации пренебрег подобными вещами – и посмотри, в какую лужу он сейчас сел. Ты знаешь, из-за чего чаще всего гибнут королевства? Из-за неумения их правителей устраивать *приемы*! – возбужденно пояснила Софи и добавила: – Сколько еще осталось до открытия дверей?

– Пять минут. Ответственная за проведение вечера группа уже заканчивает оформлять зал, и...

– Так почему я не слышу музыки? Почему в воздухе не пахнет канapé со свежими огурцами и укропным маслом?

Богден посмотрел на нее и растерянно пожал плечами.

– Когда мы обсуждали этот вечер, я же велела тебе все записывать! – напустилась на него Софи. – Ничего удивительного, что ты провалил подряд все свои контрольные в классе!

– Декан Софи, я приходил к вам, пять часов стучал под дверь вашей ванной комнаты, хотел как раз уточнить, задать ряд вопросов...

– Можно подумать, что у меня вагон свободного времени! Сначала та неуклюжая девчонка из Гавальдона, которая мне всю классную комнату разворотила, теперь еще ты со своими дурацкими вопросами! Ох, и зачем только я вообще согласилась принимать Читателей в свою школу! – простонала Софи. – Сегодня такой важный день! Сегодня впервые декан устраивает вечер танцев в школе Зла, и впервые на него приглашены всегдашники. Они придут – и впервые увидят наш замок во всем его великолепии, и Кларисса Доуви тоже все увидит своими глазами и поймет наконец, что нам не нужен никакой новый Директор школы, когда есть я, декан, которого поддерживает большинство студентов, включая всегдашников. Я и корре-

спондента из «*Королевской чепухи*» пригласила – на случай, если их газета захочет написать о девушке, в которую когда-то был пылко влюблен Тедрос. А потом они расстались, но эта девушка не пропала, а, напротив, сама добилась полного успеха и признания, в отличие от ее бывшего принца, ставшего теперь «недокоролем» и всеобщим посмешищем.

Она распахнула двери бального зала школы Зла – и... ахнула.

Зал был тускло освещен двумя мигающими фонарями, и в их свете гордо улыбающиеся организаторы вечера занимались последними приготовлениями к нему: развешивали мишуру и поправляли криво стоящую на сколоченном из грубых неотесанных досок столике чашу для пунша, возле которой на шербатых блюдцах лежало угощение – небрежно нарезанные куски старого засохшего сыра. В центре зала, прямо под шербатым зеркальным шаром, на статуе Софи примостились две летучие мыши.

Они то и дело пытались стащить со стола кусок сыра, а когда их отгоняли, обиженно возвращались на место и принимались охотиться на мотыльков, во множестве привлеченных слабыми пульсирующими огнями фонарей. От стены до стены был криво подвешен баннер с надписью «ДЕКАН СОФИ ПРИГЛАШАЕТ...». Продолжения надписи не было видно, ее скрывала складка на баннере. И вообще, последняя буква была написана так небрежно, что сразу и не поймешь, «н» это или «к». А может быть, «и». Под баннером на полу развалился волк, у которого громко бурчало в животе. Это бурчание он заглушал тем, что наяживал на скрипке похоронный марш. Заметим, что голодного бурчания скрипка все равно не заглушала. Софи схватилась за горло.

– Это же убожество! Где Хорт? Хорт где, я спрашиваю?! – спрашивала Софи, повернувшись к Богдену.

– Э... профессор Хорт сказал, что если он не может быть с вами в паре, то он лучше вообще не придет.

– Что он сказал, этот хореk?! – сжала кулаки Софи.

В окна она видела огоньки фейри, которые вели на вечер всегдашников. Они уже вышли из своего стеклянного замка Добра и приближались к Мосту-на-Полпути.

– Я доверила вам такое важное дело, – вскипела Софи, обращаясь к никогдашникам, отвечавшим за подготовку вечера, – а вы все угробили, идиоты! Да, правильно говорят: *если хочешь, чтобы получилось как надо, делай все сама!*

И, отложив на время показательную казнь членов группы по организации вечера и приему гостей, Софи немедленно начала разруливать ситуацию и отдавать приказы:

– Фатима, мигом притащи с кухни волшебный горшок! Барнаби, возьми у профессора Мэнли пакет ящеричных язычков и флакон кошачьих слез. Если он заупрямится и не захочет давать – укради! Бегом! Владимир, где твоя гниль-рок-группа?

– Та, которую вы разогнали, потому что мы однажды нарушили ваш божественный сон? – уточнил Владимир, моргая глазами из-под сросшихся густых бровей.

– Да-да, она. Сегодня я разрешаю вам выступить... Но только *сегодня!* Тащите сюда свои гитары. – В следующую секунду она уже смотрела в другую сторону, продолжая командовать быстро и четко, словно капитан на терпящем бедствие судне: – Рекс, открой все окна! Бхарти, принеси из кабинета профессора Шикса ее сборник заклинаний. Пароль, чтобы демон-охранник открыл дверь кабинета, – «*Ути-пути королева*». Кто-нибудь, передайте профессору Хорту, что, если он не появится здесь в течение десяти секунд, я расскажу всей школе, что их преподаватель истории спит в обнимку с плюшевой черепахой!

Кончик указательного пальца Софи загорелся розовым светом, и она навела его на зеркальный шар. Утраченные кусочки зеркал моментально вернулись на место, а сам шар вспыхнул ярко-красным светом, на миг ослепив всех, кто находился в зале.

Спустя четыре с половиной минуты Софи сидела на плечах у гигантского волка-оборотня, в которого мोगрифицировал Хорт, и весело приветствовала входящих в зал всегдаш-

ников и никогдашников, сразу начинавших восторженно осматриваться по сторонам. Возвышавшийся над всеми двухметровый Хорт старательно рычал и бил себя в волосатую грудь, приветствуя каждого нового гостя. Ну, а сам бальный зал магическим образом преобразился так, что его теперь было и не узнать. Загорелись красные и золотые огни, образуя на потолке надпись «НОЧЬ ТЫСЯЧИ СОФИ». По стенам побежали алые тени, разыгрывая сценки из сказки о Софи. Иногда тени останавливались и прямо из стены протягивали руки, пугая и заставляя нервно хохотать проходящих мимо них гостей. В одном углу зала толпились всегдашники и никогдашники, наполняя свои стаканы из бьющего здесь фонтана с газировкой. Хрустальные стаканы, точнее было бы сказать – *кубки*, стояли здесь же, на полированных столах, и этих двухсот кубков должно было хватить на всех. Фонтан был непростой, как и все в этом зале. Шипучая, искрящаяся газировка в нем каждую минуту меняла свой цвет и вкус. Зеленая яблочная – золотистая медовая – красная малиновая – голубая зимняя мята. А неподалеку стояли другие столы, с подносами, на которых лежали закуски и сладости – креветки с соусом васаби, пряное печенье, открытый пирог с хурмой, хрустящие огурчики, ветчинные рулетики с грибами, печеная картошка, копченая лососина на шпажках, поджаренный на чесночном масле хлеб с маслинами, пирожные с ванильным кремом... Но самым удивительным было то, что сколько бы закусок гости ни брали, подносы постоянно оставались полными. Очень много гостей собралось также в центре зала, возле статуи Софи – здесь грохотала гниль-рок-группа Владимира, а на большом барабане, как это принято, было написано ее название: «ВЛАДИМИР И ЧУМА». Фейри посыпали музыкантов своей волшебной пылью, которая позволяла им парить в воздухе над толпой. (Некоторые самые бесстрашные никогдашники собирали упавшую на пол волшебную пыльцу, клали ее себе под язык – и, с гиканьем взлетев в воздух, носились над всем танцевальным залом под восторженный визг девчонок.)

– Обратил внимание, как почти все они одеты? – прищипривала Софи оборотня Хорта, сидя у него на плечах.

Действительно, многие не только никогдашники, но и всегдашники нарядились сегодня в маскарадные костюмы, сделанные по мотивам иллюстраций в ставшей знаменитой «Сказке о Софи и Агате». Кто-то пришел в Софи-кимоно, с выкрашенными в ярко-красный цвет волосами и с «восточным» макияжем. Кто-то нарядился Софи-куколкой в черном кружевном мини-платьице и с розовым леденцом во рту. Много и других, разных Софи можно было увидеть на этом вечере – в розовых платьях, белых платьях, зеленых платьях. Было несколько Софи-ведьм в «лысых» париках и с наклеенными по всему лицу бородавками. И парочка Софи – злых королев, затянутых с ног до головы в черную кожу, с плащами из змеиной кожи на плечах. И Софи-бунтарь в черном платье с невероятным вырезом на спине и вышитой красными блестками на груди надписью «S – значит Супер!» тоже была, и даже ходили где-то в толпе несколько Софи-Филипов.

Кое-кто из мальчиков тоже решил выделиться, поэтому на вечере присутствовало не менее десятка Тедросов – все как на подбор в его «фирменных» кремовых бриджах и ярко-голубой кружевной рубашке (именно так, если верить сказке, он был одет на своем первом балу всегдашников). Еще несколько «Тедросов» пришли в свободных рубашках цвета слоновой кости и черных брюках, напоминавших о ночном свидании Тедроса и Софи в пещере на острове Авалон. А два высоких, хорошо сложенных никогдашника позволили себе появиться на балу в очень тугих облегающих шортах и без рубашек.

– Хорт, дорогой, а это не ты ли, случаем? – спросила Софи, указывая на тощего мальчишку с личиком то ли кролика, то ли крысы, одетого в самодельную, разрисованную лягушками пижаму, который, кстати, только что опрокинул свой кубок с лимонадом на проходившую мимо него девушку.

– Пижамы не похожа, – мрачно прорычал оборотень Хорт.

– Перестань. Ну что ты дуешься?! Посмотри лучше, как всем весело, как всем хорошо. Причем одинаково и всегдашникам, и никогдашникам. Я их уже и отличить не могу друг от друга, – сказала Софи, наблюдая за своими радостно смеющимися возбужденными гостями. – Даже учителя успокоились и не ищут больше повода прикрыть нашу вечеринку.

И правда, профессор Мэнли и профессор Шикс стояли возле фонтана и развлекались тем, что зажигали язычки холодного пламени в каждом кубке, за который брался возжелавший газировки всегдашник. Разумеется, всегдашник вздрагивал от неожиданности, и тогда оба профессора начинали трястись от смеха, подталкивая друг друга локтями. Чуть поодаль лихо отплясывали, крутя бедрами, Кастор и профессор Анемон. Вокруг собрались в кружок студенты и громко подбадривали своих преподавателей.

– Послушай, я больше не могу. Мне жарко, волосы лезут в рот, я хочу есть, наконец, – пожаловался Хорт. Из его пасти обильно текла слюна. – Того и гляди, в любой момент превращусь обратно в человека. И окажусь тут перед всеми совершенно голый.

– Потерпи, тебе нельзя *сейчас* превращаться. Мальчики из сорок шестой комнаты почти уже здесь! – ответила Софи, глядя, прищурившись, в окно на группу пересекающих мост всегдашников. – Я знала, что и Бодхи, и Лейтан, и остальные из этого прелестного маленького клана обязательно придут, хотя они и не ответили письменно на мое приглашение. Красивые мальчики никогда не отвечают на приглашения письменно, они просто приходят... или *не* приходят. Считают, что их появление и без того сказочный подарок для всех. Как весенний день посреди зимы.

– Что? Кто такой этот Бодхи? Кто такой Лейтан? – сердито проворчал Хорт. – И откуда ты знаешь имена этих всегдашников?

– Не говори глупостей! В нашей школе все знают мальчиков из башни Чести, комната сорок шесть. Между прочим, я уверена, что ты способен оставаться оборотнем столько, сколько пожелаешь. Это на первом курсе ты мог мोगрифицировать всего на пять секунд. Теперь хоть всю ночь можешь пробыть волком, и с тобой ничего не случится.

– Я не стану терпеть всю ночь ради пары-тройки каких-то смазливых всегдашников! – огрызнулся Хорт.

– Не будь таким занудой, дорогой, – шепнула в ответ Софи. – Я шесть месяцев мучилась от постоянных мыслей об Агате и Тедросе. Все думала, как они там, в Камелоте. Да, я помню, что не раз говорила, будто вовсе и не вспоминаю про них, – но мы же с тобой оба прекрасно знаем, что это была ложь. На самом деле мне было невыносимо представить, что они могут быть счастливы без меня. Даже после ужасного провала своей коронации?! Но сегодня я впервые *на самом деле* ни разу не вспомнила о них за целый вечер. А отсюда вывод: если Агата не хочет, чтобы я занималась подготовкой *ее* свадьбы, я буду устраивать *свои* праздники. И они будут самыми лучшими.

Она улыбнулась, глядя, как бегают по потолку разноцветные огоньки, складываясь в ее портрет. Всегдашники и никогдашники дружно взвыли от восторга. Внесли громадный торт в форме буквы «S», покрытый ярко-красной глазурью. Торт был обложен снизу имбирными булочками, на каждой из которых красовалась сделанная белой глазурью надпись: «S – это Счастье», «S – это Солнышко», «S – это Софи»... Какой-то прыщавый кривоzubый никогдашник взобрался на статую Софи и торжественно поцеловал ее, но Софи не обратила на эту выходку никакого внимания, с наслаждением прислушиваясь к тому, как дружно скандируют собравшиеся в зале всегдашники и никогдашники:

– СОФИ! СОФИ!! СОФИ!!!

– Если уж на то пошло, теперь между мной и Агги осталось не так-то много общего, – добавила Софи, помахивая ручкой беснующейся толпе. – У нее теперь своя жизнь, вскоре она выйдет замуж за Тедроса и у них будет своя семья. А у меня своя жизнь – без брака, без семьи, без свиданий, но зато она наполнена возможностями...

– Я думал, вы с ним встречались, – сказал Хорт.

– Посмотри лучше на моих вишеночек. Пальчики оближешь, верно? – оборвала его Софи, кивнув на маленькую стайку первокурсниц-никогдашниц в новенькой кожаной униформе, которые оживленно болтали о чем-то с невзрачным коротышкой-всегдашником. – Всю неделю учила их, как нужно изображать высокомерие и уверенность в себе. Ну, что скажешь? По возрасту они как раз для тебя. Нравится тебе какая-нибудь из них? Глаз еще не положил?

– Что положил? Ты что, с ума сошла?! – рассердился Хорт. – Во-первых, они сопливые первокурсницы, а во-вторых, это мои ученицы...

– Опустит меня, Хорт!

– Что?

– Вниз, Хорт! Опустит меня!

Хорт поспешно опустил ее на пол, и Софи немедленно поспешила к новым, только что вошедшим в зал всегдашникам.

– Бодхи, дорогой, добро пожаловать в мою школу, – улыбнулась она, протягивая руку высокому, стройному парню в костюме цвета морской волны, со смуглой кожей и огромными черными, как маслины, глазами. Он бережно принял руку Софи и нежно ее поцеловал.

– О, добрый вечер, Лейтан! Прекрасно выглядишь сегодня! – обратилась она ко второму парню, коренастому, мускулистому, с темно-каштановыми волосами и густо покрытым веснушками лицом. Лейтан игриво улыбнулся и чмокнул Софи в щеку.

– Что ж, если у вас так принято здороваться, тогда здравствуйте все! – пропела Софи, щедро подставляя свои щеки для поцелуя остальным парням из прибывшей компании всегдашников: гибкому Акиро с серебристыми волосами, кудрявому брюнету по имени Валентин, загадочному, похожему на привидение Девану... – Оставь за мной один танец! – шептала она каждому из них.

– *Танец!* – ревниво проворчал ей на ухо Хорт. – Не забывай, ты же декан, а не платная партнерша из танцевального клуба «Свинья и Перец»!

– Я прошерстила весь «Путеводитель всегдашника / никогдашника», и там ничего не сказано о том, что декану запрещается танцевать. И, между прочим, кое-кто из присутствующих здесь парней выглядит намного старше меня, – возразила Софи, поворачиваясь к следующему парню.

Только это оказался вовсе не парень.

Это была декан Доуви.

И она была не одна.

Шурша своим платьем, неизменно зеленого цвета, декан Доуви прошла в зал мимо Софи с таким видом, будто это была *ее* школа, а Софи в ней – непрошеной гостьей. Следом за седовласой профессором Доуви цепочкой вошли три ведьмы, и каждая на секунду остановилась перед Софи, чтобы пристально взглянуть ей в глаза.

– Парни-всегдашники в нашем замке? – удивилась ведьма с татуировкой.

– Парни-всегдашники в нашей школе, – согласилась ведьма-альбиноска.

– А я говорила, я говорила, – нравоучительно заметила ведьма-пышка, а потом превратила диадему Софи в шоколад, схватила ее и с наслаждением проглотила в один миг.

– Так вы мне солгали?! – ахнула Софи, глядя на Карту Квестов Клариссы, висящую в воздухе над песчаным пляжем берега Зла Озера-на-Полпути. Имена всех одноклассников Софи над их движущимися фигурками были окрашены в тревожный красный цвет, а не в спокойный синий, как на ее карте. – Но я имею право знать обо всем! Я же декан! Я ровня вам! А вы... Вы даете мне фальшивую карту... заставляете меня думать, что все мои друзья с успехом проходят свои испытания... скрываете от меня тот факт, что на самом деле они терпят бедствие!..

– Друзья – понятие растяжимое, – негромко хмыкнула Эстер.

– А ты, Софи, такая же ровня декану Доуви, как Дот – мне, – добавила Анадиль.

– Посмотрим, кто кому ровня, когда я превращу твоих крыс в стряпню, – не отставала Дот.

– Тише, тише, девочки, – сказала профессор Доуви, сидевшая в одной из купальных кабинок, которые по приказу Софи установили, когда благоустраивали пляж на берегу Зла Озера-на-Полпути. Из открытых окон замка доносились музыка и смех. Стояла теплая, даже душная августовская ночь, поэтому декан Доуви предложила побеседовать на улице, где их не услышит никто из студентов. Сейчас Доуви медленно обвела взглядом украшенные яркими портретами Софи кабинки, усыпанный S-образными раковинами золотистый песок пляжа, озеро. Черное и грязное в недавнем прошлом, оно стало теперь возле берега Зла изумрудно-голубым, с поднимающейся из воды медной статуей сидящей верхом на драконе Софи. Медная Софи была само очарование. Из всех трех пастей дракона фонтаном лилась вода...

– Честно говоря, плохо понимаю, куда я попала, – негромко сказала Доуви.

Софи прокашлялась, но ничего не сказала.

– Я понимаю, что ты огорчена, Софи, и должна признать, что у тебя есть полное право расстраиваться, – вздохнула профессор Доуви, растирая ладонями свои колени. – Феи-крестные, как правило, не имеют привычки использовать магию, чтобы кого-то обмануть. Но главная обязанность фей-крестных – служить Добру, и ради этого иногда приходится... Ведь если бы ты с самого начала была в курсе того, что происходит, то слухи о проблемах выпускников, выполняющих дипломные задания, очень скоро просочились бы наружу, это был бы лишь вопрос времени. А просочившись, эти слухи встревожили бы студентов младших курсов, начались бы волнения в школе. Я знаю, сейчас ты скажешь, что умеешь хранить тайны, но скажу тебе честно, что пока ты не похожа на руководителя, способного установить четкую грань между собой и своими подчиненными.

– Что дает вам основания утверждать это? – сердито подбоченилась Софи.

Доуви повернулась в сторону открытых окон замка. Отсюда, с пляжа, было видно, как за окнами отплясывают, забравшись на статую Софи, двое некогдашников. Потом какой-то парень-всегдашник заметил стоящую у воды Софи и громко прокричал из окна:

– ДЕКАН СОФИ, ТЫ ВЫЙДЕШЬ ЗА МЕНЯ ЗАМУЖ?

Софи подняла вверх свой загоревшийся розовым светом палец и повела им в воздухе, закрывая окна и задерживая шторы.

– Ну хорошо, – сказала она. – Тогда объясните, почему раньше вы все скрывали от меня, а теперь вдруг решили рассказать?

– Потому что мне нужно, чтобы ты возглавила экспедицию в Леса и спасла своих одноклассников, прежде чем умрет еще кто-нибудь из них, – ответила Доуви.

Вызывающее выражение с лица Софи словно стерло тряпкой. Она побледнела, и побледнели три стоящие рядом с профессором Доуви ведьмы.

– *Еще?* Разве кто-то умер? – хрипло переспросила Софи, глядя, как дергается у декана Доуви уголок ее перекошенного рта. – Кто?

– Сама посмотри на карту, – ответила Доуви, не сводя глаз с Озера-на-Полпути, катившего свои волны между берегами Добра и Зла.

Софи и три ведьмы медленно перевели свой взгляд на по-прежнему висевшую в воздухе Карту Квестов декана Доуви с пылающими на ней красным цветом именами.

Но цвет одного имени отличался от остальных.

Он был не просто темно-красным – скорее траурно-черным, а написанное на табличке имя наискось пересекала черная полоска, словно вычеркивающая его из жизни.

«Чеддик».

У Софи перехватило дыхание. Одна черная полоска – и живой души нет на свете. И уже никогда не будет.

Все надолго замолчали, никому не хотелось нарушать тишину. Был слышен только доносящийся из бального зала веселый шум да похрапывание спящих на строительных лесах башни Директора школы стимфов. Дот терла кулаками глаза, Анадиль, потупившись, смотрела в землю. Выбитой из колеи казалась даже Эстер с ее стальными нервами.

Софи? Она, глядя через озеро на далекий стеклянный замок Добра, вспоминала большого, сильного сероглазого парня-всегдашника, который когда-то мерил широкими шагами залы этого замка и был самым преданным, самым верным другом Тедроса. Такой же лучшей подругой самой Софи долгие годы была Агата. Правда, Агата, к счастью, пока жива, хотя и находится так далеко...

А лучший друг Тедроса мертв. Представить себе такое невозможно!

– К-как это случилось? – с трудом ворочая языком, спросила Софи.

– Мы не знаем, – безжизненным тоном ответила профессор Доуви. – Его тело до сих пор должно быть на Авалоне. В противном случае его фигурка исчезла бы с карты.

Авалон! Софи сразу же вспомнила, что видела на своей Карте Квестов синюю фигурку Чеддика именно там, на острове, причем *внутри* замка Леди Озера. Софи еще мельком подумала тогда: что, интересно, делает Чеддик на холодном необитаемом Авалоне, когда по заданию он должен искать рыцарей ко двору Тедроса? И как он мог попасть внутрь замка, куда не мог войти никто, кроме Мерлина или короля Камелота? Но если Чеддик каким-то образом все же сумел проникнуть за ворота замка, то почему его не защитила Леди Озера? Ведь Чеддик был рыцарем из Камелота...

Мысли Софи прервал голос Доуви:

– Пару недель назад Чеддик прислал мне с почтовой вороной сообщение. Писал, что до него дошли слухи об участвовавших в Лесах странных нападениях, и он намерен был узнать, что за этим кроется. Я приказала ему заняться своим заданием и ничего не предпринимать самостоятельно. Он меня не послушался.

Софи повернула голову и посмотрела на декана.

– Я не знаю, что именно удалось узнать Чеддику, но этого хватило, чтобы его убили, – тихо закончила Доуви.

– А теперь вам хочется, чтобы убили и меня тоже? – спросила Софи.

– В отличие от Чеддика ты будешь не одна, а вместе с друзьями, – ответила Доуви, глядя на трех ведьм.

– Ну вот, опять прозвучало это словечко – «друзья», – пробормотала Эстер.

Доуви не обратила внимания на ее реплику и продолжила:

– Нападениями я заинтересовалась намного раньше, чем Чеддик. Как только имена студентов на моей карте начали краснеть, я попросила Мерлина разобраться, в чем там дело. Довольно часто бывает так, что поначалу у студента не складывается с его дипломным заданием, и на этот случай у нас имеются спасательные команды, но чтобы *все* студенты одновременно не справлялись с испытанием – такого не было еще никогда. Тогда же мы начали получать первые сообщения о волнениях и беспорядках в Лесах, о преступлениях против наших студентов. Эти враждебные действия распространялись без разбора как на всегдашников, так и на никогдашников и поначалу казались нам случайными. А потом произошел тот ставший широко известным случай с застрявшим в камне мечом Тедроса. Я надеялась, что Мерлину удастся выяснить все до конца... Ну, а несколько дней назад он наконец вернулся и задал всего лишь один вопрос: какую волшебную сказку пишет сейчас Сториан?

– Ничего существенного он не пишет. Я вам говорила об этом, – сказала Софи и подняла голову, чтобы взглянуть на башню Директора школы, которая стала теперь ее личными апартаментами, соединенными с башней Зла с помощью переходного мостика. Отсюда, с пляжа, в открытом окне башни можно было рассмотреть перо Сториан – оно висело над каменным столом, заваленным смятыми бумажными листами. – После того как Сториан закончил сказку

обо мне и Агате, он начинал и тут же бросал писать сказки о дипломных тестах наших одноклассников.

– Чью историю сейчас пишет Сториан? – спросила Доуви.

– На прошлой неделе он полностью прекратил писать – после того как несколько последних месяцев делал невнятные наброски. Только тогда я впервые за долгое время смогла отоспаться, – с важным видом заметила Софи. – Впрочем, вы сами не раз говорили, что Сториан часто начинает сказку, которая кажется ему удачной, но потом вдруг бросает ее прямо на середине... И что это нормально...

– Нужно принять к сведению, что Сториан пишет только те сказки, которые нужны нам в данный момент, – ответила профессор Доуви. – Истории, которые помогают поддерживать в Лесах хрупкое равновесие между силами Добра и Зла. Однако за последние шесть месяцев Сториан не выдал *ни одной* новой сказки. Возможно, он не видит ничего интересного и нужного в том, чтобы рассказывать о неудачах твоих одноклассников, Софи. Впрочем, Мерлин считает, что все эти провалы связаны друг с другом и являются составными частями целого, которое даст начало новой волшебной сказки. Именно ее-то и будет писать Сториан.

– Скажите, а у вас есть доказательства? – спросила Софи.

– И вот с *ней* мы должны будем идти на дело? – неприязненно покосилась на нее Эстер.

– Погиб ученик, девочки. Я думаю, что разговоры здесь излишни. Вам нужно будет найти и похоронить Чеддика, и по возможности выяснить, что его убило. Или *кто*, – спокойным ледяным тоном сказала профессор Доуви.

И Софи, и ведьмы замолчали.

– Кроме того, если верить карте, вы свои испытания тоже заваливаете, – добавила Доуви.

Софи и ковен повернулись к карте, присмотрелись – и застыли, вытаращив глаза и открыв рот.

До этого все они были настолько заняты одноклассниками, что найти самих себя на карте как-то не удосужились. Теперь они это сделали – и убедились, что все их имена светятся красным.

– Ну а я-то каким образом могу не справляться со своим заданием?! – возмутилась Софи. – Мое испытание – стать деканом школы Зла. Его мне назначила леди Лессо...

– А мы почему не справляемся? – присоединилась к ней Эстер, глядя на своих подруг по ковену. – Мы никаких ошибок не допускали, все делали по плану...

– Если не считать того, что ваши задания отменены, – сказала профессор Доуви.

Софи и ведьмы растерянно переглянулись друг с другом.

– Видите ли, красными на моей карте ваши имена сделались только *вчера*, – продолжила декан школы Добра. – Практически в момент смерти Чеддика. Не думаю, что это простое совпадение. Карту Квестов Сториан создает раз в три года, когда в Леса отправляется новая группа выпускников. То, что перо перестало писать одновременно с изменением цвета ваших имен, ставших на карте красными, только подтверждает наш с Мерлином вывод о том, что каждого из вас впереди ожидает новое, более важное испытание. И только тогда Сториан начнет писать свою следующую сказку.

Она помолчала, ожидая вопросов, но Софи и ведьмы ошеломленно молчали, и Доуви продолжила.

– Будь у нас такая возможность, мы с Мерлином сами бы отправились в Леса, – сказала она. – Но учителям запрещено напрямую вмешиваться в ход студенческого задания, поскольку мы не имеем права влиять на события, происходящие в волшебной сказке. Это означает, что в новом, большом испытании *вы* будете представлять никогдашников, а Мерлин сегодня к ночи подберет команду всегдашников, которая к вам присоединится. Учитывая печальную участь Чеддика, я решила, что обо всем этом можно рассказать только при личной встрече, а не через волшебный шар, потому и попросила вас, девочки, немедленно вернуться в школу. Чтобы

избежать новых потерь, вы должны отправиться в путь как можно скорее. Но помните, что вы не просто спасательная команда. Теперь вы детективы. В Лесах появилась какая-то сила, которая угрожает здоровью и даже жизни наших студентов. Ваша задача – найти ее. Это одно общее для вас задание, главная цель которого – спасти всех наших товарищей в Лесах.

Софи никак не могла сосредоточиться, одна мысль никак не отпускала ее:

– Кто-нибудь уже сообщил Тедросу о...

– Нет, – не дав ей договорить, ответила профессор Доуви, поднимаясь со своего складного стула. – Узнай Тедрос о гибели своего друга, он сгоряча бросился бы что-нибудь предпринимать. Таким образом, остров Авалон должен стать первым пунктом на вашем пути. Даже если вам не удастся проникнуть за ворота замка, постарайтесь понять, что там делал Чеддик и как он погиб.

Голова Софи, что называется, «плыла», она чувствовала себя так, словно пытается очнуться от тяжелого сна. Погибшие друзья... мертвые тела, которые нужно похоронить... загадочная угроза...

До чего же быстро все меняется в волшебной сказке!

Всего несколько минут назад она была хозяйкой блистательного вечера, который помог ей наконец перевернуть страницу и начать новую главу в своей жизни. И вот теперь ей предстоит бросить все, что она с таким трудом налаживала, отправиться в Леса и с риском для собственной жизни спасти от гибели своих друзей.

Но она не была готова покидать свое уютное, насиженное место. После трех лет упорных поисков выхода из своей старой сказки Софи совершенно не была готова к тому, чтобы оказаться втянутой в новую сказку. Не была готова и не хотела этого. Находясь на стороне Зла, об этом можно говорить открыто, не испытывая чувства вины. В душе нынешней (новой и более гибкой) Софи эгоизм легко сочетался с отзывчивостью. Что это означало? Всего лишь то, что независимо от чувств, которые Софи испытывала к судьбе Чеддика и к своим затерянным посреди Бескрайних лесов старым друзьям, она... не отправится им на помощь.

– Простите, но я такой же декан, как и вы, профессор Доуви. Я отвечаю более чем за сотню своих студентов и тоже не могу их бросить, – решительно объявила Софи. – Мне, в принципе, безразлично, что там показывает ваша карта. Думаю, что Эстер, Анадиль и Дот прекрасно справятся со своим заданием сами, без меня.

Три ведьмы переглянулись и перемигнулись, словно телепатически все вместе загадали желание и закрепили его.

– Софи, ты не только декан, но и студентка четвертого курса, а это значит, что я могу менять твое задание точно так же, как ты поменяла его Хорту. А если декан дает студентке задание, она должна выполнять его, иначе ее отошлют в комнату Страха...

– Не нужно мне угрожать, *Кларисса*, – оборвала ее Софи, с удовольствием наблюдая, как дернулось лицо Доуви, когда она назвала ее *просто* по имени. – Не вам приказывать, что я должна делать, а чего не должна. Я знаю, вы мечтаете избавиться от меня, потому что все ваши всегдашники с огромной охотой тянутся теперь к моему Злу. Новое задание – просто удобный предлог для этого.

– «Моему Злу», вот как? Мне следовало это предвидеть. Каждый раз, когда мне кажется, что ты изменилась, приходится вспоминать, какой эгоистичной ты можешь быть, – сказала профессор Доуви. – На протяжении своих первых трех лет в школе ты постоянно пыталась давить на студентов обеих школ, чтобы достигать своих собственных, зачастую коварных, целей. Ты мучила своих товарищей, издевалась над ними, предавала... но несмотря ни на что они простили тебя и подчинялись тебе как своему декану в последние месяцы учебы на третьем курсе. Они демонстрировали тебе такую преданность, какой никогда не видели от тебя самой. Теперь те же самые твои одноклассники попали в беду и нуждаются в твоей помощи. Знаешь, эта история больше не о тебе, Софи. Она про *них*. Но если ты все-таки хочешь сделать эту сказку

своей, подумай вот о чем. Это в любом случае не будет история о том, добьешься ли ты в конце концов славы, богатства, своего маленького счастья... Нет, это будет история о том, сможешь ли ты подняться от вероломной предательницы из своей собственной сказки до настоящей героини чьей-то *чужой* сказки. Это твое *новое* испытание. Это история, которую собирается написать Сториан.

Софи замолчала, не отводя своих изумрудных глаз от глаз Доуви. Лицо Софи медленно заливалось краской, делая ее похожей не столько на декана школы Зла, сколько на пристыженную маленькую девочку.

– Она пойдет, никуда не денется, правда? – пробормотала Эстер, а ее демон состроил рожицу.

– Скажи, ты можешь превратить человека в шоколад? – спросила у Дот Анадиль.

– Мне чечевичных кексиков за глаза хватило, – хмыкнула Дот.

Софи ведьм не слышала, она пристально смотрела на башню, за окнами которой продолжалось веселье.

– Но кто вместо меня будет исполнять обязанности декана школы Зла? – упавшим тоном спросила Софи.

– Профессор Мэнли, – ответила декан Доуви и добавила, не дожидаясь возражений со стороны Софи: – Я полагаю, что его... непопулярность, скажем так, среди студентов только сыграет тебе на руку, когда ты вернешься.

– *Если* я вернусь, вы хотели сказать, – мрачно поправила ее Софи.

Она ожидала, что профессор Доуви бросится сейчас разубеждать ее, но та ничего не сказала.

– А что тогда насчет нового Директора школы? – подала голос Эстер. – Мы целых шесть месяцев прочесывали Леса в поисках того, кто мог бы встать у руля нашей школы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.